

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Соломина Елизавета Владимировна

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
НОСИТЕЛЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Иванцова Екатерина Вадимовна

Томск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1 Понятие городского просторечия и характеристика его типичного носителя.....	16
1.1 Городское просторечие как подсистема общенационального языка.....	16
1.1.1 История формирования городского просторечия. Трактовки термина «просторечие»	16
1.1.2 Свойства городского просторечия.....	23
1.1.3 Критерии определения носителя городского просторечия.....	27
1.1.4 Методология исследования.....	36
1.2 Общая характеристика идиолекта просторечной языковой личности.....	47
Выводы.....	71
Глава 2 Экспрессивность как доминантная черта лексикона просторечной языковой личности.....	75
2.1 Экспрессивность как семантическая категория	75
2.2 Семная структура лексического значения экспрессивного слова.....	79
2.3 Экспрессивные лексико-фразеологические единицы лексикона носителя городского просторечия	84
2.3.1 Эмоционально-оценочные экспрессивы в лексиконе носителя городского просторечия	87
2.3.1.1 Мелиоративная эмоциональная оценка.....	87
2.3.1.2 Сочетание мелиоративной эмоциональной оценки с интенсивностью	99
2.3.1.3 Пейоративная эмоциональная оценка.....	99
2.3.1.4 Сочетание пейоративной эмоциональной оценки с интенсивностью	112
2.3.2 Экспрессивно-интенсивные единицы лексикона носителя городского просторечия.....	112
Выводы.....	122

Глава 3 Стилистическая сниженность как доминантная черта лексикона просторечной языковой личности.....	129
3.1 Проблема стилевой дифференциации в городском просторечии. Определение понятия стилистической сниженности	129
3.2 Место стилистической сниженности в семной структуре лексического значения слова	133
3.3 Определение некоторых понятий, относящихся к категории сниженности: «обсценизмы», «скатологизмы», «мат»	135
3.4 Специфика употребления обсценизмов носителем городского просторечия.....	138
3.5 Стиллевая дифференциация лексических и фразеологических единиц в лексиконе носителя городского просторечия	139
3.6 Характеристика сниженных единиц в лексиконе и дискурсе просторечной языковой личности	142
3.6.1 Скатологизмы.....	145
3.6.2 Мат.....	148
3.7 Соотношение категорий сниженности, экспрессивности и эмотивности в лексиконе носителя городского просторечия	157
Выводы.....	163
Заключение	165
Список литературы.....	171
Приложение А Фрагмент записей спонтанной речи носителя городского просторечия	201

Введение

Во второй половине XX в. в связи с интенсивной гуманизацией науки центральным объектом гуманитарных исследований становится человек. Человеческий фактор выходит на первое место и в исследованиях языка: особое внимание получает проблема «человек и язык», активно развивается новое направление в лингвистике – лингвоперсонология, основным объектом изучения которой становится языковая личность (ЯЛ).

Интерес к изучению языка сквозь призму говорящего индивида проявляется в лингвистике намного раньше. О важности изучения соотношения общего и индивидуального в языке говорят В. фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1985], И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ, 1963], Э. Сепир [Сепир, 1993], Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974], Р.А. Будагов [Будагов, 1967] и многие другие. В 1929 г. Й.Л. Вайсбергер, признавая индивидуальное владение языковой системой одной из форм бытования языка, вводит в научный обиход понятие «языковая личность» [Вайсгербер, 2009. С. 155]. В отечественной лингвистике понятие «языковая личность» впервые использовано В.В. Виноградовым в статье 1930 г. «О языке художественной прозы» [Виноградов, 1980].

С середины XX в. в отечественной науке начинается исследование речи конкретных носителей языка: создаются словари писателей, исследуется речь некоторых творческих и рядовых языковых личностей.

В 80-е гг. XX в. в лингвистике происходит «поворот к личности». Важную роль в этом процессе сыграли новаторские работы Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова, посвящённые разработке концепций ЯЛ.

По Г.И. Богину, ЯЛ – это «...человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1982. С. 1]. Этому ученому принадлежит лингводидактическая модель структуры ЯЛ, в которой учитываются виды речевой деятельности, уровни системы языка и выделяется пять уровней развития ЯЛ. Данная модель используется чаще всего для описания ЯЛ в лингводидактическом аспекте.

Ю.Н. Караулов разработал теорию ЯЛ, ориентированную на выявление и описание присущей языковой личности языковой картины мира и системы ценностей. Исследователь определяет ЯЛ следующим образом: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2010. С. 38]. Ю.Н. Караулов предлагает уровневую модель структуры ЯЛ, в которой выделяются системно-структурный или вербально-семантический уровень (где единицами являются слова), лингво-когнитивный или тезаурусный (где единицами являются концепты) и мотивационно-прагматический или мотивационный (где единицами являются коммуникативно-деятельностные потребности ЯЛ) [Караулов, 2010. С. 37–54].

Концепции Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова положены в основу современных разработок теории ЯЛ [Голев, 2004а и др., Иванцова, 2010а, 2010б; Карасик, 1994, 2003, 2004; Лебедева, 2007; Оленёв, 2008; Седов, 1994а, 1996, 2000, 2004, и др.], используемых в различных школах: Волгоградской, Саратовской, Барнаульско-Кемеровской, Томской.

Настоящая работа основывается на концепции языковой личности, принятой в Томской лингвистической школе, главной отличительной чертой которой является принципиальная установка на изучение реальных ЯЛ.

Е.В. Иванцова определяет языковую личность как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённую в созданных ею текстах» [Иванцова, 2002а. С. 10]. Данное определение принято в качестве основного и в нашей работе.

В последние десятилетия появляется много исследований, посвящённых описанию реальных ЯЛ. Прежде всего внимание ученых привлекают выдающиеся носители литературного языка: писатели и поэты [Кузневич, 1999; Букирева, 2000; Каракуц-Бородина, 2000; Кудинова, 2000; Пшенина, 2000; Салимова, 2000; Бабенко, 2001; Менькова, 2004; Кузьмина, 2005; Сичинава, 2007; Федотова, 2007; Алексеева, 2009; Кац, 2009; Фокина, 2010; Малова, 2012], публицисты [Куроедова, 2001; Ширина, 2010], исторические личности [Шилина, 2003; Попова,

2004; Бурмакина, 2007; Дарьина, 2008; Иванова, 2008], судебные ораторы [Баишева, 2007], политики [Соколовская, 2002; Мордовин, 2004; Петрухина, 2009; Кричун, 2011], учёные [Федорченко, 2002; Парсамова, 2004], теле- и радиоведущие [Беспамятнова, 1994; Канчер, 2002; Шаповалова, 2008] и др.; (обзор лингвоперсонологических работ см. в [Иванцова, 2010а]).

Изучаются и ЯЛ представителей традиционной народно-речевой культуры [Грузберг, Егорьева, 1969; Тимофеев, 1971; Скитова, Огиенко, 1971; Андреева, Горланова, 1971; Лютикова, 1999 и др.].

Томскими лингвистами Е.В. Иванцовой [Иванцова, 2002а, 2002б, 2003, 2004а, 2004б, 2004в, 2006, 2011], Л.Г. Гынгазовой [Гынгазова, 1998, 1999, 2001, 2007, 2009, 2010, 2012, 2013], Т.А. Демешкиной [Демешкина, 1994, 1996, 1997], Т.Ф. Волковой [Волкова, 2000а, 2000б, 2001, 2004а, 2004б], О.А. Казаковой [Казакова, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2003а, 2003б, 2003в, 2003г, 2005а, 2005б, 2007а, 2007б], С.С. Кузнецовой (Земичевой) [Кузнецова, 2010, 2011, 2014, 2015, Земичева 2015], Е.А. Крапивец [Крапивец, 1998, 1999, 2000а, 2000б, 2000в], А.В. Масловой [Маслова, 2014], Е.А. Берестовой (Астафьевой) [Берестова, 2015, Астафьева, 2016], Л.А. Ивановой [Иванова, 2012] и другими учёными ведется многолетнее комплексное изучение феномена диалектной ЯЛ. Объектом исследования является ЯЛ диалектоносительницы В.П. Вершининой, описанию которой посвящены докторская диссертация «Феномен диалектной языковой личности» и одноимённая монография Е.В. Иванцовой [Иванцова, 2002а], кандидатские диссертации Т.Ф. Волковой [Волкова, 2004б], О.А. Казаковой [Казакова, 2005б], С.С. Кузнецовой [Кузнецова, 2015] а также большой цикл статей двадцати авторов – всего более 150 публикаций. Описан идиолексикон, особенности строения текста, стилевая организация дискурса, выразительные средства, система речевых жанров, особенности языковой картины мира, особенности речевого этикета диалектной ЯЛ.

В то же время следует отметить, что изучение рядовых носителей языка только начато. При активном обращении лингвоперсонологии к речи конкретных диалектоносителей языковые личности представителей других типов речевой

культуры, в частности, городского просторечия (ГП), остаются почти не изученными.

В целом ГП привлекает внимание учёных: изучаются источники его формирования [Баранникова, 1977, 1981, 2005; Собинникова, 1992]; статус и языковые особенности [Капанадзе, 1984; Земская, 1983, 2004, 2006; Земская, Китайгородская, 1984; Китайгородская, 1988; Химик, 2000; Крысин, 2004; Прияткина, 2000; Шапошников 2012], осуществляется его культурно-речевое описание [Гольдин, Сиротинина, 1993; Стернин, 2013], освещается лексико-семантический [Еремин, 2001; Шапошников 2012] и лингвокультурологический [Купина, Шалина, 2004, 2007] аспекты, охарактеризовано ГП отдельных регионов [Банкова, 1987; Юнаковская, 1994; Прокуровская, 1996; Пирко, 2007]. На фоне большого количества работ, посвящённых ГП в целом, о просторечной ЯЛ известно лишь очень немногое, Работы, опирающиеся на спонтанную речь реальных просторечных языковых личностей, единичны.

Одна из них – монография Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингвосоциологического чтения» [Козлова, Сандомирская, 1996] – написана на материале дневника носительницы ГП Е.Г. Киселёвой. В книге представлен социально-исторический и социологический анализ сообщества носителей ГП¹. Авторы выявили, что это сообщество принадлежит к традиционному и полутрадиционному типу периода распада традиционных ценностей, где, с одной стороны, присутствуют стереотипы культуры, восходящие к архаической традиции и сохраняются некоторые традиционные ценности, с другой – эти ценности разрушаются, что приводит к высокому уровню открыто выражаемой агрессивности включая физическое насилие, слабой способности к самоограничению и самоконтролю, отсутствию сложившейся досуговой области и т.д. Исследование в целом носит культурологический характер, хотя затрагивает и некоторые языковые

¹ Авторы используют для обозначения этого феномена словосочетание «сообщество, к которому принадлежит Е.Г. Киселёва», имея в виду круг людей одного с автором дневника типа культуры, в том числе речевой.

особенности текста просторечной ЯЛ, соотносимые с ее социальным статусом: жанровые черты наивного нарратива, взаимопереплетение неофициального дискурса и официальных клише, неосознанное отношение автора к литературной норме, отсутствие целостной картины мира.

В собственно лингвистическом аспекте просторечная ЯЛ освещается в работе В.Д. Черняк «Речевой портрет носителя просторечия» [Черняк, 2003]. Материалом для этого исследования послужили попавшие к исследователю записи фрагментов дискурса носителя ГП И.Н. Целиковой. На основе анализа ее идиолексикона автор выделяет наиболее значимые характеристики речи рассматриваемой ЯЛ: наличие метаязыковой рефлексии (осознание различий в языковых средствах городских и деревенских жителей), «крестьянской оценки», большое количество экспрессивных лексем, пословиц и поговорок, заимствований с трансформацией облика и значения слова, актуализация внутренней формы слова.

Следует отметить, что в обоих случаях исследователи не опирались на данные устной речи своих информантов в ее непосредственном бытовании.

Слабая степень изученности дискурса отдельных просторечных языковых личностей связана, с одной стороны, с тем, что изучение конкретных ЯЛ в лингвоперсонологии началось сравнительно недавно, с другой стороны – с тем, что существуют проблемы теоретического и практического плана, требующие решения при описании просторечной языковой личности.

Во-первых, феномен ГП не до конца теоретически осмыслен, в том числе и по причине многозначности термина «просторечие», поэтому существуют объективные трудности идентификации языковой личности как носителя ГП. Во-вторых, носитель ГП – человек недостаточно грамотный, не занимающийся умственным трудом – обычно не создаёт письменных текстов большого объёма, которые могли бы послужить материалом для лингвоперсонологического исследования. Письменная часть дискурса носителя ГП ограничивается, как правило, немногочисленными деловыми текстами (заявление, объяснительная записка) либо короткими комментариями на Интернет-сайтах или в социальных

сетях, иногда – текстами СМС. Кроме того, фиксация устных текстов типичного дискурса носителя ГП часто представляет определённую сложность для исследователя из-за полярности типов речевой культуры лингвиста и носителя ГП.

Настоящее исследование посвящено описанию ЯЛ носителя ГП.

Актуальность исследования

Изучение ЯЛ носителя ГП важно, в первую очередь, в связи с распространённостью ЯЛ этого типа речевой культуры в современном обществе. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., среди жителей городов трудоспособного возраста и старше людей, имеющих среднее профессиональное образование, насчитывается более 28 млн. человек, общее среднее (полное) – более 4 млн. человек, общее основное – более 6 млн. человек, профессиональное начальное – более 4 млн. человек, начальное – более 3 млн. человек, не имеют начального образования более 300 тыс. человек [Всероссийская перепись. Электронный ресурс]. Таким образом, среди городского населения России более 45 млн. человек имеют уровень образования не выше среднего. Как отмечает И.В. Шалина, «можно утверждать, что время опровергает трактовку просторечия как маргинального явления. Из современного поликультурного пространства России просторечие не вытеснено. Напротив, оно ”помолодело” и ”социально окрепло”» [Шалина, 2010. С. 3]. Имея обширную социальную базу, ГП всегда влияло на литературный язык [Крысин, 2004], в 90-е гг. XX в. проникновение просторечных и жаргонных элементов в литературный язык активизируется, учёные говорят о новом витке процесса вульгаризации литературного языка [Елистратов, 1994; Какорина, 1996].

Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью описания языковой личности носителя ГП как представителя недостаточно исследованного типа речевой культуры. Актуальным остаётся вопрос о том, каким образом и в какой мере проявляются особенности ГП, выделенные разными исследователями на основе анализа фрагментов коллективного просторечного дискурса, в идиолекте конкретного представителя данного типа речевой

культуры. Важно получить представление о составе идиолексикона носителя ГП, а также о доминантных чертах его языковой личности, предопределяемых её социально-культурным типом и индивидуальностью.

Актуально изучение ГП и как языковой подсистемы переходного типа, отражающей «движение» языка от местных говоров к литературному языку, в которой широко распространено явление неполной освоенности норм кодифицированной речи, взаимодействия различных подсистем национального языка (диалекты – просторечие – жаргоны – литературный язык).

Объект исследования – ЯЛ носителя ГП. По классификации, предложенной Л.П. Крысиным, данная ЯЛ относится к носителям просторечия-2 – более молодой разновидности просторечия, в значительной степени жаргонизированной [Крысин, 2004]. Рассматриваемая ЯЛ – мужчина 1959 г. рождения, русский; образование – 6 классов средней школы и полугодовые курсы фотографов; профессии – плотник, кабельщик-монтажник, тракторист, монтёр, газосварщик, шофёр, фотограф, дворник, охранник. Выбор объекта изучения был сделан с учётом языкового фактора (в его речи отмечаются отклонения от литературных норм на всех уровнях языка) и ряда экстралингвистических (информант имеет неоконченное среднее образование, занят главным образом неквалифицированным трудом, работает в сферах, далёких от традиционных видов хозяйствования и т.д.).

Таким образом, в настоящей работе рассматривается рядовая ЯЛ типичного представителя ГП.

Предметом исследования стали доминантные особенности рассматриваемой ЯЛ.

Цель работы – описание ЯЛ носителя ГП с выявлением её доминантных характеристик.

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

- определить термин «городское просторечие», понятие «носитель городского просторечия», выработать критерии выбора ЯЛ для исследования;

- разработать метод сбора материала для исследования, записать устную спонтанную речь носителя ГП;
- выявить просторечные черты в дискурсе рассматриваемого носителя ГП;
- выявить и описать доминантные характеристики лексикона исследуемой языковой личности;

Материалом для исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи информанта, сделанные в 2002 г. и в период с 2010 г. по 2012 г., объемом около 72 часов.

Методы исследования

При сборе материала был применён разработанный автором метод самозаписи информанта. Он использовался в сочетании с элементами метода включённого наблюдения.

В качестве основных методов анализа используются лингвоперсонологический метод речевого портретирования, а также общенаучный описательный метод, включающий приёмы наблюдения, интерпретации, сравнения, классификации. В ходе исследования применялся теоретико-методологический анализ источников по проблеме исследования.

Степень достоверности результатов проведённых исследований

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается использованием в качестве его основы фундаментальных работ в области изучения городского просторечия (Л.И. Баранникова, В.Е. Гольдин, А.Н. Еремин, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Н.А. Купина, А.Ф. Прияткина, О.Б. Сиротинина, В.И. Собинникова, И.А. Стернин, В.В. Химик, И.В. Шалина, В.Н. Шапошников), языковой личности (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, Н.Д. Голев, Е.В. Иванцова), лексической семантики (Ш. Балли, И.В. Арнольд, О.И. Блинова, В.Н. Гридин, Н.А. Лукьянова, Т.В. Матвеева, Ю.М. Скребнев, В.Н. Телия, В.К. Харченко) значительного объема материала (проанализированы аудиозаписи спонтанной речи информанта объёмом около 72 часов).

Научная новизна предпринятого исследования состоит в следующем:

Впервые объектом монографического описания стала реально существующая языковая личность рядового носителя ГП.

Впервые выделены и описаны доминантные характеристики лексикона языковой личности носителя ГП.

Разработан и апробирован новый метод сбора материала для исследования – метод самозаписи информанта.

В научный оборот введен обширный корпус текстов спонтанной речи просторечной языковой личности.

Теоретическая значимость работы определяется, с одной стороны, её вкладом в изучение феномена ГП, в том числе его стилевой дифференциации; с другой – вкладом в теорию ЯЛ: выявление типологических характеристик носителя ГП, разработка лингвоперсонологических методов сбора материала. Работа может быть использована как теоретическая база для дальнейших исследований просторечных языковых личностей.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в учебно-педагогической деятельности в вузе при чтении курсов по лексикологии и стилистике русского языка; при проведении спецкурсов, посвященных проблемам лингвоперсонологии, описания нелитературных подсистем общенационального языка, а также вопросам культуры речи. В лексикографической практике материалы исследования могут быть использованы при составлении идиолектного словаря носителя ГП, а также других словарей ГП.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основным признаком носителя ГП является недостаточное владение нормами литературного языка при условии невладения диалектом, дополнительными – экстралингвистические параметры: формирование и бытование личности в просторечной среде, низкий уровень образования, не требующая интеллектуальных усилий работа, слабая степень овладения духовной культурой общества и ряд других.

2. Специфические для ГП показатели проявляются во всех составляющих идиолекта просторечной ЯЛ: на уровне фонетики, грамматики и лексики, в особенностях строения текста, коммуникативного поведения и метаязыкового сознания. При этом некодифицированные фонетические, грамматические и лексические средства чередуются в речи одного лица с нормативными, отражая своеобразие строго не детерминированной системы ГП, для которой характерна широкая вариантность единиц с вероятностным или случайным выбором.

3. Лексикон носителя просторечия отличается наличием специфических просторечных слов и выражений, диалектно-просторечных и жаргонных элементов, неполно освоенной книжной лексики, диффузностью семантики ряда единиц. Доминантными чертами лексикона просторечной ЯЛ являются высокая степень его экспрессивности и сниженности. Сниженные и экспрессивные элементы находятся в отношениях наложения.

4. Экспрессивная лексика просторечной ЯЛ маркирует значимые для носителей ГП качества, действия, состояния человека и неодушевлённых объектов, позволяя реконструировать черты картины мира. Широкая представленность номинаций сообразительности, предприимчивости, трудолюбия, добывания чего-л. с применением силы или большим трудом, актов физического насилия, принятия спиртного, конфликтности, предательства, состояний раздражения, гнева и др. отражают черты поведения и свойств личности в просторечной культуре; характер оценок дает представление о ее системе ценностей.

5. Значительное место в лексиконе просторечной ЯЛ занимает стилистически сниженная лексика и фразеология, градуируемая по степени сниженности. Самую обширную и высокочастотную группу единиц представляют максимально сниженные единицы мата. Табуированность обцензмов проявляется в различных ограничениях употребления этих единиц зависимости от ситуации общения. Наличие в идиолекте просторечной ЯЛ сниженного стиля при отсутствии высокого, видимо, свидетельствует о неактуальности возвышенной, духовной стороны жизни в картине мира носителей просторечия.

6. Метод самозаписи информанта является эффективным инструментом получения максимально близких к естественной речевой коммуникации лингвоперсонологических материалов, особенно в ситуации, когда исследователь и объект изучения относятся к разным типам речевой культуры.

Апробация исследования

Основные положения исследования были представлены на 6 конференциях: международной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Чита, Забайкальский государственный педагогический университет, 2009 г.), международной конференции «Язык и общество в современной России и других странах» (Москва, Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2010 г.), международной конференции «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, Сибирский федеральный университет, 2013 г.), международной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, Томский государственный педагогический университет, 2016 г.), конференции «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (Томск, Томский государственный университет, 2010, 2011, 2012 гг.), Результаты работы над диссертацией обсуждались на аспирантском семинаре кафедры русского языка ТГУ (26 ноября 2015 г.) и на заседании кафедры русского языка ТГУ (23 июня 2016 г.).

Основное содержание диссертации представлено в 10 публикациях, в том числе в 3 в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура диссертации. Работа включает введение, 3 главы, заключение, список литературы, 1 приложение, 5 рисунков.

Во введении обосновывается актуальность исследования, описываются его цель и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна работы, излагаются положения, выносимые на защиту. В главе 1 дано описание теоретических основ работы, представлена общая характеристика идиолекта просторечной ЯЛ. В главах 2 и 3 описаны доминантные черты лексикона рассматриваемой просторечной ЯЛ. Заключение содержит выводы и намеченные

перспективы исследования. Основное содержание работы изложено на 170 страницах. Список литературы включает 327 наименований, в том числе 20 словарных источников. В приложении А «Фрагмент записей спонтанной речи носителя городского просторечия» помещена запись диалога носителей ГП с участием информанта.

Глава 1 Понятие городского просторечия и характеристика его типичного носителя

1.1 Городское просторечие как подсистема общенационального языка

1.1.1 История формирования городского просторечия. Трактовки термина «просторечие»

Понятие «просторечие», как отмечают многие исследователи, неоднозначно и противоречиво. Оно обозначает целый круг близких и генетически связанных друг с другом, но всё же различных явлений.

Среди современных толкований этого термина можно выделить 4 основных.

Во-первых, просторечие понимается как одна из форм национального языка, существующая наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком, которая имеет наддиалектный характер и, в отличие от говоров и жаргонов, является общепонятной для носителей национального языка [Бельчиков, 1990. С. 402]; «...ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка» [Капанадзе, 1984. С.5], «...речь городских жителей, не овладевших нормами русского литературного языка» [Земская, Китайгородская, 1984. С. 66].

Такое просторечие часто называют внелитературным, оно находится за пределами литературного языка (ЛЯ) (то есть просторечный дискурс в целом не соответствует нормам литературного языка) и имеет свою социальную базу – необразованных или недостаточно образованных носителей языка, живущих, как правило, в городе (вне диалектного окружения). В данном понимании просторечие является подсистемой языка, трактуемой как «...разновидность языка, которая имеет своих носителей» [Крысин, 2004. С. 323].

Важно, что при таком подходе просторечным дискурсом считается совокупность всех текстов, принадлежащих носителям просторечия.

В рамках данного подхода просторечие рассматривают Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, О.Е. Морозова, О.П. Ермакова, Р.И. Розина, Е.А. Земская, Л.П.

Крысин, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, Н.А. Купина, И.В. Шалина, Т.Б. Банкова, А.А. Юнаковская, М.Т. Дьячок, Т.И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева В.В. Пирко и др.

Чрезвычайно важной вехой в изучении этого типа речи стал выход в свет в 1984 г. сборника статей «Городское просторечие. Проблемы изучения» [Городское просторечие, 1984]. В указанной работе отмечено, что просторечие как подсистема языка обладает особенностями на всех языковых уровнях, впервые дан обширный перечень этих особенностей, отмечены определяющие черты речи малообразованных горожан: ненормированность, стилистическая недифференцированность, бесписьменность [Капанадзе, 1984. С. 8]. Отмечено, что ГП не представляет собой единой системы [Капанадзе, 1984. С. 11], что его основу составляет «общенародный язык с его грамматическим строем и основным словарём» [Девкин, 1984. С. 14], что оно способно функционировать не только в узкобытовом [Крысин, 1989. С. 66], но и в официальном общении [Земская, Китайгородская, 1984. С. 69].

Во-вторых, под просторечием понимается «...слово, грамматическая форма или оборот преимущественно устной речи, употребляемые в литературном языке обычно в целях сниженной, грубоватой характеристики предмета речи...» [Филин, 1979. С. 239]. В этом случае просторечие рассматривается как стилистическое средство, используемое носителями литературного языка (далее – ЛЯ); такое просторечие часто называют стилистическим, или литературным. Ф.П. Филин считает, что единицы литературного просторечия следует рассматривать как принадлежность ЛЯ, поскольку они «...могут быть употреблены в подходящей ситуации любым образованным человеком» [Филин, 1973. С. 7].

Явление литературного, стилистического просторечия генетически связано с просторечием как подсистемой русского языка. В процессе сосуществования внутри общенационального языка ЛЯ и просторечия между ними происходило непрерывное взаимодействие, в результате которого некоторые (в первую очередь, лексические и фразеологические) единицы просторечия заимствовались литературным языком в качестве стилистического средства. По замечанию А.Н. Еремина, «экспрессивное просторечие – это одна из форм существования живого

просторечия в инородной для него языковой форме существования национального языка» [Еремин, 2001. С. 31]. Подобное включение в русскую литературную речь нелитературных элементов имеет давнюю традицию: В.В. Виноградов указывает, что ещё в документах XVII в. в ЛЯ часто отмечался приём смешения церковнославянского языка с бытовым, подчас даже вульгарным просторечием [Виноградов, 1982. С. 48]. Г.П. Князькова отмечает, что в XVIII в. просторечие выступало как функционально-стилистическая категория, обладающая стилистической маркированностью, проявляющейся как сниженность, опрощенность [Князькова, 1974. С. 9].

В рамках данного подхода просторечие рассматривается в работах Ф.П. Филина, С.И. Ожегова, О.В. Диановской, Л.И. Балахоновой, Ю.С. Сорокина, Л.И. Рахмановой, Л.И. Скворцова, Г.П. Князьковой, Г.Ф. Митрофанова и др. Некоторые лингвисты указывают, что в современной языковой ситуации употребительность стилистического просторечия настолько возросла, что можно говорить о просторечии как об особой функциональной разновидности русского языка, используемой в сфере обиходного общения, «...предполагающего намеренное, регистровое употребление ненормативных единиц с определёнными коммуникативно-прагматическими установками» [Химик, 2000. С. 202]. Такой точки зрения придерживаются также А.Н. Еремин [Еремин, 2001] и В.Н. Шапошников [Шапошников, 2012].

В-третьих, просторечие иногда понимают как совокупность особенностей речи лиц, слабо владеющих литературными нормами. Такое просторечие признаётся бессистемным: это «...имманентно нейтральные в стилистическом отношении и не имеющие территориальной (диалектной) закреплённости отличительные особенности речи лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка... [Просторечие – Е.С.] ...является по существу только совокупностью хотя и многочисленных, но «факультативных» отступлений от норм кодифицированной речи» [Журавлёв, 1984. С. 102].

Данная трактовка просторечия отличается от первой (согласно которой просторечие является подсистемой общенационального языка, носители которой

– малообразованные горожане) тем, что она позволяет подходить к просторечному дискурсу дифференцированно, т.е. рассматривать как просторечный не весь дискурс малообразованных носителей языка, а лишь его часть, включающую различные отклонения от литературных норм.

В отличие от стилистического просторечия, использование ненормативных элементов в просторечии, согласно приведённой трактовке, может осуществляться и без специального стилистического задания, неосознанно. Различаются в этом случае и носители просторечия: если стилистическим просторечием пользуются носители ЛЯ, то в данном понимании носители просторечия – малограмотные люди. Такой точки зрения на просторечие придерживаются А.Ф. Журавлёв, Д.Н. Шмелёв, М.В. Холодкова и др.

В-четвёртых, под просторечием понимают историческое явление XVII–XIX вв. – речь «простых» людей, не связанную с книжно-письменной традицией [Баранникова, 2005]. Сходное понимание просторечия можно найти и в современных исследованиях: например, Б.Я. Шарифуллин определяет просторечие, с одной стороны, как особенности повседневной речи среднего городского населения, с другой стороны – как язык современного города (автор имеет в виду небольшие города) в целом [Шарифуллин, 1997].

Многозначность термина «просторечие» иногда приводит к смешению разных понятий, обозначаемых данным термином: например, в диссертационном исследовании Е.В. Гнусиной под просторечием понимается иногда речь необразованных слоёв города, иногда – стилистическое просторечие [Гнусина, 2006]. В исследованиях В.В. Пирко, М.В. Холодковой и др. на основании употребления носителями ЛЯ сниженной, просторечной лексики (т.е. стилистического просторечия) делается вывод о расширении социальной базы просторечия как подсистемы языка [Пирко, 2007; Холодкова, 2009].

В настоящей работе просторечие рассматривается как подсистема общенационального языка, носителями которой являются недостаточно грамотные, не владеющие в должной мере нормами ЛЯ носители языка, преимущественно горожане.

Чтобы избежать многозначности термина, для обозначения просторечия как подсистемы языка далее будет использоваться термин «городское просторечие», выбранный в силу его традиционности: впервые он встречается в статье Б.А. Ларина «О лингвистическом изучении города» [Ларин, 1977а], написанной в 1928 г., употребляется данный термин и авторами коллективной монографии «Городское просторечие: проблемы изучения» [Городское просторечие, 1984]. Е.А. Земская также говорит о целесообразности применения термина «городское просторечие» для разграничения ГП и стилистического просторечия [Земская, 2004. С. 370].

Многозначность термина «просторечие» обусловлена прежде всего сложностью самого феномена, его исторической изменчивостью.

Просторечие как речь простых людей начало формироваться в национальный период развития русского языка и выступало в качестве нового средства обиходно-бытового общения, пришедшего на смену территориальным диалектам, которые выполняли эту функцию ранее, в донациональный период [Баранникова, 2005. С. 94]. Разграничение же таких феноменов, как речь книжная с одной стороны и речь простая, обыденная – с другой, наметилось в сознании носителей языка уже в поздний древнерусский период [Собинникова, 1992. С. 7]; как утверждает Б.А. Ларин, такая речь не только отличалась от книжного, церковного языка, но и была резко противопоставлена ему [Ларин, 1977].

С этого времени и вплоть до середины XIX в. просторечие служило средством повседневного общения представителей самых разных слоёв города.

Что касается термина «просторечие», он впервые зафиксирован в «Российском с немецким и французским переводом словаре» И. Нордстета (1780–1782 гг.), где обозначает речь простых, «не просвещённых науками» людей, далёких от книжной культуры [Филин, 1979. С. 239].

До второй половины XIX в. термином «просторечие» обозначалась, как правило, как деревенская (диалектная), так и городская некнижная речь: явления некнижной городской и диалектной речи ещё не дифференцируются в трудах М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова. Однако уже в «Исторической грамматике

русского языка» Ф.И. Буслаева, написанной в 1863 г., понятия «просторечие» как городская некнижная речь и «областное просторечие» как речь деревенских жителей разграничиваются [Собинникова, 1992. С. 23; 32; 71].

Во второй половине XIX в., с развитием внутри литературного языка разговорной речи, просторечие расслаивается: верхние слои просторечия – дворянское, интеллигентское – становятся частью разговорного литературного языка, носителями же остальной, не вошедшей в ЛЯ части просторечия становятся преимущественно социальные низы. Осознаваемое как речь социальных низов, просторечие начинает оцениваться образованной частью общества как речь неправильная, не соответствующая языковой норме [Баранникова, 2005. С. 99-100].

Таким образом, социальная база просторечия во второй половине XIX в. сужается и в количественном, и в качественном отношении: носителей собственно просторечия стало меньше (часть бывших носителей просторечия стали рассматриваться как носители разговорного варианта ЛЯ), изменился и круг носителей просторечия: в их число входили уже не горожане разнообразных сословий, а лишь социальные низы.

Завершившееся во второй половине XIX в. расслоение городской некнижной речи на речь социальных низов и речь, ставшую частью разговорного ЛЯ, изменило и смысловое наполнение термина «просторечие». Так, В.В. Виноградов характеризовал просторечие второй половины XIX в. как язык городских масс, противопоставленный ЛЯ и находящийся во взаимодействии с диалектами², в 1928 г. Б.А. Ларин употребляет термин «городское просторечие» для обозначения современного исследователю «общего низкого городского языка» [Ларин, 1977а. С. 188].

После революции 1917 г. происходит процесс демократизации состава носителей ЛЯ: государственные посты начинают занимать представители

² Учёный использует определение «городское низовое просторечие» в работе 1934 г. «Очерки по истории русского литературного языка XVI–XIX вв.» [Виноградов, 1982. С. 478; 482].

рабочего класса и крестьянства (то есть бывшие носители просторечия и диалектов), в ЛЯ привносится большое количество диалектных и просторечных языковых средств, а старое понятие просторечия утрачивает в новых социальных условиях свою актуальность, поскольку изменилась сама трактовка понятий «простые люди», «социальные низы» и т.п. (см. об этом подробнее: [Панов, 2007]).

Кроме того, в стране последовательно вводилось всеобщее обязательное обучение, которое было призвано резко сократить число неграмотных и малограмотных носителей языка. К 1934 г. в стране повсеместно введено всеобщее обязательное начальное обучение в объёме четырёхлетнего курса начальной школы, к 1937 г. – обязательное семилетнее обучение в городах и рабочих посёлках, в конце 60-х гг. начался переход к всеобщему среднему образованию молодёжи [Российская педагогическая энциклопедия, 1993. С. 176].

Первая половина XX в. отмечена перерывом в изучении феномена просторечия по социальным и идеологическим причинам [Крючкова, 2004. С. 13-14]. «В советском языкознании долгое время существовало нигилистическое отношение к городскому просторечию <...>. Тезис о морально-политическом единстве советского народа требовал единства языка. Считалось недопустимым показывать, что одна часть народа говорит иначе, чем предписывают словари и грамматики» [Земская, 2004. С. 371].

Эти политические и социальные обстоятельства сделали употребление термина «просторечие» в значении «речь городских низов» применительно к существующим условиям затруднительным. Среди исследователей высказывается мнение о последовательном исчезновении просторечия в связи с исчезновением его социальной базы [Баранникова, 2005; Филин, 1966].

Однако в конце XX – начале XXI вв. учёные констатируют, что просторечие – не исчезающая подсистема языка, что оно активно функционирует и развивается [Банкова, 1987; Юнаковская, 1994; Прокуровская, 1996; Земская, 2004; Пирко 2007; Гловинская, 2012 и др.].

1.1.2 Свойства городского просторечия

ГП – подсистема общенационального языка, наряду с диалектами, жаргонами и ЛЯ. ГП имеет наддиалектный характер, т.е. является общепонятным для носителей национального языка [Бельчиков, 1990. С. 402]. Территориальное варьирование в этой подсистеме вместе с тем прослеживается, что объясняется её органической связью с говорами: Л.А. Капанадзе пишет о том, что ГП небольших русских городов, где население более стабильно и «не прерываются связи города с окружающими его диалектами», должно отличаться от ГП крупных городов, основной чертой которых является нестабильность, постоянная миграция населения [Капанадзе, 1984. С. 8]. Е.В. Ерофеева также указывает на факт территориального варьирования в ГП, тем не менее «...такая вариативность не нарушает общепонятности» ГП [Ерофеева, 2005. С. 107].

ГП противопоставляется другим подсистемам национального языка. В отличие от диалектов, ГП внетерриториально, в отличие от жаргонов – общепонятно. В отличие от ЛЯ, ГП ненормативно, в основном бесписьменно (письменную фиксацию ГП получает крайне редко: см., например, жизнеописание Е.Г. Киселёвой в её личном дневнике [Козлова, Сандомирская, 1996]).

Вопрос о системности ГП решается по-разному. Так, например, Н.А. Прокуровская считает ГП системным образованием [Прокуровская, 1996. С.74], а Е.А. Земская, М.В. Китайгородская – несистемным [Земская, Китайгородская, 1984. С. 66-69]. Однако в более поздней работе Е.А. Земская поясняет, что ГП несистемно в строгом, Соссюровском смысле; при менее строгом подходе к определению языковой системы ГП можно назвать «стохастической системой» – т.е. такой системой, элементы которой связаны между собой случайными или вероятностными отношениями [Земская, 2004. С. 482-483].

Требует рассмотрения вопрос о структурной целостности данной языковой подсистемы. Известно, что отличительные черты ГП проявляется на всех уровнях языка, это объясняется условиями его становления. Сформировавшись на основе территориальных диалектов и городского койне как средство обиходно-бытового общения городского населения, ГП развивает свои собственные признаки именно

в лексике и фразеологии [Баранникова, 2005, С. 94-99], в то время как «...на других уровнях в просторечии отмечается по существу лишь большая или меньшая сохранность исходных диалектных черт» [Там же. С. 99].

Так, Е.В. Ерофеева, констатируя, что просторечие не имеет таких фонетических черт, которые не встречались бы в других подсистемах языка, приходит к выводу, что «...в современном русском языке фонетическое просторечие либо отсутствует вовсе, либо представлено очень слабо» [Ерофеева, 2005б. С. 413], и, как следствие, «...просторечие нельзя признать самостоятельной языковой системой, описывающейся, по крайней мере на фонетическом уровне, нормированной вероятностью» [Там же. С. 417].

Л.И. Баранникова, подчёркивая сложность вопроса о структурных особенностях ГП, считает отсутствие чёткой структурной целостности в ГП исторически обусловленным: «Просторечие возникло на базе разных диалектов, имеющих каждый свою систему. При развитии просторечия теряются многие диалектные черты, иначе говоря, происходит разрушение диалектных систем, их старые нормы, по сути достаточно строгие, распадаются, а новые не возникают...» [Баранникова, 2005. С. 97-98]. Если говорить о принципе отбора просторечием разноуровневых диалектных элементов, то этот принцип продиктован таким свойством ГП, как наддиалектность, территориальная неограниченность, и может быть описан как принцип общепонятности: в ГП не вошли те диалектные черты, которые препятствовали бы языковому общению; черты, не создающие барьеров для взаимопонимания говорящих на ГП, продолжают функционировать. В.М. Жирмунский отмечает, что в процессе возникновения полудиалектов в немецком языке нивелируются именно те признаки образующих их местных диалектов, которые могут «...служить препятствием для взаимного понимания за пределами непосредственного бытового общения односельчан и ближайших земляков» [Жирмунский, 1956. С. 547]. А.А. Скребнева также указывает, что «... общей закономерностью при усвоении просторечием грамматической системы диалектной речи является отказ от тех элементов, которые составляют набор различительных грамматических

особенностей, т.е. «освобождение от узкодиалектных элементов»» [Скребнева, 1984. С. 174]. О примате принципа понятности над принципом нормативности в просторечном общении говорят Н.А. Купина и И.В. Шалина: «Одно из главных требований к слову – его понятность. Коммуникантами осознается обязательность общего понимания содержания речи и значения слова в речи. <...> При наличии обратной связи высказывание... в корректировке не нуждается» [Купина, Шалина, 2004].

Принцип общепонятности можно сформулировать примерно так: «главное – говорить понятно, какой вариант языковой единицы при этом выбрать – неважно³».

С принципом общепонятности, положенным в основу выбора носителем ГП того или иного языкового средства в процессе говорения, связана и такая характерная для ГП черта, как «повышенная вариантность» [Баранникова, 2005, С. 97], которая, по наблюдениям Е.А. Земской, проявляется в том, что «...вариативность единиц просторечия не связана с их функциональным разграничением. <...> Мы неоднократно фиксировали употребление вариативных форм в речи одного и того же лица на протяжении одного короткого разговора без каких-либо семантических или иных различий» [Земская, 2004. С. 483]. Такой тип вариантности связан с тем, что носитель ГП «никогда не задумывается о норме речи» [Капанадзе, 1984. С. 10].

Таким образом, специфика ГП как языковой подсистемы состоит в том, что каждый из структурных уровней – от фонетического до синтаксического – содержит, кроме общерусских (составляющих основу ГП), единицы, имеющие различные отклонения от норм ЛЯ: это могут быть и явления, вышедшие за рамки местных особенностей, но не вошедшие в ЛЯ, и диалектные, и диалектно-просторечные, и жаргонные, и собственно просторечные элементы. При этом

³ Наблюдения над просторечным дискурсом показывают, что носитель ГП склонен замечать прежде всего внешние различия между вариантами (например, лексическими): так, один из носителей ГП объяснил автору настоящей работы разницу между словами «терпимость» и «толерантность» так: «Толерантность – просто само слово красивше, а так – одно и то же».

ярким отличительным признаком ГП следует признать и сам принцип свободного выбора из равноправных вариантов при условии их понятности говорящим на ГП.

Ещё одним свойством ГП признаётся его неоднородность с точки зрения состава носителей. Так, Л.П. Крысин выделяет два типа ГП и два круга его носителей: просторечие-1 и просторечие-2 (для соблюдения принципа единообразия терминов обозначим их ГП-1 и ГП-2 соответственно). ГП-1 представляет собой вариант ГП, демонстрирующий явные связи с территориальным диалектом и полудиалектом. Его носителями, как отмечает исследователь, чаще являются горожане старшего возраста без образования или с начальным образованием (преимущественно пожилые женщины). ГП-2 представляет собой более жаргонизированный вариант ГП, лишённый диалектной окраски, носителями которого являются более молодые носители языка, имеющие незаконченное среднее образование и не владеющие нормами ЛЯ (преимущественно мужчины). Л.П. Крысин указывает, что «в социальном отношении совокупность носителей просторечия-2 чрезвычайно разнородна и текуча во времени: здесь и выходцы из сельской местности, приехавшие в город на учёбу и на работу и осевшие в городе; и уроженцы городов, находящиеся в тесном диалектном окружении; и жители крупных городов, не имеющие среднего образования и занятые физическим трудом; носителей просторечия-2 немало среди представителей таких несхожих профессий, как продавцы, грузчики, портные, парикмахеры, официанты, железнодорожные проводники, сапожники, уборщицы и др.» [Крысин, 2004. С. 358].

Этот же автор отмечает также, что, в отличие от ГП-1, ГП-2 менее специфично в области фонетики и морфологии [Крысин, 2004. С. 358].

А.Н. Еремин объясняет сосуществование двух типов ГП следующим: в течение XX в., в том числе в связи с социальными преобразованиями, резко уменьшилось количество диалектоносителей и говоры стали играть намного менее заметную роль в ГП, уступив место жаргонам, что проявляется в ГП-2. В XIX же столетии именно диалектоносители составляли большинство носителей русского языка, глобальным фактором, влияющим на формирование и изменение

ГП, были диалекты, и это объясняет более значительное диалектное влияние в ГП-1 [Еремин, 2001. С. 24–25]. Если следовать этой логике, то ГП-1 – явление исчезающее, а вновь возникающие носители ГП будут носителями ГП-2. Представляется, что дело обстоит именно так.

Что касается неоднородности двух выделенных Л.П. Крысиным типов ГП по признаку пола, то преобладание пожилых женщин в ГП-1 можно объяснить историческими явлениями. Описанная неоднородность была выявлена исследователем в конце XX в., это значит, что молодость пожилых в этот период носительниц ГП-1 приходилась примерно на 20-е гг. XX в. Вероятно, что мужчин – носителей ГП этого возраста в конце XX в. могло быть намного меньше и из-за потерь в Великой Отечественной войне.

Таким образом, сосуществование двух типов ГП – ГП-1 и ГП-2 – очевидно и не вызывает сомнений, однако, по-видимому, эти типы не разграничиваются как две разновидности ГП, а, скорее, представляют собой более ранний и более поздний его варианты, причина заметных языковых различий между которыми обусловлена в первую очередь значительными социальными сдвигами в российском обществе на протяжении XX в.

1.1.3 Критерии определения носителя городского просторечия

«...Вопрос о носителях современного просторечия едва ли не самый сложный в общей проблеме изучения городской речи» [Крысин, 2004. С. 348].

Несовершенство определения, раскрывающего значение термина «городское просторечие», состоит в том, что оно опирается не на сущностные характеристики данной подсистемы языка, а на признаки её носителей, неопределённые по значению и в значительной мере субъективные. Поэтому необходимо конкретизировать каждую из этих характеристик для выявления критериев, по которым носителя языка можно было бы квалифицировать как носителя ГП. В основе большинства определений ГП лежат такие признаки его носителей, как 1) проживание в городе; 2) отсутствие / недостаточный уровень образования /

образованности; 3) невладеение / недостаточное владение нормами ЛЯ⁴ / неграмотность / малограмотность: «язык необразованных слоёв города» [Капанадзе, 1984. С. 7]; «неграмотная речь», «малограмотная речь» [Девкин, 1984. С. 16]; «речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком» [Земская, Китайгородская, 1984. С. 66]; «речь малообразованных горожан» [Морозова Т.С., 1984. С. 158]; «не закреплённая территориально устная речь горожан, не владеющих нормами литературного языка» [Матвеева, 2010. С. 349]. Рассмотрим последовательно каждый из этих критериев.

1) «Отсутствие / недостаточный уровень образования»

Понятия «малообразованный», «недостаточно образованный», в силу их субъективности, трактуются неодинаково.

Л.П. Крысин, придавая критерию «отсутствие / недостаточный уровень образования» большое значение, конкретизирует его и относит к носителям ГП граждан без образования и имеющих неоконченное среднее образование [Крысин, 2004. С. 393]. Т.Б. Банкова считает, что носители ГП – лица без образования или окончившие 4–7 классов школы [Банкова, 1987. С. 8]. С.П. Усачёва основывает отбор информантов – носителей ГП прежде всего на соответствии критерию «недостаточный уровень образования». Исследовательница считает носителями ГП лиц с образованием «не выше среднего» [Усачёва, 1998. С. 4].

Многие лингвисты относят к носителям ГП более широкий круг носителей языка. Например, И.В. Шалина считает, что на ГП говорят не только носители языка с неоконченным средним, но и со средним, средне-специальным образованием, а также заочные студенты колледжей и даже вузов [Шалина 2010, С. 4] Исследователь подчёркивает, что при отборе информантов критерий «образование» является хотя и важным, однако «не всегда показательным» [Там же. С. 4].

⁴ Под невладеением / недостаточным владением ЛЯ / неграмотной речью и т.д. прежде всего следует понимать присущую носителям ГП неспособность к построению развёрнутого высказывания на ЛЯ без отступления от литературных норм.

Целый ряд учёных включают в число носителей ГП, наряду с лицами, имеющими среднее образование, горожан с высшим образованием, поскольку фиксируют в речи последних большое количество просторечных элементов [Юнаковская, 1994; Прокуровская, 1996; Пирко 2007; Холодкова, 2009].

Такие значительные расхождения в работах разных исследователей ГП в оценке роли образования в формировании просторечной ЯЛ объясняются, на наш взгляд, следующими причинами:

Во-первых, ГП не имеет чётких границ. Подобно тому как выделяется промежуточная форма речи между диалектом и ЛЯ – полудиалект, существует промежуточная форма речи между ГП и ЛЯ, носителями которой могут быть «городские жители с неполным средним или даже специальным средним образованием» [Крысин, 2004. С. 393].

О неоднородности носителей ГП говорит и А.А. Юнаковская, выделяя среди них три типа: «полные» (используют ГП во всех формах общения), «частичные» (употребляют элементы ГП в зависимости от ситуации) и «пассивные» (осознанно используют элементы ГП в стилистических целях) [Юнаковская, 1994. С. 8]. По-видимому, «пассивных» носителей ГП стоит скорее рассматривать как носителей ЛЯ, использующих лишь стилистическое просторечие. Первые же два типа в целом соответствуют выделенным Л.П. Крысиным: «полные» носители ГП (по А.А. Юнаковской) близки к собственно носителям ГП (по Л.П. Крысину); «частичные» (по А.А. Юнаковской) близки к носителям промежуточной формы речи между ГП и ЛЯ (по Л.П. Крысину).

Во-вторых, ГП является малоисследованным феноменом, поэтому нельзя однозначно ответить на вопрос: действительно ли часть носителей языка с высшим образованием является носителями ГП (т.е. остаются недостаточно образованными). С нашей точки зрения, это весьма вероятно, учитывая коммерциализацию высшего образования в России в последние десятилетия и неравноценность образования в разных вузах и на разных формах обучения. Е.А. Земская и М.В. Китайгородская, придавая фактору «отсутствие / недостаточный

уровень образования» большое значение, тем не менее также полагают, что его нельзя считать полностью достоверным [Земская, Китайгородская, 1984. С. 67].

В любом случае предположение о том, что часть людей с высшим образованием продолжают оставаться недостаточно образованными, нуждается в проверке.

Учитывая диффузность границ ГП, целесообразно на основе обобщения точек зрения разных учёных выделять и в факторе «отсутствие / недостаточный уровень образования» ядро и периферию.

При этом необходимо учесть происшедшие в последние годы законодательные изменения в образовании: с 2007 г. в России общее образование, включающее три ступени: начальное общее, основное общее (9 классов) и среднее (полное) общее (11 классов) – является обязательным [Федеральный закон от 21.07.2007 №194-ФЗ]. Это означает, что в 2016 г. среди молодых людей до 28 лет уже практически не должно быть лиц не только без образования, но и с неполным средним образованием.

Обобщив представленные подходы, сделаем следующий вывод: ядро социальной базы ГП составляют лица среднего и старшего возраста без образования или имеющие неоконченное среднее образование, а также лица молодого возраста, имеющие среднее или среднее специальное образование.

Данный тезис не означает, что все эти лица являются носителями ГП (принадлежность к числу которых определяется не одним, а несколькими факторами). Он лишь указывает, что среди лиц этой категории носители ГП встречаются намного чаще, чем среди людей с высшим образованием.

2) «Проживание в городе»

Традиционно сферой бытования ГП считается город [Капанадзе, 1984. С. 5, 7; Баранникова, 2005; Земская, Китайгородская, 1984. С. 66 и др.]. Об этом говорит и сам термин «городское просторечие».

В современных исследованиях ГП рассматривается речь жителей как мегаполисов, так и малых городов: Томска (Т.Б. Банкова), городов Приамурья – Благовещенска, Зеи, Тынды и др. (В.В. Пирко), Екатеринбурга (И.В. Шалина),

Ижевска (Н.А. Прокуровская), Твери (С.П. Усачёва). В ряде работ исследуется ГП, распространённое не только в городах, но и в посёлках (И.В. Шалина и др.). Такое отступление от критерия «проживание в городе» при определении носителя ГП представляется правомерным по следующим причинам.

Во-первых, названный критерий изначально был призван разграничивать носителей ГП и диалектоносителей (речь которых также не соответствует нормам ЛЯ), проживающих в сельской местности [Баранникова, 2005]. В последнее время исследователи говорят о том, что всё чаще и в деревнях на смену исчезающему диалекту приходит не ЛЯ, а ГП, поэтому считают правомерным включать в число носителей просторечия, наряду с малообразованными горожанами, и жителей деревень, чья речь отошла от архаического типа диалекта [Коготкова, 1977. С. 58–76; Дьячок, С. 105]. Поэтому критерий «проживание в городе» уже с меньшей степенью точности разграничивает носителей ГП и диалектов.

Во-вторых, проживание в городе нельзя считать в полном смысле фактором, т.е. движущей силой, причиной какого-н. процесса, определяющей ГП. Скорее это наиболее распространённое сопутствующее условие, соседствующее с явлением ГП.

В советское время проживание в городе действительно рассматривалось как фактор, способствующий распространению, однако, не ГП, а ЛЯ: Е.А. Земская и М.В. Китайгородская отмечают, что в этот период даже лица без должного образования благодаря жизни в городской среде – в первую очередь, благодаря транслированию ЛЯ через различные СМИ – стихийно овладевают ЛЯ [Земская, Китайгородская, 1984. С. 67].

В постсоветский период жизнь в городских условиях перестала способствовать усвоению ЛЯ. О.Б. Сиротина говорит об обратном процессе: посредством СМИ, которые массированно навязывают обществу «новые нормы сниженности речи», в ЛЯ проникают нелитературные, в том числе и просторечные элементы. А «поскольку большинство населения составляют носители невысокой речевой культуры, оно неспособно противостоять этому давлению из-за недостаточных знаний кодифицированных норм и системы языка

при отсутствии привычки проверять и расширять свои знания» [Сиротинина, 2006. С. 491].

Таким образом, условие «жизнь в городе» можно учитывать при выборе информанта – носителя ГП, однако оно утратило, на наш взгляд, силу необходимого применительно к выбору современного носителя ГП.

3) «Недостаточное владение нормами ЛЯ»

Большинство исследователей признают недостаточное владение ЛЯ (другими словами, неспособность переключаться с ГП на ЛЯ) основной чертой носителя ГП [Девкин, 1984. С. 17; Крысин, 1989. С. 55; Усачёва, 1998; Земская, 2004. С. 354, 362; Юшкина, 2000; Федянина, 1997 и др.], однако некоторые лингвисты включают в число носителей ГП и лиц, владеющих ЛЯ. Так, И.В. Шалина считает, что «существуют кодовые переключения с литературного языка, жаргона, диалекта» [Шалина, 2010. С. 6]; А.А. Юнаковская также говорит о том, что некоторые («частичные») носители ГП переходят с ГП на ЛЯ и обратно в зависимости от ситуации [Юнаковская, 1994. С. 8].

Вопрос о способности носителя ГП к кодовым переключениям (прежде всего на ЛЯ) остаётся очень сложным. Представляется вероятным, что носитель ГП, получив высшее образование и освоив ЛЯ, может стать носителем обеих языковых подсистем и переключаться с одной на другую, например, подстраиваясь под разные языковые коллективы. Такие случаи есть (см., например, [Шалина, 2010. С. 6; Купина, Шалина, 2004]), но они не повсеместны – видимо, и потому, что для освоения ЛЯ и успешного общения с носителями этой языковой подсистемы носителю ГП необходимо и освоить культуру общения на ЛЯ, и изменить некоторые культурные предпочтения (выработать привычку к чтению, интерес к культурным мероприятиям и т.д. – подробнее об этом см. ниже), а это очень непростой и длительный процесс.

С другой стороны, на основе личных наблюдений можно утверждать, что многие говорящие действительно варьируют свою речь то в сторону большего «коэффициента просторечности» (термин А.А. Юнаковской [Юнаковская, 1995]), то в сторону большей литературности (которая может проявляться в том числе и в

невключении в речь сниженных средств, и в использовании терминов и других единиц книжного стиля и т.д.). К сожалению, изучение речи таких носителей языка только начато; лингвоперсонологических работ, благодаря которым можно было бы выявить качества просторечных и литературных текстов одной и той же ЯЛ, пока нет. Предполагаем, что часть лиц, варьирующих в своей речи «коэффициент просторечности», представляют собой тот пограничный, переходный слой между ГП и ЛЯ, о котором говорилось выше (в этом случае просторечный дискурс таких людей должен иметь отличия от типично просторечного, а литературный – от типично литературного), другую часть, видимо, составляют носители ГП, чьи короткие уличные диалоги, первыми попадающие в поле зрения учёных, действительно мало отличаются от литературных (см. об этом ниже).

Таким образом, владение ЛЯ для носителя ГП нельзя признать типичным.

Автор настоящего исследования присоединяется в данном вопросе к точке зрения В.Д. Девкина, Л.П. Крысина, Е.А. Земской и др., которые считают, что носителя ГП характеризует недостаточное владение ЛЯ – неспособность к созданию развёрнутого высказывания без нарушений норм ЛЯ.

Итак, обобщая сказанное о трёх наиболее часто упоминаемых характеристиках носителя ГП, можно сделать следующие выводы: важной чертой типичного носителя ГП является недостаточное владение нормами ЛЯ, уровень образования типичного носителя ГП колеблется от отсутствия образования и неоконченного среднего (для носителей ГП среднего и старшего возраста) до среднего (для носителей ГП молодого возраста); критерий «проживание в городе» утрачивает, на наш взгляд, свою значимость в современных условиях. Для разграничения носителя ГП и диалекта его можно заменить характеристикой «невладение диалектом», а также «род занятий, не связанный с традиционной крестьянской деятельностью».

При этом «недостаточный уровень образования» (от его отсутствия до среднего) можно рассматривать как фактор, формирующий просторечную ЯЛ – «невладение диалектом» – обязательное условие, которое должно быть учтено

при выборе информанта – носителя ГП, а «недостаточное владение ЛЯ» – результат воздействия на ЯЛ различных экстралингвистических факторов.

Однако на практике при выборе информанта исследователь должен иметь возможность опираться на более широкий круг экстралингвистических факторов, определяющих носителя ГП. Это особенно актуально, если принять во внимание необязательность связи между проживанием в городе и недостаточным уровнем образования – с одной стороны, и употреблением ГП – с другой, на которую указывает, например, Е.А. Земская [Земская, 2004. С. 468].

По словам М.В. Китайгородской, «...экстралингвистические особенности носителей просторечия имеют определённую лингвистическую значимость. Они помогают выявить причины тех или иных отклонений от норм литературного языка. Типичные экстралингвистические черты просторечно говорящих (характер прагматических пресуппозиций, специфика коммуникативного поведения) дают «выход в текст», вызывая разнообразные нарушения в его структурной и семантической организации» [Китайгородская, 1988. С. 167].

Е.А. Земская предлагает учитывать, кроме названных, такие факторы, как место, где прошло детство и отрочество, характер речи родителей и окружения, профессия (работа, требующая / не требующая регулярных интеллектуальных усилий), общение с литературно говорящими людьми, образ жизни (смена профессии, переезды в другой город), личные черты (любовь к чтению, чуткость и внимательность к языку и т.д.) [Земская, 2004. С. 355–356].

Е.В. Иванцова даёт широкую типологию факторов, формирующих индивидуальные и социальные черты различных ЯЛ. Среди них наиболее важными для формирования просторечной ЯЛ представляются два: фактор образования и профессии и фактор влияния языковых коллективов, которые рассматриваются исследователем как сложное единство составляющих. Для фактора образования и профессии, кроме основных, необходимо учитывать: 1) связь профессии человека со словесной деятельностью; 2) степень овладения индивидом духовной культурой общества; 3) наличие опыта работы с книгой; 4) наличие навыков публичных выступлений; 5) степень знакомства с текстами

художественной литературы, знание поэтических и фольклорных текстов; 6) владение иностранным языком. Для фактора влияния языковых коллективов значимы 1) характер речи (прежде всего тип речевой культуры) членов семьи; 2) характер речи ближайшего внесемейного окружения; 3) характер речи в учебных и профессиональных коллективах, где учится и работает рассматриваемая ЯЛ [Иванцова, 2010-а. С. 68].

Таким образом, для определения носителя ГП считаем целесообразным отталкиваться от наличия двух языковых факторов – «недостаточное владение нормами ЛЯ» и «невладение диалектом» и нескольких экстралингвистических.

Обобщая сказанное, выявим экстралингвистические условия формирования типичной ЯЛ носителя ГП:

- 1) Просторечный тип речевой культуры родителей, во взрослом возрасте – супруга (супруги) и других членов семьи;
- 2) Отсутствие регулярных коммуникативных контактов с носителями ЛЯ как в семье, так и на работе;
- 3) Образование не выше среднего;
- 4) Отсутствие навыка работы с книгой, отсутствие чтения как формы досуга; по-видимому, сюда же можно отнести отсутствие навыка работы с интернет-текстами;
- 5) Работа или увлечения, не требующие интеллектуальных усилий и не связанные со словесной деятельностью;
- 6) Отсутствие навыка публичных выступлений;
- 7) Слабая степень овладения духовной культурой общества: сюда можно включить слабую степень знакомства с классическими произведениями не только литературы, но и музыки, живописи и т.д. Здесь же, как представляется, следует упомянуть отсутствие серьёзной вовлечённости в любую из мировых религий, поскольку это предполагает знакомство с религиозными текстами, совершение определённой интеллектуальной работы по осмыслению религиозной картины мира и т.д.;

8) Отсутствие интереса к изучению иностранных языков, невладение иностранными языками.

1.1.4 Методология исследования

ГП по сей день изучено недостаточно [Земская, 2004. С. 467]. К настоящему времени описаны общие черты русского ГП, выделенные на основе наблюдений над просторечным дискурсом городских жителей (иногда эти наблюдения включают и дискурс героев произведений художественной литературы). Выявлено много характерных черт ГП на всех структурных уровнях языка, сделаны наблюдения над построением просторечного текста. Однако материал исследования при этом обычно составляют отрывочные записи отдельных просторечных фраз, услышанных исследователем на улице, в транспорте и т.д. В таких случаях в поле внимания учёных попадает не вся речь носителей ГП, а только специфически просторечные единицы. Кроме того, в советский период, в связи с определенными идеологическими установками, в поле зрения лингвистов почти не попадал такой значительный пласт ГП, как общенизмы. Дифференцированный подход к изучению просторечного дискурса обусловлен как технической сложностью, с которой связана запись текстов большого объёма, так и культурно-психологическим барьером, разделяющим исследователя – носителя ЛЯ носителя ГП.

При таком подходе ГП рассматривается в общем, «с высоты птичьего полёта»: черты просторечия фиксируются как нечто самостоятельное, они «не закреплены» за их носителями; выбор информантов осуществляется часто интуитивно, поэтому остаётся вне рассмотрения вопрос о степени влияния различных экстралингвистических факторов на просторечный дискурс; не выявлено соотношение социального, гендерного и индивидуального в дискурсах разных информантов; остаётся неясным место общерусских языковых средств в речи носителей ГП; не выяснено, какие из выделенных просторечных черт могут встречаться в пределах одного идиолекта.

Лингвоперсонологический подход к изучению ЯЛ нацелен на получение данных о том, как социально-культурное, преломляясь в конкретной личности, проявляется в идиолекте. Внимание к деталям биографии исследуемой ЯЛ дают ответ на вопрос о соотношении общего, социального и индивидуального в системе речевых средств индивида. Недифференцированное изучение дискурса ЯЛ позволяет выявить не только наиболее заметные черты идиолекта, но и менее яркие (но не менее значимые) его особенности.

Основными методологическими трудностями изучения речи конкретных носителей языка являются выбор объекта анализа, сбор материала и выбор адекватных методов анализа (см. об этом подробнее: [Иванцова, 2010а, С. 109-110]). Остановимся на этих моментах более детально.

Как было указано ранее, приоритетным направлением лингвоперсонологических исследований в Томской лингвистической школе является изучение рядовых ЯЛ, реально существующих индивидов. Изучение ЯЛ такого типа позволяет получить наиболее репрезентативные данные.

ГП мало изучено в целом и пока не изучено лингвоперсонологически, поэтому в качестве объекта лингвоперсонологического исследования может быть выбрана любая просторечная ЯЛ. В нашем исследовании объектом выбрана типичная ЯЛ носителя ГП. В основу выбора были положены экстралингвистические критерии – факторы формирования типичной просторечной ЯЛ, перечисленные выше, а затем был сделан анализ идиолекта на предмет отклонений от литературной нормы, с целью зафиксировать невладение информантом ЛЯ.

Подобная методика отбора информантов – носителей ГП была использована и ранее [Банкова, 1987; Пирко, 2007 и др.] с тем отличием, что в этих исследованиях учитывалось два экстралингвистических критерия – проживание в городе и отсутствие высшего образования, в настоящем исследовании этих критериев 8. Соответствие ЯЛ этим критериям позволяет рассматривать её как типичную.

Основным методом анализа ЯЛ в настоящем исследовании является метод речевого портретирования. Этот метод предполагает «выявление специфичных черт говорящего на фоне социолингвистических переменных» [Оглезнева, 2009. С. 176]. На первом этапе был проведён поуровневый анализ языковой системы информанта с выявлением специфических черт – как характерных для носителя ГП в целом, так и индивидуальных. Описаны в том числе и наиболее яркие особенности на уровне организации текста, некоторые особенности речевого поведения, обуславливающие использование тех или иных языковых единиц. В ходе анализа привлекались и биографические сведения, что позволяло вскрыть причины выявленных особенностей речевого поведения. На втором этапе были более детально рассмотрены черты лексикона рассматриваемой ЯЛ, отнесённые нами к доминантным. Здесь был применён метод уровня портретирования (отражающего один из ярусов идиолекта), репрезентирующий семантические доминанты изучаемого идиолексона.

Логика анализа основана на индуктивном методе, что позволило обобщить выявленные особенности до типических черт, а затем сравнить с наблюдениями других исследователей ГП.

Принципы сбора материала

Основным требованием к анализируемым текстам при изучении ЯЛ является их репрезентативность. В идеале количество и качество текстов должно отражать реальную речевую практику индивида на протяжении длительного времени: все виды, жанры, темы и т.д. коммуникации ЯЛ в разных коммуникативных ситуациях. Дифференцированный подход к текстам с точки зрения, например, их жанровой принадлежности, может дать искажённую картину специфики исследуемой ЯЛ.

По нашим наблюдениям, специфические черты ЯЛ не всегда проявляются в коротких, во многом клишированных повседневных городских диалогах (в транспорте, в магазине, в поликлинике и т.п.). Поэтому в распоряжении исследователя должны быть тексты относительно большого объёма, которые позволяли бы сделать более точные наблюдения над изучаемой ЯЛ.

В качестве примера приведём три текста рассматриваемого нами носителя ГП: короткий и длинный диалоги в непринуждённой обстановке и диалог в ситуации, близкой к официальной. Каждый из текстов характеризует ЯЛ с разных сторон.

Короткий диалог демонстрирует незначительное отступление от норм ЛЯ (единственное отклонение – в использовании глагола *идти* в значении «стоять»; наречие *накладно* в МАС имеет помету «прост», в СОЖ – «разг.», то есть в данном случае может быть принято как нормативное). Такой текст не даёт почти никакого представления о ЯЛ говорящего: *[Рассказывает другу о тарифном плане оператора мобильной связи] Я тебе буду звонить – у меня будет минута **идти** – сорок копеек. Хоть куда – на любой телефон! Хоть на домашний! Сорок копеек! А в... а вот чтоб ты мне позвонил – это... то тебе уже будет накладно, понимаешь? – какая хитрая система.*

Диалог большого объёма демонстрирует и значительные отклонения от литературных норм, и высокую степень экспрессивности и сниженности текста (в речи затрагиваются волнующие говорящего темы), что является одной из типичных черт ГП: *[в той же ситуации] А так если – **здравствуй и прощай** – это лучше брать это, **взять** карту Теле-2. Там сорок копеек берут. Хоть первая, хоть последняя. **Но.** (смех) Да, это **бабки** на счёт, да-а. Сама-то сим-карта у них **это**, вообще не стоит, а только стоит, что деньги, **это**, ты на неё сразу **ложишь**. **Полтинник** или сколько там. Ну у тебя всё нормально? Как у тебя машина, **ничё**? Зимой нормально заводится? А, **ну – ну-ну-ну-ну**, ты мне говорил. Да ты **чё**! Не, ну (нрзб.) **хоть как** надо – **чё** же это – **гробить** её на холодную. Н... Ну ты за две сделал эти (нрзб.), нет? То **есть**... Так всё лето уже прошло – давно сделал бы уже! Разве осенью? А я когда был? Я **ж** летом был **же** там! Разве? Мне кажется, раньше я был. Да? Может быть – **чёрт** её знает... Но **такие пироги**. Помаленьку вы... это, выживаю, Петя, привыкаю. **Обтёсываюсь** помаленьку. Да **ничё**! На месте (нрзб.), да? Так что... Сразу, знаешь, **манная каша нигде не сыпется с неба**. На тебе, на – приехал – на всё готовенькое. В марте? М-м-м... Ну **это**, созво'нишься, чтоб я был, **это**, не на смене... **Пивка***

попью, да? Нет, а т... а т... ты на машине приедешь? Приезжай поездом. (смех) Нет, ну я, **слушай**, я два выходных тогда возьму сразу. (смех) **Короче, мужики, чё – ну, все же бухают – они чё: перед тем, это, перед сменой, grit, до обеда можно выпить, слушай. От. Ну а, грят, если после обеда бухаешь – там как-то мне рассказывали – кусок банана, слушай, ну, утром плотно едят – ну, чтобы (нрзб.). Потом масло и – ну, кусочек банана и – полностью не глотаешь, он остаётся в этом, в гортани – то есть ты дышишь, а в желудок воздух не проходит. Одними лёгкими. Трубка не показывает, прикидываешь?** (смех) Я грю... Ну чё... Да и – **чёрт его знает!** Ну на смену – кто бует **пить на работу ехать, ты чё! Да ну! На х** она нужна!** «Ты, **grit**, если, **Лёха**, не умеешь, **слушай**, ты, **grit**, можешь подавиться на хер!» Я грю: «Ну-у, на хер **нужно** – я уже с-с-сколько не **бухаю**»... Ну а **еси** так уже **приспичит**, тогда уже, **кода** деньги там **буут** – взять два выход... Так я не **бухаю**, Петя! Да-а-а, это точно. Да, ещё с работы выгонят на хер. Тогда вообще будет **полный модерн, б**дь!**

Диалог в ситуации, близкой к официальной, даёт материал для наблюдения над использованием говорящим книжных единиц: [Информант рассказывает режиссёру-документалисту о своих планах по обустройству фотоателье и о своей работе] Ж. [режиссёр]: Ты ещё молодой, успеешь всё сделать, о чём мечтаешь! – Л.Л.: Да почему нет? Просто времени не хватает – то там, то **здесь**. Да у меня с детства эта мечта! Чтобы по этой **Брайтон Бич** хотя бы прошёл Шерлок Холмс с доктором Ватсоном [речь идёт о сюжете фотообоев], и чтоб **видать всё это было картину** с окна – это вообще бы **было прелесть!** И, мне кажется, **клиентов мно-огие найдутся**, если это будет **натурально** выглядеть. Отлично было бы! Не, ну так? нет? – Ж.: А где ты такое видел? Может, раньше так фотографировались? – Л.Л.: Ну там **примитивное** было! <...> Но это всё **примитивно**. Счас нужно **натурально** всё делать. Чтоб люди поверили, потому что в цвете – счас плёнка очень **высокой чувствительности**, с **высокой разрешающей способностью** и с большой широтой – она всё вырвет, все эти рисунки; Ж.: У тебя есть заготовки какие-то, приёмы в работе? – Л.Л.:

*Нету, нету! У меня полностью импровизация. Для женщин – отдельно, для мужчин – отдельно. Я с челозком общаюсь независимо, что он женщина или мужчина... Он для меня человек – главное. Я должен его разговорить и расслабить немножко. Чтоб он не был скован **под** моей камерой, понимаешь? Это должно быть **деталь** любого фотографа, любого фотографа.*

Приведённый текст демонстрирует сочетание использования книжных элементов с неоднократным отступлением от норм ЛЯ на всех уровнях. Это тоже является типичным для ГП: «Так же, как и большинство людей, носители просторечия чувствительны к изменению ситуативных условий общения, в частности, к смене непринуждённой обстановки, бытовой тональности на официальную. Однако, не владея литературным языком, они не могут переключаться на другие средства выражения, более подходящие к изменившимся условиям речи <...>. Поэтому они прибегают к тем средствам, которые представляются им боле культурными, правильными; культура же и правильность языка воплощаются для них чаще всего в книжном, письменном облике слова» [Крысин, 2004. С. 356].

Таким образом, для анализа идиолекта должны быть привлечены тексты, отражающие все стороны языкового существования информанта.

Метод сбора материала

Главным требованием к записи устной спонтанной речи при проведении лингвоперсонологического исследования следует считать получение данных, максимально близких к естественной речевой коммуникации⁵. С этой общей установкой соотносится ряд частных: запечатление преимущественно диалогической речи индивида, в том числе с привычными партнерами по коммуникации, отображение разнообразия коммуникативных ситуаций и речевых жанров для наиболее полного представления идиолектного дискурса, применение современных технических средств, наиболее точно отражающих разные стороны

⁵ При написании раздела использованы материалы статьи [Иванцова, Соломина, 2014].

речевой деятельности носителя языка (от фонетических особенностей до организации текста).

Проблема, требующая решения, заключается в том, что при контактах исследователя – носителя ЛЯ с ЯЛ, являющейся носителем нелитературной языковой подсистемы, возникает вероятность получения материала, отличающегося от повседневной речи индивида: «чрезвычайно трудоёмкой задачей является запись естественных, непринуждённых текстов в условиях контакта собирателя с представителями сообществ, членом которых он не является» [Иванцова, 2010. С. 109],

Образ жизни типичного носителя ГП – частая смена места жительства и рода занятий, меняющаяся вследствие этого коммуникативная сфера, работа информанта в однополых мужских коллективах – не позволили применить метод включения в языковое существование говорящего, использованный в Томской лингвистической школе при изучении диалектной языковой личности [Иванцова, 2010-а. С. 111-116]. В связи с этим собирателем был апробирован такой метод фиксации речи, как самозапись ЯЛ.

Понятие «самозапись» в значении «фиксация собственных текстов» распространено в фольклористике и этнографии, однако в этих дисциплинах оно обозначает перенос фольклорного текста в письменную форму, сделанный сказителем (см., например, [Функ, 2003]). В нашем случае под самозаписью понимается запись информантом своей речи на аудионоситель. В лингвистике названный метод мало распространён. Известны проводимые в Японии массовые обследования местного населения в рамках теории языкового существования [Алпатов, 2004]. Как отмечает Ю.В. Рождественский, при изучении процесса речевой коммуникации «наиболее трудной частью... является учёт устной речи, рассматриваемой как в лексическом, так и во временном плане. Раз в год 200 000 добровольцев записывают на магнитофон все свои речевые действия в течение суток» [Рождественский, 1999. С. 86]. Есть также упоминания о самозаписи 124 волонтеров из разных социальных групп для пополнения устной части Британского национального корпуса. «Добровольцы использовали аудиоплеер

для незаметной записи своих разговоров в течение двух или трех дней; необходимые детали заносились в специальный блокнот. Участников беседы после разговора просили дать согласие на использование записи в качестве материалов для корпуса» [Полевая лингвистическая практика, 2006. С. 67]. В Санкт-Петербурге в течение последнего десятилетия реализуется проект «Один речевой день», где использована методика суточного мониторинга речи, сходная с методом самозаписи: ведется сплошная запись речи добровольцев в течение одного дня [Богданова-Бегларян и др., Электронный ресурс].

В лингвоперсонологии самозапись звучащей речи индивида применена, насколько нам известно, впервые. В отличие от обследований речи в Японии, Великобритании и в Санкт-Петербурге, нацеленных на фиксацию речи большого количества информантов в течение короткого времени, метод самозаписи позволяет получить речевой материал большого объема от одного информанта. Обращение к новому методу было обусловлено не только жизненными обстоятельствами, не позволяющими собирателю постоянно находиться рядом с информантом, но и стремлением лингвиста свести к минимуму влияние на него посторонних с учетом своеобразия ЯЛ носителя городского просторечия.

Представители просторечного слоя речевой культуры – по определению люди недостаточно образованные (а значит, далёкие от науки как деятельности), они нередко относятся к учёным с недоверием (что может проявляться иногда как враждебность), а к лингвистическим исследованиям – с опаской. Часто не понимая целей, преследуемых наукой вообще, носители просторечия не верят в чисто научный интерес к своей речи со стороны исследователя и приписывают последнему те или иные корыстные мотивы. Для преодоления этого барьера в методе самозаписи, как и в методе включенного наблюдения, необходимо создание неформальных отношений с объектом анализа (что также отличает данный метод от перечисленных выше). Установление контактов предполагало разговоры в гостях и по телефону, угощение, переход на «ты», традиционные обоюдные расспросы о детях, здоровье и делах, взаимопомощь. Для того чтобы такие связи воспринимались как естественные, лингвист избегал в своей речи

несвойственных городскому просторечию языковых средств и тем коммуникации (ср. одобрителный комментарий носителя ГП.: *Ты вот говоришь, как своя – как будто и не училась нигде!*). Формирование доброжелательных отношений значимо ещё и потому, что техническая сторона метода самозаписи требует постоянных встреч носителя языка с собирателем для передачи аудиофайлов с материалом (если записываемый человек сам не пользуется компьютером). Особенно это актуально при изучении ЯЛ городского жителя. Типичные для просторечной среды трудности в сфере реализации жизненных планов могут привести к тому, что контактирование лингвиста с интересующей его личностью прервется раньше, чем будет собрано достаточное количество материала. Приятельское общение, предполагающее частые визиты, создаёт, таким образом, дополнительную мотивацию, «удерживающую» наблюдаемого в поле зрения наблюдателя в течение длительного времени.

В отличие от изучавшегося томскими диалектологами носителя традиционной народно-речевой культуры, натуры очень цельной и никогда не приспособивавшейся к речи окружающих [Иванцова, Соломина, 2014. С. 22], у представителя городского просторечия было выявлено варьирование языковых средств в зависимости от тех или иных характеристик участников коммуникации. С малознакомыми «культурными» собеседниками Л.Л. стремился говорить, ориентируясь на нормы литературного языка (однако демонстрируя многочисленные нарушения таких норм). При этом его повседневная речь в привычной коммуникативной среде с близкими по уровню речевой культуры собеседниками имеет заметные отличия от речи «напоказ». Является ли такая черта типологической для носителя ГП или носит индивидуальный характер, пока однозначно сказать трудно. Чтобы избежать присущей говорящему «мимикрии», были предприняты некоторые меры предосторожности. Исследователь намеренно представился лишь в качестве посредника, передающего записи в университет для прослушивания учеными. Это было сделано с тем, чтобы информант не ориентировался на собирателя даже как на невидимого собеседника (поскольку перспектива прослушивания и обработки аудиозаписи знакомым человеком

может осознаваться именно так). Кроме того, истинная цель работы – изучение ЯЛ – также не была ему раскрыта полностью. Собирателъ попытался донести до исследуемого лица мысль, что содержательная сторона записываемой речи не представляет для заказчиков материала (в качестве заказчика был назван университет) никакого интереса, а предметом анализа будут фонетика и некоторые грамматические категории. Л.Л. было сказано, что лингвистов интересует только естественная речь, поэтому «говорить надо только так, как ты говоришь всегда, в обычной жизни», а «наигранные» тексты отбираются при помощи специальной компьютерной программы и не рассматриваются.

Важным моментом в реализации метода самозаписи ЯЛ является выбор предлагаемого индивиду технического средства. Если ещё в конце XX в. звукозаписывающая техника была довольно громоздкой, дорогостоящей, энергозатратной и требовала расходных материалов, то в последнее десятилетие появилась недорогая цифровая звукозаписывающая техника (непрофессионального класса), не нуждающаяся в расходных материалах и отличающаяся компактностью, малой энергоемкостью и удовлетворительным качеством записи. В качестве звукозаписывающего устройства для самозаписи носителя городского просторечия использовался MP-3 плеер «Samsung YP-5» со встроенным диктофоном, 2 Гб памяти и возможностью подсоединения к компьютеру через USB-порт. Этой модели был отдано предпочтение по нескольким причинам: маленький размер, сравнительно низкая стоимость, возможность работы без подзарядки аккумулятора в течение нескольких дней, приемлемое качество записи и воспроизведения звука, а также функции радио и аудиоплеера (последние функции неважны в процессе записи речи, но привлекательны для информанта).

Применение метода самозаписи, так же как и использование включенного наблюдения, связано с некоторыми этическими проблемами, поскольку фиксация спонтанной речи в повседневном бытовом общении, как уже отмечалось – это всегда вторжение в сугубо личную сферу жизни. Следует заметить, что самозапись нельзя отнести к однозначно открытым способам сбора материала:

являясь открытой для самого наблюдаемого, она часто является скрытой для его собеседников, что не вполне этично по отношению к ним (этого недостатка лишено включение в языковое существование говорящего). Кроме того, ведущий аудиозапись способен забыть о включенном диктофоне, поэтому фиксируются подчас и интимные подробности его жизни и сведения, огласка которых может навредить ему или его близким. Оба обстоятельства налагают на ученых определенные обязательства по фильтрации попадающего в открытый доступ материала, а иногда и сохранению анонимности ЯЛ.

В обобщенном виде инструкция собирателя звучала так: «Записывай все подряд, чем больше запишется – тем лучше». На практике Л.Л. включал диктофон, когда предполагались какие-то разговоры: в будние дни на работе – при дежурстве с напарником, дома – в присутствии дочери и внучки, в выходные – во время прогулок по улице, поездок в гости или семейных праздников. Запись велась не ежедневно (очевидно, не каждый день было и с кем поговорить), но достаточно регулярно.

Обозначенный метод, как представляется, имеет ряд преимуществ перед другими. Вуалирование исследовательского внимания способствует естественности речевого поведения, особенно когда собиратель социально или культурно чужд окружению наблюдаемой ЯЛ. Если лингвист и информант не являются лицами одного пола, то самозапись (наряду со скрытой записью) позволяет достоверно зафиксировать общение индивида в гендерно однородном коллективе. Отсутствие необходимости находиться всегда рядом с объектом наблюдения в момент фиксации его речи не препятствует передвижениям говорящего субъекта и не нарушает привычного уклада его жизни – это особенно актуально для городских условий, когда человеку в течение дня бывает нужно много ходить и ездить. При систематической записи возможно получить значительный по объему материал в относительно короткие сроки: так, основной массив аудиозаписей носителя ГП объемом около 60 часов был собран за 2 года.

Есть и некоторые ограничения в использовании метода. Самозапись ЯЛ не так универсальна, как включение в языковое существование говорящего, и мало

подходит малограмотным пожилым информантам. Вместе с тем она может быть успешно применена лицами среднего возраста и молодежью, способными пользоваться несложной современной техникой. Минусом является и то, что лингвист в этом случае не является непосредственным наблюдателем или участником речевых ситуаций, в которых происходит общение информанта; в результате полученные аудиоматериалы не всегда самодостаточны для понимания и адекватной интерпретации. Бо́льшая дистанция между исследователем и информантом и предоставляемая последнему возможность выбора записываемых эпизодов создают некоторые ограничения в постижении нелингвистической составляющей ЯЛ в сравнении с включенным наблюдением.

1.2 Общая характеристика идиолекта просторечной языковой личности

Рассматриваемая языковая личность – мужчина 1959 г. рождения, русский (в целях сохранения анонимности информанта далее в тексте работы будут использоваться только его инициалы – Л.Л.). Родился в Алма-Атинской области, где семья жила в русскоязычном окружении, там же прошло его детство. Отец Л.Л. имел несколько рабочих специальностей, также работал фотографом, одно время – киномехаником, мать – домохозяйка; кроме Л.Л., в семье было ещё трое детей. Информант окончил 6 классов средней школы (был исключён за отсутствие прилежания к учёбе), прошёл обучение на полугодовых курсах фотографов. Служил в армии на Дальнем Востоке, по возвращении работал сначала в Казахстане, затем переехал в райцентр Чистоозёрный Новосибирской обл. Там он женился (первая жена – Нина, без высшего образования), имеет двоих детей, которые на момент записи речи информанта были уже взрослыми людьми: сын Яша работал охранником в разных городах, дочь Настя переехала в Новосибирск, где работала кондуктором троллейбуса и параллельно училась на заочном отделении вуза. Когда дети выросли, Л.Л. развёлся с женой и переехал в Новосибирск, где работал дворником, позднее – охранником в разных охранных фирмах. После развода с женой постоянного жилья нет: Л.Л. снимал жильё и один, и вместе с дочерью, затем жил в пригороде, в доме подруги Нади, на

которой собирался жениться (он называл её женой – в записях текстов она обозначена как «вторая жена»). Однако вскоре поссорился с ней, брак не состоялся, и Л.Л. завербовался работать охранником вахтовым методом на Крайнем Севере.

Л.Л. сменил много профессий: плотник, кабельщик-монтажник, тракторист, монтер, газосварщик, шофёр, фотограф, дворник, охранник. Однако обучения по этим специальностям, кроме специальности фотографа, он не проходил. В течение нескольких лет (в период жизни в Чистоозёрном) у информанта было своё фотоателье, где он работал вместе с женой; после того как стали широко доступны цифровые фотоаппараты, ателье закрылось.

Круг общения Л.Л. – это семья (в период жизни в Новосибирске – дочь, внучка 4-5 лет, а также несколько подруг), товарищи по работе, (в Чистоозёрном – соседи и клиенты фотоателье), кроме того, множество случайных знакомых – Л.Л., будучи человеком общительным, легко заговаривает с незнакомцами на улице. В 2002 г. был опыт продолжительного контактирования с носителями ЛЯ во время съёмки документального фильма о работе провинциального фотографа, где информант участвовал в качестве одного из героев. Л.Л. в течение нескольких месяцев общался с режиссёром, звукорежиссёром и оператором, записи этих разговоров, диалогов с клиентами и монологов Л.Л. также были использованы как часть материала в данном исследовании.

В целом образ жизни Л.Л. является типичным для носителей ГП: информант не читает художественную литературу (хотя сам он утверждал, что читал «Тихий Дон» М. Шолохова и «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова, но первая жена сказала, что ни разу не видела его с книгой), не создаёт никаких письменных текстов, не пользуется компьютером, не интересуется культурными мероприятиями, практически не контактирует с носителями литературного языка. В свободное от работы время смотрит телевизор, употребляет алкогольные напитки, иногда подрабатывает (ремонтирует телевизоры, чинит различные механизмы и т.п.).

Таким образом, по экстралингвистическим критериям ЯЛ информанта соответствует образу типичного носителя ГП.

По лингвистическим критериям также наблюдается соответствие информанта образу типичного носителя ГП: Л.Л. не владеет каким-л. диалектом, а его речь демонстрирует отклонения от норм ЛЯ на всех структурных уровнях языка.

Обозначим нелитературные черты, выявленные в идиолекте Л.Л.⁶ Отклонения от литературных норм, зафиксированные в речи Л.Л., сопровождаются комментариями «часто», «иногда», «редко» и т.д. Важно при этом, что на грамматическом и синтаксическом уровнях ни одна из выделенных нелитературных особенностей не проводится в речи информанта последовательно, что могло бы свидетельствовать о его ориентации на тот или иной вариант, имеющий в языковом сознании говорящего статус нормативного.

В акцентологии:

Иногда: устранение подвижного ударения при изменении некоторых слов: *пода'л; собра'ла*; оттяжка ударения на неконечный слог: *вклю'чим; вы'соко*; в некоторых словах – отличное от литературного место ударения: *запы'хаться, до'говор, в детей'х, позво'нит, красиве'е, кило'метр, по'лтора, под низо'м, обло'жить*. В постановке ударения отмечается непоследовательность: например, в речи Л.Л. встречаются *борзой* и *борзый* в одном и том же значении «дерзкий, наглый» и т.д.

На уровне фонетики:

Часто: редукция согласных и целых слогов: *грит, гыт* «говорит»; *прям, слышь, смори, скоко, жизнь, то есь, потоушто, пониашь*⁷;

Иногда: сильная редукция гласных в заударной позиции: *пугвица, пугвочка*; в отдельных словах – твёрдые конечные заднеязычные в корнях глаголов:

⁶ При описании нелитературных черт идиолекта Л.Л. использованы материалы статьи [Соломина, 2013].

⁷ Видимо, сильная редукция, не создающая, тем не менее, помех для коммуникации, обусловлена действием принципа «достаточно для понимания» в сочетании с принципом «экономии речевых усилий». Подобное преимущественное употребление редуцированных вариантов отмечается и в речи диалектоносителя [Иванцова, 2002. С. 117].

стяговать; выскаковат; отсутствие ассимиляции согласных по мягкости: *возми; подправте*; эпентеза, метатеза и диссимиляция по месту образования: *радиво, филим, жизинь, посонтри* «посмотри», *асвальт, фанэрка, сосиська*.

Среди фонетико-морфологических черт часто наблюдается полная ассимиляция согласного [ш] перед -ся: *учисся, обижаеся*; иногда – флексия -ут, -ют в 3 л. мн. ч. глаголов второго типа спряжения: *доют, держутся, стоят*.

На уровне морфологии:

Часто: употребление постфикса -ся на месте литературного -сь в возвратных глаголах: *случилось; осталася; попалася; отвернися; увлекалися, судилися, стараюся*; ударная флексия -а на месте литературного -ы во множественном числе именительного падежа имён существительных: *волоса', фона', года', двигател'я, мозга'*; продуктивность флексии -у в формах родительного и предложного падежей: *бетолу много, а гезокенону мало; тридцать рублей авансу, ехать на ЗИЛу*; в некоторых словах – не принятые в ЛЯ чередования гласных в корне: *поброется, плотят*; использование звательных форм: *Олега, Настёна, Нинок, Сонёу*.

Иногда: отсутствие исторических чередований согласных: *хочете, некём. бежи, растрепает*; в некоторых словах – отличная от литературной форма множественного числа: *зятьевей, с курами, делов*; более широкое использование творительного падежа (в том числе использование творительного предикативного): *он директором школы; труба идёт тридцать вторым диаметром*; использование предлога до с родительным падежом существительного при глаголах движения: *до Жени поеду; до Поли зашёл, в гости приедем до вас*.

Редко: отличные от литературных падежные окончания существительных женского рода: *на своей машины; к Светы*; у некоторых единиц мата словаря Л.Л. нельзя чётко определить частеречную соотнесённость: например, единица мата *пи**ец* может выступать и как существительное: *Вот я тее говорю, Амамбаевы, вот, записалися – всё, кукан. Выжили. Выжили. И сына убили, и дочку изнасиловали там – короче, пи**ец [нечто ужасное] был*; как

прилагательное: *Ну вот у вас – я вот работаю, вот когда щас – вот эта бригада – она как-то ещё – ну, то что она у вас это, наёмная, да? <...> Ну как-то она вот – как-то она без всяких, знаешь, ну – Кондратьич – без вые*онов. А та вот у вас – те **пи**е-ец** [очень плохие]!;* как наречие: *Она, слушай, ради меня всё сделает, слышь? Она **пи**ец** [очень сильно] – любит, на х**!;* и как междометие: *К.: Там вечно – на километр убойная сила, б**дь. – Л.Л.: **Пи**ец**... Вот это вещь, на х** – СВД-шка, б**дь!* Эта особенность встречается в словаре Л.Л. только у единиц мата. О подобном явлении, когда слова «...вернее всего могут быть охарактеризованы как междометия, существительное и повелительное наклонение глагола одновременно» [Лихачев, 1993. С. 81-82], упоминает Д.С. Лихачёв, образно характеризуя «эмоциональные слова» в речи воров⁸: «Воровское экспрессивное и эмоционально насыщенное слово действует как толчок, как удар плетью – так же сильно, хлестко и так же бестолково. О смысле этого удара следует заключать по окружающей обстановке» [Там же. С. 70-71].

На уровне словообразования:

Часто: употребление слов, образованных при помощи суффиксов с просторечной окраской: *шлифануть, давануть, лунануть, кликуха.*

Иногда: образование полипрефиксальных глаголов: *понакупили, пообменивали, повытаскивал, повылазуют.*

Редко: неупорядоченное употребление постфикса -ся: *не входится* «не входит».

На синтаксическом уровне:

Часто: употребление полной формы страдательных причастий с перфектным значением и полных прилагательных в именной части сказуемого: *Вы всю жизнь*

⁸ Д.Н. Лихачёв подчёркивает, что черты воровской речи распространяются и на речь городских низов в целом: «Интересен тот факт, что эмоционально-экспрессивная функция преобладает в речи тех из профессиональных групп, в которых весь хозяйственный процесс носит наиболее отсталые черты; где добыча зависит от удачи, от случая, где нет осязаемой связи между производственным процессом и продуктом труда, где труд индивидуализирован, где ценятся такие личные качества, как ловкость, изворотливость, где сильно развита конкуренция и слаба связь с общим хозяйством всего общества в целом. Эмоциональные слова наиболее часто встречаются в речи мелких торговцев («офени»), профессиональных нищих, биржевых дельцов, коммивояжеров, бродячих актеров, легковых извозчиков, некоторых мелких ремесленников, профессия которых связана с торговлей, и т. д.». [Лихачёв, 1993. С. 65-66].

буете недовольные; Скоро старый паспорт будет недействительный; И заранее они были оповещённые; использование предлога с на месте литературного из: с Казахстана; с Ташкента; с Москвы; с кожи; проявители с технической химии, с его «из него»; 2-х и 3-хкратное повторение частицы ж/же в пределах одного предложения: Ты ж даже ещё дома ж сидела же.

Практически отсутствует передача чужих (и собственных) слов средствами косвенной речи, во всех случаях используется прямая речь: *Я всегда говорю, что у меня Сан Саныч сегодня был. Скажу, забуду когда-то, на х**.* «Был Сан Саныч?» – «Да, был, на х**»; *Ну Настя парится [волнуется, о необходимости оплатить штраф] – я грю: «Хрен с ним, пускай ищут». «Ну, вот щас триста [рублей штрафа] – потом восемьсот будет» – я говорю: «Хрен с ним».*

Иногда: предложно-падежная неупорядоченность: *Я вот работаю на концентрате [использую в работе концентрат]; Всё-таки под [перед] камерой сидеть!; Я ж тебе говорил за это сегодня!; Какая водка, ты чё, при съёмках!; Глянь мне своим взглядом!; инфинитив в постпозиции к корреляту – местоимению оно: Так здесь только мой голос будет отбираться – мой голос, оно чужого не будет попадать; Что-то где-то мож, где-то жись – но – оно же видать человека!; согласование сказуемого с подлежащим «по смыслу»: Это, слышь, Олега, Олега, что характерно, он [бросивший пить товарищ] нас не осуждает, которые выпиваем, да?*

Многие указанные отклонения от литературных норм фиксируются не только в ГП, но и в русских сибирских говорах (ср. [Иванцова, 2002. С. 27-32]), что объясняется родством этих двух нелитературных языковых подсистем.

Наибольшим своеобразием отличается идиолексикон Л.Л.

Именно **на лексическом уровне** отличия ГП от других подсистем языка «особенно разительны» [Капанадзе, 1984. С. 10].

Важной характеристикой словаря Л.Л. является наличие большого пласта собственно просторечных, диалектно-просторечных и жаргонных единиц. Соотношение их количества в идиолексиконе Л.Л. представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Состав нелитературной лексики идиолексикона носителя ГП

Прежде всего лексикон Л.Л. включает широкий пласт – более 350 –просторечных лексико-фразеологических единиц⁹: *аж* (усилительная частица), *блин* (междометие), *баба* «жена», «женщина», *всяко* «по-разному», *калымить* «выполнять какую-л. работу, дающую побочный заработок»; *ло'жить* «класть», *отсюдова* «отсюда», *поддать* «выпить спиртного», *близко не стоял* «совсем не похож», *вкалывать* «интенсивно работать», *внаглу* «нагло» и др: ...*Они на него смирительную рубашку одели*, *слышь* – завязали, *клейкопластырем* рот заклеили [*смех*] – в машину, *б**дь*, *его!* [*смех*]; *Недаром мы с Яхой били всех в районе, б**дь. Токо психануть – это всё, ж-жона*, на *х**й*; «*Вот ты, такой-сякой*» – как он мне в глаз *заехал*, *слышь!*; *Я не лезу*, *слушай*, ни к сыну, ни к *доче*. *Пускай сами; Скорей бы уж получку*, что ли, дали за этот декабрь; Мне *без разницы*; Ты ж знаешь, что я в этом *спец*; Так что администрация – лишь бы отвязаться. Угостил, *туда-сюда*, *отсняли* – всё!; Сядем, возьмём пивка, водочки возьмём – так, *чисто* по-человечески; Л. [*подруга*]: На Золотой Ниве у меня двушка. – Л.Л:

⁹ Статус просторечных был присвоен единицам, которые в толковых словарях [МАС; СОШ; СУШ и др.] имеют помету «прост», а также включенным разными исследователями [Крысин; Шапошников; Химик и др.] в списки просторечных слов; кроме того – единицам, не зафиксированным словарями и имеющим признаки просторечного слова (различные «неправильности», большую сниженность, по сравнению с общерусскими единицами и т.д.).

*Тогда **какого хрена мозги парим** квартиру искать?!; Нет, слышь, Виктор – тут **внаглую** зашёл.*

Примерно треть всех просторечных единиц идиолексикона Л.Л. необходимо считать диалектно-просторечными, поскольку они используются и в ГП, и в говорах¹⁰. Промежуточный статус многих единиц данной категории обусловлен не только генетическим родством ГП и диалектов, но и длительным их взаимодействием [Словарь диалектного просторечия. С. 5]: ***Айда** сюда, ребята!; Там такая **байка**, значит, была – щас я расскажу; А это, слышь, это, Надя, а дядя Вася Шевченко – ну, Томкин **батя** – живой, нет?; Ну, это время буду **вкалывать** вот; **От такие**, Галя, **пирог**и; Слушай, ты потом **пожрёшь** – ты позвони; Это **ихние** проблемы; Сама-то сим-карта у них это, вообще не сто'ит, а только сто'ит, что деньги, это, ты на неё сразу **ложишь**; Не надо ехидную **морду** делать!; Брось этот дурацкий цветок. Он здесь **не нужен сто лет**; А пускай валит **отсюдова**; А вы не вставайте, **пря**м так; Она ж это, у **свекровки** находится.*

В гораздо меньшей степени в лексиконе носителя ГП представлены собственно диалектные элементы¹¹. Всего отмечено 28 таких единиц: *Нет, на Геодезистов – как раз вот, с этого, с подземки выходишь – и налево так **вота** идёт, Геодезическая; Надо **ворачиваться**; Порнография **голимая** [о лёгких сигаретах]; **Доньке** [о дочери] я буду помогать; Киска **ись**, что ли, хочет?; Даже ты вот этот внутренний подклад возьмёшь, сделаешь себе душегреечку – обошьёшь – и то будет, да – **куда с добром!**; Вон там **перемёт** – а здесь дорога есть, вишь?; А вот для дочки – если дочке там чё-то где-то не **поживётся** – дочке угол оставляю.*

Кроме просторечных, диалектно-просторечных и диалектных единиц, словарь информанта включает обширный пласт жаргонизмов – около 200 слов и

¹⁰ Статус диалектно-просторечных получали единицы, которые в разных словарях имели разные пометы – «обл.» и «прост.», а также зафиксированные в «Словаре диалектного просторечия Среднего Приобья» [Словарь диалектного просторечия, 2003].

¹¹ Статус собственно диалектных получили те единицы идиолексикона Л.Л., которые либо встречаются только в областных словарях [ПССГ; СРГНСО; СРНГ], либо имеют помету «обл.» в толковых словарях русского языка [МАС; СОЖ; СУШ и др.].

фразеологизмов. Подавляющее их большинство – более 80% – составляют единицы молодёжного, уголовного жаргонов и так называемой «жаргонизированной разговорной речи» (термин В.М. Мокиенко [БСРЖ]).

Около 50 единиц, по данным словарей, являются принадлежностью молодёжного и уголовного жаргонов одновременно, около 50 – молодёжного, 10 уголовного: *Яха, Яха, Яха – ты давай, держись **бодрячком!** (мол.); Тоже обезбашенный (мол.) [сын], б**дь – молодой, на х**;* *Как я ещё не **влетел** (мол.), б**дь! (смех);* *Ну, счас уже старый я стал – ну, как – пожилой, но молодых люблю девчат – слышь – заговорить с ними, поболтать, есть такое, да – **по ушам проехать** (мол.);* *Да нет – я не говорю, что он урод, туда – сюда, ну, **по ходу** (мол.), чё-то с ним случилось, наверно;* *Мы уже с ним **кенты** (мол., угол.), получается, пониаеть? Он как будто **влёгкую** (мол.) с тобой разговаривает. Он уже напряжённости в лице нету [о работе фотографа с клиентом];* *Чё, думаешь, я такой **фраер** (мол., угол.), как твой **терпила** (угол.) **долбанный** (мол.)?!;* *Мы не **зависаем** (мол.) с Яхой, мы работаем; Ёлки-палки... Да я-то точно **крякну** [умру.] (мол.)! Раньше тебя, слышь?;* *Или в тамбуре меня ножом ударят опять – попадут бродяги, слушай – **базара** (угол., мол.) не поймут, или я их не пойму – ну, скорее всего, я их – я с ними **базарить** (угол., мол.) не буду, ну и всё...;* *Откуда у меня были **балабашки** [деньги] (угол., мол.)?!;* *Но вот а русская [мафия] по сравнению с «Козьей нострой» – они грят – самое лучшее, самое лучшее, если сразу **замочат** (угол., мол.);* *У меня **кореша** (угол., мол.), знаешь, нормальные;* *Ну **прикалываются** (угол., мол.) над людьми!;* *Может, пока будешь **хавать** (угол., мол.), поставить на подзарядку [телефон], а?;* *Не **базлай** (угол.) [не кричи], иди сюда [кошке];* *Понимаешь – такую **дуру нагнала** (угол.) [наврала] эта сволочь!;* *И вот знаешь – я ещё был **под газом** (угол.) [пьяный] – я одной левой рукой взял за шторину – шторы такие толстые – и рванул; А я бы с бичом стоял бы [около работника] – и таскал **тики-так** (угол.) [очень хорошо] бы!;* *Кабель **стёбнули** (угол.) [украли] где-то – сняли...*

Ещё около 50 единиц идиолексикона Л.Л. относится к «жаргонизированной разговорной речи» – жаргонизмам по происхождению, имеющим широкое

распространение за пределами жаргона. Данный пласт единиц не имеет однозначной соотнесённости с какой-либо одной подсистемой языка, в разных словарях слова и выражения этой группы могут быть отнесены и к жаргону, и к просторечию, и к разговорной речи. Такая неопределённость, как и сам термин «жаргонизированная разговорная речь», по-видимому, отражают процесс активного проникновения жаргонизмов через просторечие в разговорную литературную речь: *Ничё у тебя глюки (нарк., угол., мол.) пошли! Белка (жрр¹²) пошла, да?; Мужичок закладывает (жрр, разг.), ну если уборка, вот, в этом году он сорок центнеров только пшеницы, чистой заработал, не считая отходов; Так лялька, тебя хотели обуть (жрр, прост.), да? Аж на семь тысяч, да?; Домой пришёл, отрубился (жрр, прост.); Ну еси... еси не хватает – возьми две сим-карты – они полтинник (жрр, разг.) стоят!; Они тебе за час всё сделают – и дай ещё с собой бухнуть (мол., жрр) – они тебе чёрта перевернут!; Раньше, слушай, мужика сбивал с одного раза. Щас токо с двух раз вырубаю (мол., прост.); Ну, короче, потом [свист] – крыша едет (мол., прост.).*

Важно ещё раз подчеркнуть, что в речи Л.Л. на всех уровнях языка используются, кроме нелитературных, общерусские единицы, составляющие основу идиолексикона. Специфика ГП состоит не в превалировании ненормативных средств в идиолекте их носителей, а в присутствии этих средств на каждом языковом уровне (ср. [Китайгородская, 1988. С. 167].

Информант использует типично просторечные обращения – термины родства и патронимы: *бабулечка, отец, братан, братишка, Дмитрич, Егоровна*; типичные для ГП специфические формы личных имён: *Лёха, Яха, Андрюха, Настёна, Витёк, Светик, Нинок, Юрчик*.

В ГП считается типичным использование притяжательных местоимений при обозначении супругов. Л.Л. при упоминании первой жены использует сходное средство – субстантивированное прилагательное *бывшая*: *М.: Ну а там [в*

¹² В примерах: «нарк.» – жаргон наркоманов; «угол.» – уголовный жаргон; «мол.» – молодёжный жаргон; «жрр» – жаргонизированная разговорная речь.

Чистоозёрном] кто-то живёт же у тебя? – Л.Л.: Кто – внук там да эта, **бывшая**.

В литературе отмечается, что носители просторечия часто некорректно используют книжные, особенно заимствованные, единицы [Китайгородская, 1988б]. Анализ идиолекта Л.Л. в целом подтверждает этот тезис: *Вот смотри: в Сибири – вот кто у нас: таджики, узбеки, корейцы, киргизы – а казахов-то нету! Бастайбаторов [гастарбайтеров] этих – или вастайбаторов – нету казахов; Поди чирик положи на «Мегафон» и базарь скоко хочешь. Там беспредел [безлимит] – ты знаешь «Мегафон», но; Л.Л.: Это потом тее' надо всё учить, да? Читать... – Н: Не учить, а так, читать, чтобы рассказать. – Л.Л.: Ну так – чтобы знать – **визуально** [приблизительно], своими словами пересказать; Ж. [режиссёр]: А чё Лёню все хвалят? Он, наверное, гипнотизирует людей? – Л.Л.: Не-е, при людях я не **конкретизирую** [здесь значение слов «гипнотизировать» и «конкретизировать», видимо, неясно говорящему]; Так там надо ставить, эти, как они называются – **канцеляриа** [консьержка], или как они?; Вот именно, понимаешь, они изучают мою речь. У меня какая-то речь, понимаешь, **неадекватная** [необычная] – это вот почему заинтересовались; Окончил институт, да? Он полностью его закончил? Все **факультеты** [курсы] – полностью?*

Однако надо отметить, что многие книжные, в том числе заимствованные лексемы информант использует правильно. Редки, например, ошибки в использовании фотографических терминов: Л.Л. прошёл в молодости обучение на курсах фотографов, кроме того, его отец занимался фотографией, поэтому познания у говорящего в данной области действительно имеются¹³.

Между тем, несмотря на частое употребление книжных единиц в правильном значении, в речи информанта при этом не соблюдается условие интеллектуализации содержания речи, обязательное в подобных случаях в ЛЯ

¹³ Однако и здесь есть исключения: например, используемый информантом термин *тиосульфация* не отмечен ни в одном из доступных нам словарей, не встречается он также и в интернет-текстах. По-видимому, это результат словотворчества информанта, используемый им, чтобы придать своей речи черты наукообразности.

[Китайгородская, 1988а. С. 165]: *У нас щас тоже с деньгами **кризис** [в непринуждённой беседе с другом, о нехватке денег в семье].*

Отмечены в идиолекте Л.Л. и специфические для просторечия семантические особенности. Во-первых, это «нечёткость значения по причине превалирования экспрессии в ущерб логико-понятийному объёму» [Шапошников, 2012. С. 54]. Например, *болтаться* в рассматриваемом идиолекте может выступать в значениях «жить, переезжая с места на место»: *А я с восемьдесят третьего года **болтаюсь** по Сибири*; «находиться, вращаться в определённых кругах»: *Не работает ни хрена, слушай [сын Яша]. <...> Я говорю: «Яха, давай хоть в эту, в охрану» – у меня номера, всё есть, много знакомых – это я уже сколько здесь **болтаюсь** – у меня вот так вот [жест «много»] знакомых, кругом*; «жить без определённых обязанностей, без определённой жизненной программы, неодобр.»: *А щас, слушай, женищину встретил, да – ты знаешь – вот это вот всё опять возродилось – меня кто-то, знаешь, вот – двенадцать лет я **болтался** один, да? – я, слушай, Лёня, я жил как хоте-ел!; «сидеть без дела»: Там в газете щас вычитал, где-то это, рабочих на это берут – по уборке этого, города. Ну всё равно два дня **болтаешься**. Хоть там какую копейку [можно заработать]. Наречие *нормально* иногда означает «неплохо, достаточно хорошо»: *Ты вот только уехал – и приехал! Полтора рубля [полторы тысячи] – это ж нормально, ну?; иногда – «отлично»: Нормально (интонация восхищения, смех)! (реакция на удачную шутку).**

Во-вторых, встречаются лексемы с диффузными значениями; особенно часто диффузность проявляется в бранной лексике и некоторых единицах мата. При этом иногда одни ЛСВ экспрессивны, другие – нет. Например, лексема *ё*нуть* может быть употреблена для обозначения довольно широкого круга действий, большая часть которых мыслится говорящим как очень сильные или внезапные (т.е. интенсивные), два ЛСВ («украсть», «выпить спиртного») неэкспрессивны: *Это не уследи-ишь никогда, это, б**дь, кто захочет **ё*нуть** [украсть], тот ё*нет. Особенно кто знает всё это – где чё лежит; Не, ну если ты щас нормальный, то ляжсь отдохни, я **ё*ну** [выпью спиртного] и тебе оставлю,*

утром встанешь, **ё*нешь** и поешь домой, по-человечески всё; Н. [дочь]: Они прошлый год гуляли – во, это она с другой смены – гуляли – вот этого посадили; а этот год гуляли – на какой праздник? – не помню – тоже собирались гуляли, короче – и один другого пырнул вот сюда. – Л.Л.: Ну, короче он взял... взял на себя – по ходу она его **ё*нула** [убила]; М. [напарник]: Ну и, короче, ласты ему [чиновнику, берущему взятки] завернули – а смотрим, другой человек сидит вместо его, б**дь. – Л.Л.: Довыё*ывался, короче. – М.: Да. – Л.Л.: **Ё*нули** [арестовали], на х**, козла, б**дь; Может, меня по башке **ё*нут** [ударят], я в больницу попаду на хер; Ну вот – как у меня Светка: тоже insult **ё*нул** [случился – об insultе], на х**; Щас, я думаю, что они подъедут, документы поднимут все, на х** – а... нету ни х*я на меня! А **ё*ну** [внезапно предъявляю доказательства] – у меня роспись есть, (нрзб.) у меня всё составлено, на х**; Да даже Колькиным [ружьём] можно убить, на х**! В лёгкую, на х**! Вот – под ствол **ё*нул** [выстрелил], на х** – даже на метр **ё*ни** – и всё, на х**! Лексема **ни**еть** в значении «говорить, разговаривать, болтать» не имеет экспрессивности: Э-э-э, мы с тобой базарим, **ни**им, ни**им, ни**им** – пока не надоест. Данное слово может также выступать в разнообразных значениях, сводимых к одному обобщённому – «плохо, т.е. несправедливо / неприятно и т.д. говорить», при этом во всех случаях выявляется пейоративная эмоциональная оценка: Ну а потом это, то, что у меня осталось, я в сумку запихал – всё, нужно холодильник освободить, на х**, чтоб не **ни**ели** [возмущались], на х**; И вот видишь – они смена на смену **ни**ят** [сплетничают, наговаривают] – все сплетники ё*анные!; Н. [дочь]: Я гру: пока работу подыскивал [брат] – разгружал бы эти фуры – не усрался бы – за триста рублей. – Л.Л.: Ну. Да не-ет – триста рублей – чё-то он **ни**ит** [врёт]. Таких примеров в идиолексиконе носителя ГП довольно много.

Отмечается просторечная специфика идиолекта Л.Л. и **на уровне текста**.

Темы диалогов и полилогов с участием информанта обусловлены типичными для рядового носителя языка (в том числе носителя ГП) жизненными ситуациями. Дома с родными Л.Л. часто говорит о решении насущных проблем: поиске нового

места работы или побочного заработка, возможности взять кредит, ценах на продукты, тарифных планах операторов сотовой связи и т.д.; иногда мечтает о счастливом будущем – прибыльной работе и жизни в достатке. В диалогах с сестрой, оказавшейся проездом в Новосибирске, вспоминает детство, семью, друзей юности.

Когда Л.Л. встречается со старыми знакомыми или друзьями, они чаще всего вспоминают весёлые случаи из прошлого, обсуждают ремонт машин или другой техники, детали, связанные с сантехническими, электротехническими или строительными работами, говорят об оружии.

Специфика работы в охранном агентстве такова, что Л.Л. постоянно приходится встречаться с новыми людьми: это связано и с быстрой сменяемостью работников в агентстве, и с политикой начальства, которое часто переводит охранника на новые объекты, чтобы предупредить сговор воров с охраной и воровство стройматериалов. Кроме того, и сам Л.Л. часто меняет места работы. Напарники на дежурстве обмениваются краткой историей жизни, делятся семейными и бытовыми проблемами, обсуждают начальство и знакомых охранников. Реже говорят на политические темы: ругают власть, милицию и ситуацию в стране в целом.

Иногда, особенно с недавними знакомыми, Л.Л. любит упоминать о своей связи с потусторонними явлениями – как представляется, для того, чтобы повысить свой статус в глазах собеседника: *Я тебе помнишь рассказывал, когда мы с сыном, с дочерью перемещались в параллельный мир – когда деда видели, сестру видели – помнишь, я тебе рассказывал?* По-видимому, данную особенность тематики текстов информанта следует отнести к индивидуальным.

Просторечный текст по своей природе диалогичен, бо'льшая часть дискурса Л.Л. представляет собой диалогическую речь. Информант способен и к произнесению монолога, который, однако, встречается в его дискурсе значительно реже. При этом монолог остаётся «диалогически ориентированным», это проявляется в том, что «к просторечному тексту имманентно пристраиваются реплики вопросно-ответного характера» [Шапошников, 2012. С. 135]. Отмеченная

В.Н. Шапошниковым особенность характерна и для монологов Л.Л., включающих время от времени реплики «Я не прав?», «Я правильно говорю?», «Я прав, нет?» и т.п., которые не предполагают ответа собеседника. Вообще, поскольку просторечный текст «...часто не представляет цельной замкнутой семантико-понятийной структуры и не составляет иерархии коммуникативных программ...» [Шапошников, 2012. С. 135], иногда диалогическое общение перетекает в монологическое и наоборот, так что границы монолога чаще всего нечётки, размыты. Вне диалогического окружения, как осознанная и целенаправленно реализуемая разновидность речи, монологи в дискурсе Л.Л. практически не встречаются.

В речи Л.Л. часто использование слов-паразитов: *Ну вот щас должен, это, за декабрь получить в конце этого – в конце февраля – начале марта; Там, короче, это – как заходишь в эту, в детскую – с правой стороны стоит с ключами пакетик; Вот они, слушай, три-четыре месяца не плотят, потом караулят, слышь – специально, на х**;* *Если б он, конечно, в дверь тыкался, я бы услышал бы. Потому что она сильно гремит, слышь, внутри.*

Отмечается такая типичная для ГП черта, как имплицитность на информативно важных участках текста, снижающая степень связности: *Вот я щас, слушай – мне осталось червонец жить – загнусь с этим грузчиком за эти копейки! Чё, жрать, что ли, нечего или чё?* («Если я пойду сейчас работать грузчиком, я могу потерять последнее здоровье. К тому же, платят за эту работу очень мало. Я не голодаю, чтобы согласиться на такую невыгодную работу. Кроме того, жить мне осталось недолго и здоровье для меня важно»); *А то что как оператор – конечно, мы с тобой – ни ты, ни я, это, – на оператора нужно тебе учиться. Мне-то чё? Я так уже. А вот тебе бы, конечно бы...* («Ни ты, ни я не можем работать операторами, для этого нужно учиться. Хорошо бы тебе выучиться, а я уже стар, это уже не для меня»).

Часта общая несвязность текста, приводящая к непониманию слушающим: *Ты знаешь, у меня тёща – я только первую Жигу взял, да? Первую Жигу – а на уборке же – помнишь, я тебе рассказывал – я на комбайнах ездил. Ну, короче, мы с*

другом, слушай, на Жиге едем, да – он говорит: «Лёха, тормози! Назад!» – Ну я задом-то еду, слушай – грит: «Левее!» – Ну я подгоняю, он – чик – тахту'шку [барана], слушай – барана молодого. Чик [зарезал? схватил?!] – чёрного – «Поехали!» (смех) А тогда, знаешь, когда – уборка – ГАИ кругом. Отъехали, его в багажник закинули, на х**. Ну ясно, что – местные – ну местные же – околкими, туда-сюда, объехали, всё – дома разделали, ну вон я шкуру оставил там. Позвоночник вытягивает – дети, слушай, там – гыт: «Детям» [говорит: «Позвоночник барана – детям»?] – сам хохол, слышь – Чеснок фамилия! (смех) Ну прик-кольный мужик был! Я потом тебе... Ну корифан, слышь... <...> Короче, бухой ко мне приходит, слышь, а живёт он за углом, в конце посёлка. Ну, район, слышь? Ко мне приходит. «Лёха», – говорит. «Лёха!» А там, слушай, Нинка, слушай, там, ну – лук, слышь, ну, выращивала – семена ей прислали – ну так висят – ну, ранняя осень. Он говорит: «Нич-чё себе – гирлянды, слушай! Дай мне одну гирлянду!» – «Иди отсюда!» – «Да дай ты – это кореш, вместе работаем – он меня маслом выручал, бензином... ну, сантехникой, слышь». Она ему связку – ну чулок, слышь ну, капроновый – бабы – у тебя тоже, да? – в чулок в капроновый – в чулок его вешают – Она: «Н-на!» – говорит! В приведённом фрагменте впечатление несвязности создаётся, во-первых, отсутствием сквозной темы рассказа – заметно, что информант излагает события не в логической последовательности, а в том порядке, в каком эти события всплывают в его памяти, Л.Л. «перескакивает» с одной мысли на другую. Во-вторых, связность нарушает обилие деталей-отступлений, не важных для понимания общего смысла текста или вообще не связанных с темой текста; в-третьих, отмечаются частые случаи лексической недостаточности, в-четвёртых – использование слов с нечёткой семантикой (например, глагольного междометия «чик») и т.д.

Текст обладает высокой степенью экспрессивности, которая создаётся средствами всех уровней языка. При этом наиболее яркими из них являются экспрессивные единицы лексико-фразеологического уровня – как эмоционально-оценочные, так и экспрессивно-интенсивные: адский, зараза, болото, вилы, всандалить, мяско, шашлычок, солнышко, бестолочь, долбаный, душа в душу,

жуть, загробить, замечательно, исключительный, коробочку открыть «начать высказывать претензии, возмущаться, неодобр.» и т.п.

Экспрессивные средства в речи информанта распределяются неравномерно: их количество зависит от составляющих речевой ситуации (такая неравномерность отмечается во всех подсистемах языка). Например, в ситуациях общения, близких к официальным, речь Л.Л. наименее экспрессивна. В приведённом ниже монологе информант по просьбе режиссёра рассказывает о процессе проявки плёнки, это записывается на видеокамеру. Л.Л. «работает на камеру», стараясь выглядеть опытным, грамотным специалистом в области фотографии¹⁴:

Метол – это мягко раб... мягко... мягко работающее вещество, активное. От-т. Вуалеообразующее: вуаль идёт. Для кино – это медленно работающее вещество проявляющее, но контрастно работающее это, то есть, гидрохинон без сульфита – его не растворишь. Нужно обязательно... он растворяется только в присутствии сульфита. Взять метол – он не растворяется в присутствии сульфита. Понимаешь? Ну как... «Чибисов» – это... это наш проявитель, это для бумаги. Взять синедон – знач, он как: растворяется в спирте, в ацетоне хорошо, или в большой... в большой щелочной среде при... при высоких температурах – шыисят – семьсь градусов. Так его, просто – он нерастворим. Как взять – если взять буру – бура – это идёт в «Д-76», не слышал такой проявитель? О-о, это же проявитель п... профессиональный! Все фотографии им работают! Немецкий проявитель, ему уже лет – я т-точно не могу сказать, но – лет, нэрно, пятьдесят – шестьдесят точно ему есть. Самый такой активный проявитель.

В приведённом тексте экспрессивность выражена слабо: немногочисленными восклицательными интонациями, междометием *о-о* с протяжкой гласного. Однако

¹⁴ Отметим, что в подобных ситуациях Л.Л. поддерживает свой профессиональный имидж путём употребления большого количества терминов, в том числе и заимствованных, где «...вследствие иноязычности формы смысл слова для многих оказывается как бы зашифрованным, непонятным <...>. В то же время эта непонятность может служить символом недоступной учёности, почему и речь, содержащая иноязычные слова, нередко оценивается как социально престижная» [Крысин, 1992б. С. 64].

такие тексты, как и сами ситуации, в которых продуцируются тексты со слабо выраженной экспрессивностью, в дискурсе Л.Л. единичны.

Более характерными для дискурса информанта являются ситуации общения в неофициальной обстановке со знакомыми собеседниками на житейские темы, которые волнуют говорящего. В таких случаях экспрессивность текста обычно высока: *[Возражает напарнику на предложение оставить свою часть квартиры детям] Так что не на-адо: «Вну-укам, де-етям». Туфта всё это! Это уже ушло невбытие-е! Это которые дети выросли, и в деревне оставались, и жили тама – вот им – да! А они там – они там же не будут жить! Не-е, это уже такая кухня не канает! Как и у тебя не канает «продай гараж и машину», [смех] «оставь квартиру дочке» [жена предложила напарнику оставить дочери квартиру] – а сее купи комнатушку в клоповнике, б**дь, и живи! Без машины, без ничего! <...> И работай охранником за десять тыщ, на х** – чисто на существование. Ни жинку вывезти, ни свою девчонку – женичину – куда-то съездить, отдохнуть куда-нибудь! На тот же Алтай съездил, отдохнул по-человечески! Во [жест, предположительно «кукиш»] ты поешь! И будешь так вот пропадать: сутки отдежурил, бухнул, проспался – и опять сюда с похмелья! Они ж об этом не ду-умают, о тебе! Тут, Олег, не надо смотреть: они уже взрослые все, на х**, и не надо о... О них нужно думать, когда они маленькие. Когда у-учатся – можно помочь. А когда уже выросли – вот [предположительно тот же жест], на х**! Я не прав? Тебя никто не пожалеет. Ни дочь, ни сын – никто. Не-ет! Ты бухаешь – ты никому не нужен.*

В приведённом монологе экспрессивность создаётся средствами нескольких уровней языка: фонетическими – много восклицательных интонаций, протяжки гласных (вну-укам, де-етям, не ду-умают, у-учатся, не-ет), словообразовательными (комнатушка), лексическими (туфта, кухня, клоповник, по-человечески, пропадать); экспрессивность усиливается здесь и обценными пустыми частицами б**дь, на х**, а также паралингвистическим средством – жестом, обозначающим «нет, совсем ничего».

Видимо, можно говорить о слабой развитости метаязыкового сознания рассматриваемой ЯЛ носителя ГП: информант не замечает ошибок в собственной речи, очень редко комментирует речь окружающих. Метаязыковые комментарии в текстах Л.Л. единичны, и почти все они содержат высокую оценку собственных коммуникативных способностей. Л.Л. высоко ценит своё умение приспосабливаться к любому собеседнику: *М. [новый знакомый, с которым Л.Л. встретился на улице]: Ты всегда меня понимаешь. У нас сходитя вообще вот – или ты скажешь – или я щас скажу: прям воше сходится. <...> – Л.Л.: Ну приятно со мной говорить, да? Я всегда нахожу общий язык с людьми, в любом месте; Не, ну как – я не крутой, но и... по базару не уступлю никому – по разговору: своё место знать надо; Я сразу говорю: «Ребята, я зону не топтал». <...> Я не блатной, ничё, слушай. У меня или походня-як, или баз... разговор, базар – они меня за своего принимают. Я говорю: «Пацаны, я зону не топтал». – «Как не топтал – ты... ты вот наш»...*

Выразительность текста рассматриваемой ЯЛ обычно достигается использованием экспрессивных и сниженных единиц, о которых подробнее будет сказано ниже, а также таких тропов, как сравнение, иногда гипербола, реже – метафора: *И опять же фон [для фотографирования] сделать, чтоб там было всё на виду – вот те мультяшки – и вот, ребятёнка на цветн... на цветном там каком-нибудь у него чтоб шарик в руках был или там что-нибудь такое – или мама с папой с ними, чтоб вот это было – всё образно, как будто всё было натурально – как по телевизору!; Вот знаешь, вот так вот – это как в сказку попадаешь – Горный Алтай!; Еси у неё вот такой большой нос – нос, как у грузина – а лицо узкое, да ещё впадины в лице есь и скулы широкие – попробуй ей сделай [хорошую фотографию]! Так там нужно миллион [ватт] вспышку ставить, чтобы ей это лицо высветить!; Вот этот мужик, да? – у него сила неимоверная. Наручники рвёт. Наручники рвёт. <...> У, железо – не человек. Как Шрек всё равно! (смех); Закон на моей стороне полностью – тыщу процентов!*

Показательно использование информантом прецедентных текстов¹⁵. Источниками большинства из них послужили кинофильмы, телепередачи, рекламные ролики: *Так глядишь вообще – **трезвенником, язвенником** сделаюсь* (шутит в разговоре с другом по поводу ежедневных проверок алкотестером на новой работе; цитата из фильма «Бриллиантовая рука»); *Как те раки, да? **Вчера были маленькие, но по три рубля, сегодня большие, но по пять рублей*** (шуточная реплика на услышанное в речи собеседника словосочетание «одна большая звезда», цитата из юмористического выступления Р. Карцева); ***Кто пойдёт за «Клинским»?*** (шутливый намёк на то, что надо сходить в магазин за спиртным, рекламо-цитата – термин С.Ю. Неклюдова [Неклюдов, 2003]). Среди постфольклорных прецедентных текстов в дискурсе Л.Л. зафиксированы рифмованные и нерифмованные шутки, присказки и анекдоты: *Я не пью. Жень, слышь, я напился в пятнадцать лет – **щас только похмеляюсь** (смех); **Чем отличается муж от космонавта? Космонавт знает своего дублёра, а муж – не знает** (смех); **Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро // То тут сто грамм, то там сто грамм – на то оно и утро** («песня-переделка» на основе мультфильма «Винни Пух идёт в гости», автор исходного текста – Б. Заходер); ситуативные стандартные ответы на слова-стимулы: *моё дело предложить, твоё дело отказать* (присказка в ответ на отказ). Все эти прецедентные тексты используются информантом, как правило, в людической (игровой) функции.*

Использование прецедентных текстов в персуазивной функции¹⁶ отмечено в дискурсе Л.Л. редко – всего 7 раз. Это пословицы – тексты, обладающие авторитетом в культурно-национальном сообществе: *яблоко от яблони недалеко падает* («дети всегда похожи на родителей»); *за своим вором не уследишь* («трудно обличить в воровстве близкого человека; трудно поверить, что близкий

¹⁵ При описании прецедентных текстов идиолекта Л.Л. использованы материалы статьи [Соломина, 2012].

¹⁶ Персуазивная функция – одна из четырёх функций прецедентных текстов, наряду с номинативной, людической и парольной, выделяемых Г.Г. Слышкиным [Слышкин, 2000. С. 85-104]. Персуазивная функция предполагает использование прецедентного текста, «обладающего определённым культурным авторитетом и вызывающего к себе уважение... у носителей языка ... с целью убеждения коммуникативного партнёра в своей точке зрения...» [Там же. С. 92].

человек обманывает тебя»); *в семье не без уродов* («всегда и везде найдутся плохие люди»), *дарёному коню в зубы не заглядывают* («невежливо критиковать подаренную вещь»).

Показательно, что один библеизм и одна пословица используются рассматриваемым носителем ГП в трансформированном значении.

Во фразеологическом фонде русского языка есть библеизм *манна небесная* – «что-либо крайне необходимое, желательное, ожидаемое» [Фразеологический словарь, 1995. С. 366]. У Л.Л. он преобразовался в выражения *манная каша* – с сохранением мелиоративной коннотации и *падать с неба* – «появляться невероятным, фантастическим образом». *Манна небесная* трансформировалась в идиолекте информанта в пословицу *манная каша (сама) нигде не сынется / не падает с неба* («без приложения усилий нельзя получить жизненных благ»). Ещё один пример трансформации фразеологизма – пословица *мир не без добрых людей*, значение которой меняется за счёт отсутствия у слова *добрый* рациональной мелиоративной оценки. Смысл пословицы раскрывается в диалоге Л.Л. с дочерью: Л.Л.: *А насчёт квартиры – это, слушай, ищи половинку [мужа], крутись! Замути чё-нибудь, перепиши [квартиру] на себя! (смех) Проживи пять лет, чё-нибудь купи туда. И будет тебе уголок твой, если, конечно, захочешь. Ну а нет – скитайся по общежитиям.* – Н. [дочь]: *Щас дураков нету.* – Л.Л.: *Да ну-у! Найдётся всегда, Настя, **мир не без добрых людей** [«всегда можно найти наивного человека, чтобы его использовать»].* О том, что носители ГП могут понимать доброту «...либо как слабость, вялость или даже глупость, либо как хорошо замаскированный обман» говорят М.Т. Дьячок и С.В. Моисеев [Дьячок, Моисеев, 2002].

Если рассматривать прецедентный текст в узком смысле, т.е. как отсылки к текстам национального или мирового фонда, указывающие на определённые прецеденты, «хранимые народом в качестве культурной ценности», отсылки, которые «доступны лишь адресату соответствующего уровня культуры, способному воспринимать подтекстовые смыслы и глубинный смысл текста» [Матвеева, 2010. С. 337], то можно констатировать, что прецедентные тексты

такого уровня – высокоценные, отражающие нормы общества – Л.Л. почти не использует.

Наблюдения над **коммуникативным поведением** ЯЛ позволяют охарактеризовать Л.Л. как человека общительного: он часто выступает инициатором разговора, легко вступает в диалог с незнакомыми людьми. Нередки в жизни информанта и случайные знакомые, с которыми Л.Л. встречается на улице – обычно они покупают вскладчину спиртное, тут же, на улице, выпивают, разговаривают: *Слушай, что нравится – вот вокзал, да? – вот так встретятся разные – ну, нормальные пацаны, сговорились, выпьешь, погуляешь, где-то шашлык поешь – это в Алма-Ате, слышь? – и все разбежались, знаешь, но воспоминания остаются прии-йтные. Ну приятно – ну вот вспоминаешь вот – там, там – нет, серьёзно тебе говорю, ну! А почему нет, слушай? Ну скажи, братишка! <...> Знаешь, вот такое может быть токо в России, слушай – как родные братья – так вот сид-деть, выпив-вать – а потом – раз – разбежаться, и – и никогда больше в жизни не встретиться.*

В значительной части диалогов с участием Л.Л. реализуется фатическое общение, целью которого является «...само общение, духовная и душевная близость людей как гуманитарная ценность. В такой речи объективное содержание отодвигается на второй план, информативность разговора может быть минимальной, тематическое единство несущественным» [Матвеева, 2010. С. 509].

Отмечается и такая черта коммуникативного поведения информанта, как частое использование мелиоративно-оценочных единиц с прагматическими намерениями: так, ласкательные формы личных имён в речи Л.Л. встречаются преимущественно в присутствии людей, которым принадлежат эти имена (*Нинулька, Нинок, Светик* и т.д.): *Так, щас, **Нинок**, мы с тобой немножечко переставим [осветительный прибор];* а в отсутствие адресата информант обычно не употребляет их: *Это они там с **Нинкой** порамсили, нах – я-то нет, ничё!* Исключение составляют контексты, когда Л.Л. говорит о детях, в этом случае информант использует ласкательную форму и очно, и заочно: *У него это, **Сонечка**, дочка родилась, слушай.*

Часто подобным образом (в присутствии адресата похвалы или его близких) информант использует и экспрессивы с эмоциональной оценкой одобрения: *Это здорово, слушай. Так и надо, слушай, поддерживать друг друга [хвалит родственников собеседника];* *Не, ну фильм – ну Женя, спасибо тебе – так классно, слушай! [хвалит подаренный режиссером фильм];* *Дядь Па-аша тоже хороший человек, да... я тв... я твоего дядю знаю хорошо – дядю Пашу. Не, классный мужик! [хвалит родственника собеседницы];* *К. [знакомый]: «Я бы её, – grit, – за год – кредит этот – погасил [родственник знакомого]. Просто сейчас, – grit, – я стал, – grit, – землю купил, щас дом строит – год ещё осталось выплатить. У меня, – grit, – нету дня, чтобы я не заработал двадцать пять тыщ»!* – *Л.Л.: Ну молодец! Молодец [хвалит родственника собеседника];* *Не, не – у меня Светка молодец [комплимент подруге]!*; *А у тебя, между прочим, снимки неплохие получаются, молодец [комплимент жене]!* В отсутствие адресата оценки случаи использования таких средств единичны. Такие элементы речевого поведения производят впечатление осознанной коммуникативной установки, направленной на поддержание говорящим собственного имиджа как человека доброжелательного, ценящего достоинства собеседника.

Особенность употребления информантом единиц с пейоративной эмоциональной оценкой состоит в том, что, несмотря на большое количество таких средств в словаре Л.Л. и на активное их использование, речевой жанр ссоры в его дискурсе почти не встречается. Всю разнообразную гамму пейоративных эмоциональных оценок информант обычно выражает так, чтобы объект оценки его не слышал, в разговоре с третьими лицами, «за глаза». Любопытно, что информант при этом часто использует личные местоимения и глаголы в форме 2 лица, как если бы адресат оценки (в реальности не присутствующий при разговоре) его слышал: *[Напарнику] Ну ты-то подсёк [заметил] – кто-то жалуется. [Обращаясь к предполагаемому жалобщику] Дешёвка, б**дь! Ну ты подойди [к человеку, который ведёт себя неправильно, вместо того чтобы жаловаться начальству] <...>, на х**, по-человечески поговори, на х**,*

*раскинь базар, чё к чему, на х**;* Н. [дочь]: Я говорю: «Однокомнатную буду снимать». – Л.Л.: Спокойно, да? **Без вас, идиотов!** [о соседях дочери по квартире]; С. [напарник]: То он [старший по смене], б**дь, зесь как-то орал, б**дь, на Пашу, что, б**дь, там оставил, эт самое, грязную посуду – ну, получилось так, возможно. А сам, б**дь – и сковородка с маслом стоит, и не первый раз уже такая грязь остаётся. – Л.: Да **чурка, б**дь. Урод.** – С.: А я не знаю, как эт самое, охранники – но, например, я пошёл туда – сготовить надо пожрать. – Л.Л.: **Ты ну нужно по-человечески, ё* твою! Если ты старший, так ты как скотина зесь, да?** [обращаясь к отсутствующему старшему смены]; А Вовчик – раз – поддаёт немножко – никто его не трогает, на х**. Все проверки вишь, чётко проходит, а их это б-бесит их – понимаешь? Можт, поэтому они, на х** и это – [обращаясь к отсутствующим работникам другой смены] **ну ты, с-сука, работаешь в своей смене и работай – чё ты другую смену трогаешь, б**дь!**

Такая особенность употребления эмоционально-оценочных экспрессивов свидетельствует, на наш взгляд, как о неконфликтности исследуемой ЯЛ, так и о высокой степени её речевого самоконтроля.

Кроме того, информант часто шутит. Особенностью дискурса Л.Л. является шутливое употребление бранных единиц, нередко – в свой адрес: Л.Л.: *Не, не – у меня Светка [подруга] молодец.* – С. [подруга]: *Ты не молодец!* – Л.Л.: *А я сволочь.* – С.: *Да, сволочь.* – Л.Л.: **Негодяй;** С.: *Алкоголик ты!* – Л.Л.: **Сволочь! Негодяй!;** [подруге:] *Ну ты ж знаешь, я грубиян, ну! (смех) Свет, Свет, я, слышь – вот такая я... вот такой я негодяй, слушай!;* [В ответ на упрёки сестры в нерадивости] *Да урод, я знаю, урод, ну чё!* Употребление бранных единиц в свой адрес обусловлено ситуацией общения и также своеобразной коммуникативной тактикой ухода от прямого конфликта с собеседниками-женщинами в случае, если к Л.Л. предъявляются какие-либо претензии.

Бранная лексика с шутливой коннотацией может употребляться информантом и в адрес других людей, к которым говорящий испытывает расположение: Ю. [друг]: *Плотность [аккумулятора] мерил – один –*

девятнадцать! Л.Л.: Ты ещё – как ты на нём едешь? Ты чё! Ю.: Ежжю, ты не видишь, нах? Л.Л.: Ты **садист**, слушай!; [другу] Зачем ты девчонке лапу даёшь, ты чё! Это ж женичина, ты чё! **Хам**, да? Ань! Руку сломал девчонке, да? Ну **хам** же, ну?; Л.Л.: Раз уж – слушай, Колян – раз уж начал делать – я должен до конца сделать! А то знаешь – если берёшь – то я всегда должен всё делать до конца, слушай! К. [друг]: До чьего? (смех) Л.: Б**дь! (смех) **Вр-раг**, б**дь! (смех); К. [друг]: Я thee в яйца даже с завязанными глазами попаду, или в то, что осталось от них. Л.Л.: Кого ты сказал, **сволочь?!** (смех).

Случаев иронического употребления в речи Л.Л. немного и они, так же как и пейоративно-оценочные единицы, почти всегда используются в отсутствие адресата: Я говорю [второй жене]: «Ну чё, ну вот – эту машину – деньги куда буюм собирать?» Это (нрзб.) книжку. Она говорит: «Это моя». Я говорю: «Ни х*я ты, **красавица** – на твою книжку! Ну, у тебя там дети есь – я говорю – у меня тоже дети есть»; Такие все **умные**, б**дь. Аж деваться некуда, на х** [об охранниках, предположивших, что Л.Л. украл козу вблизи объекта охраны]; Т. [напарник]: Лёха, thee это надо, на х**? (отсуживать часть дома в Чистоозёрном) Оставь, на х**, внуку – и всё, пи**ец, на х**! – Л.: Ти-ихо, ти-ихо, ти-ихо! Успоко-ойся! Какие мы **ще-едрые**, б**дь – вну-уку!

Выводы

1. В настоящей работе ГП рассматривается как подсистема общенационального языка, носителями которой являются люди недостаточно грамотные, не владеющие в должной мере нормами ЛЯ, преимущественно горожане. Для характеристики ГП важны такие выявленные его исследователями свойства, как тесная связь с местными говорами, своеобразный характер стохастической системности (по Е.А. Земской), доминирование принципа понятности над принципом нормативности, высокий уровень вариативности языковых средств.

2. Ядро социальной базы ГП составляют лица среднего и старшего возраста без образования или имеющие неоконченное среднее образование, а

также лица молодого возраста, имеющие среднее либо средне-специальное образование. Основным фактором квалификации говорящего как носителя ГП является невладение нормами ЛЯ при условии невладения диалектом. При этом нарушения норм в «ядре» не имеют локальной привязки и широко распространены. Фактор «проживание в городе» в настоящее время утрачивает актуальность, это, скорее, наиболее распространённое сопутствующее условие, соседствующее с явлением ГП. Помимо основных, необходимо учитывать целый ряд других, экстралингвистических характеристик ЯЛ: её формирование и бытование в просторечном окружении, невысокий уровень образования, работа, не связанная с интеллектуальными усилиями и некоторые другие.

3. При сборе материала для анализа просторечной ЯЛ эффективным является метод самозаписи информанта, позволяющий получить максимально приближенный к естественной речи материал в условиях, когда исследователь по тем или иным причинам дистанцирован от изучаемой личности. При первичном анализе ЯЛ носителя ГП оптимальным является метод речевого портретирования, позволяющий составить наиболее полную картину соотношения общего и индивидуального в рассматриваемой ЯЛ.

4. Важной чертой ГП на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка следует считать наличие на каждом из этих уровней нелитературных единиц, на уровне лексики – наличие специфических просторечных слов и выражений. Эти особенности выявлены при анализе идиолекта исследуемой ЯЛ.

Тот факт, что информант использует в фонетике и грамматике нормативные и ненормативные единицы разных уровней, не отдавая при этом предпочтения какой-либо из них, подтверждает, что в ГП действует принцип свободного выбора из вариантов, представляющихся говорящему равноправными, при условии их понятности говорящему и слушающему.

5. Идиолексикон исследуемой ЯЛ характеризуется наличием большого пласта просторечных (40% всей нелитературной лексики идиолексикона) и диалектно-просторечных (20%) с вкраплениями диалектных элементов (5%), а

также жаргонных (35%) единиц, среди которых преобладают элементы молодёжного, с вкраплениями уголовного жаргонов. Отмечается пласт неосвоенных книжных лексем, большая часть которых относится к заимствованным. Из семантических особенностей отмечается нечёткость, диффузность значений ряда слов и выражений.

6. Тексты исследуемой ЯЛ диалогичны, типичная тематика редко выходит за рамки бытовой, прецедентные тексты, источником которых чаще всего являются фильмы и телепередачи, используются в основном в людической функции. Показатели развитости метаязыкового сознания практически отсутствуют. Отмечается высокая степень экспрессивности текста, использование сравнения, гиперболы и метафоры в качестве средств выразительности, наличие слов-паразитов, а также имплицитность на информативно важных участках текста, иногда – общая его несвязность.

Такие черты, как слабая развитость метаязыкового сознания просторечной ЯЛ, использование прецедентных текстов преимущественно в людической функции, малое количество паремий, отражающих нормы общества, заочное использование негативных и очное – положительных характеристик человека в коммуникации ранее не отмечались. Некоторые из них можно объяснить влиянием образа жизни типичного носителя ГП, некоторые представляются индивидуальными.

Например, почти полное отсутствие авторитетных прецедентных текстов в персуазивной функции объясняется расшатанностью самих норм поведения в просторечной культуре. В этом отношении просторечная культура противоположна традиционной, где признаётся важным жить в строгом соответствии с традиционными нормами, жить «правильно». Как отмечают Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская, в просторечной среде поведение людей «не подвержено строгому регулированию» [Козлова, Сандомирская, 1996. С. 75]. По-видимому, существует некий изоморфизм между отношением носителей ГП к языковой норме и отношением к норме поведенческой: если по отношению к языку действует принцип «допустимо всё, что понятно» (это обуславливает

слабую развитость метаязыкового сознания), то по отношению к нормам поведения, возможно, действует сходный принцип «допустимо всё, что способствует выживанию». Такой принцип, положенный в основу поведения, уменьшает актуальность ориентации человека на традиционные нормы поведения, отсюда – небольшое количество в просторечном дискурсе соответствующих прецедентных текстов.

Что касается заочного использования негативных характеристик человека, а также частого шутивого употребления различных единиц, это предположительно индивидуальные проявления ЯЛ – не склонной к конфликтам, весёлой, общительной.

Глава 2 Экспрессивность как доминантная черта лексикона просторечной языковой личности

2.1 Экспрессивность как семантическая категория

Стремление к оценочности считается характерной чертой русской культуры в целом. На фоне высокой степени экспрессивности русской речи просторечие, как отмечается, обладает ещё более высокой степенью её проявления [Капанадзе 1984. С. 9]. В.Н. Шапошников указывает, что для просторечного слова характерно «превалирование в значении экспрессии¹⁷ в ущерб логико-понятийному объёму» [Шапошников, 2012. С. 54].

Анализ экспрессивной составляющей идиолексикона ЯЛ является значимым, поскольку может дать представление об интеллектуальной и эмоциональной интерпретации действительности говорящим субъектом. Т.А. Трипольская сравнивает эмотивно-оценочный дискурс языковой личности с «особым языком», предназначенным «...для вербализации аксиологической и эмоциональной интерпретации действительности говорящим субъектом» [Трипольская, 1999б. С. 5]. Эмотивно-оценочный дискурс «...является уникальным языковым материалом, в котором воплощаются когнитивные (ценностные ориентиры, устройство личностной аксиологической парадигмы), прагматические <....>, психологические (психологический тип личности) особенности говорящих...» [Трипольская, 1999а. С. 410].

Анализируя работы, описывающие экспрессивные единицы идиолексиконов конкретных ЯЛ, Е.В. Иванцова приходит к выводу, что «...экспрессивные средства могут быть характерными и нехарактерными для индивидуального набора речевых единиц личности, но наличие индивидуальных экспрессивных средств более типично, чем их отсутствие» [Иванцова, 2002. С. 70]. Анализ

¹⁷ Под экспрессией следует понимать способность речи к выражению психического состояния говорящего, которая приобретает в результате актуализации экспрессивных средств языка того или иного уровня [Гридин, 1990. С. 591].

словаря и дискурса информанта показал, что для Л.Л. использование экспрессивных средств является характерным, типичным.

Прежде чем приступить к анализу экспрессивных лексико-фразеологических единиц идиолексикона информанта, необходимо уточнить некоторые понятия.

Термин «экспрессивность» в лингвистике лишён однозначности, пониманий экспрессивности существует много, однако большинство из них можно свести к двум основным.

Ряд исследователей под экспрессивностью понимают особую выразительность высказывания, в основе которой лежит нарушение каких-л. устойчивых языковых стандартов: «Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» [Харченко, 1976, С. 70]. В.Д. Девкин также считает, что «экспрессивный механизм действует главным образом за счёт нарушения регулярности – путём переносов, образности, нарушения привычной сочетаемости слов и морфем» [Девкин, 1986. С. 69]. По мнению Ю.М. Скребнева, понятие экспрессивности включает в себя «...усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта» [Скребнев, 1987. С. 12].

Иная трактовка экспрессивности основывается на взглядах Ш. Балли, который обратил внимание на то, что «...живая речь во всех своих проявлениях обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень различных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды» и выделил две категории экспрессивных лексем: слова с количественной экспрессивностью (обладающие не рассудочной, эмоциональной интенсивностью или уменьшительностью) и с качественной экспрессивностью (выражающие субъективную оценку) [Балли, 2009. С. 205-206]. Близкий взгляд на этот феномен имеет место у О.И. Блиновой [Блинова, 1975], В.Н. Телии [Телия, 1979], Н.А. Лукьяновой [Лукьянова, 1986],

В.Н. Гридина [Гридин, 1990], Т.В. Матвеевой [Матвеева, 2010] и др. Такая трактовка экспрессивности принята и в настоящей работе.

В рамках данной трактовки экспрессивности, в свою очередь, можно выделить широкий и узкий подходы к её определению.

Широкого понимания экспрессивности придерживается, например, В.Н. Телия, в работах которой экспрессивность трактуется как «...семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка, <...> его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи <...> к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире человека» [Телия, 1979. С. 403].

Узкий подход представлен, например, в работах Н.А. Лукьяновой [Лукьянова, 1986 и др.], где экспрессивность трактуется как «свойство лексической единицы, связанное с её способностью актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноимённых с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего» [Лукьянова, 1986. С. 43]. Основное отличие узкого взгляда на экспрессивность состоит в том, что оно оставляет за гранью рассмотрения вербальное выражение эмоций, эмоциональных состояний, если они не сопряжены с оценкой.

С теоретической точки зрения, вербальное выражение эмоций должно определяться экспрессивной (её называют также эмотивной или эмоциональной) функцией языка¹⁸. Однако на уровне анализа конкретных языковых единиц теоретическое единство экспрессивной функции выглядит менее стройным. Слова, лишь выражающие эмоции говорящего, принципиально отличаются от

¹⁸ Ср. различные определения экспрессивной (эмотивной) функции: эмотивная функция – «функция, ориентированная на говорящего и соответствующая выражению субъективной модальности (отношения автора речи к содержанию сообщения) или его непосредственной эмоциональной реакции на ситуацию» [Арутюнова, 1979. С. 386]; экспрессивная функция языка – функция, «...направленная на выражение отношения автора речи к содержанию сообщения или компонентам коммуникативной ситуации» [Матвеева, 2010. С. 519]. «Экспрессивная функция ориентирована на выражение субъективных аспектов восприятия человеком реального мира» [Лукьянова, 1986. С. 43].

слов, выражающих эмоциональную оценку или интенсивность, поскольку в последнем случае находит отражение не только эмоциональная, но и интеллектуальная деятельность говорящего (например, оценивание по шкале «плохой – хороший», «интенсивнее нормы – менее интенсивно, чем в норме»).

Последнее обстоятельство позволяет, на наш взгляд, теоретически единую экспрессивную языковую функцию разбить на уровне анализа семантики конкретных единиц языка на две подфункции: эмотивную (функция выражения эмоций говорящего) и собственно экспрессивную (функция выражения эмоциональной оценки и интенсивности) подобно тому, как это предложено В.И. Шаховским в работе [Шаховский, 2008. С. 49-60]. Единицы, в значении которых реализуется эмотивная подфункция экспрессивной функции, мы вслед за В.И. Шаховским назовём эмотивами [Шаховский, 2008. С.24, 52]), единицы, в значении которых реализуется экспрессивная подфункция экспрессивной функции языка – экспрессивами вслед за Н.А. Лукьяновой [Лукьянова, 1986, С. 43]). Эмотивы, используемые «...для выражения, «выплеска» эмоций и эмоциональных состояний, для «спуска эмоционального пара» без целевой направленности на определённого адресата» [Шаховский, 2008. С. 57] (в эту категорию входят прежде всего междометия), в настоящей главе рассматриваться не будут.

Отмечается, что экспрессивность бывает двух видов: ингерентная (присущая единице в системе) и адгерентная (речевая, проявляющаяся только в определённом контексте) [Ахманова, 2010. С. 523]. Адгерентной экспрессивностью может обладать в той или иной ситуации практически любое полнозначное слово в зависимости от намерения говорящего. Ингерентная экспрессивность – системная, постоянно присущая слову характеристика, она независима от контекста. В нашей работе объектом рассмотрения будут лексические и фразеологические единицы, обладающие ингерентной экспрессивностью, и далее термин «экспрессивность» будет означать именно ингерентную экспрессивность.

2.2 Семная структура лексического значения экспрессивного слова

С точки зрения семантической структуры лексического значения, экспрессивность проявляется в коннотации языкового знака лексико-фразеологического уровня – особом макрокомпоненте его семантической структуры, дополняющем предметно-понятийную часть значения (представленную денотативным, или денотативно-сигнификативным, макрокомпонентом). В.Н. Телия так определяет коннотацию: «...коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1986. С. 5].

Каждый макрокомпонент включает микрокомпоненты значения, элементарные его единицы – семы.

Разные учёные называют разное количество коннотативных микрокомпонентов лексического значения. Так, И.В. Арнольд выделяет эмоциональный, экспрессивный, стилистический и оценочный микрокомпоненты [Арнольд, 1990. С. 108–114]; В.Н. Телия – оценочный, ассоциативно-образный, эмотивный и функционально-стилистический [Телия, 1986. С. 134]; В.К. Харченко – образный, экспрессивный, эмоциональный и оценочный [Харченко 1976. С. 66]; И.А. Стернин, кроме эмоционального, оценочного, экспрессивного и стилистического, выделяет в коннотации гонорифический микрокомпонент [Стернин, 1979. С. 123-129].

Анализ разных точек зрения на количество микрокомпонентов, входящих в коннотацию лексической единицы, приводит к выводу, что «...установленным можно считать сам факт неоднородности коннотации, делимости ее на различные более мелкие составляющие элементы. В системных оппозициях, являющихся основным инструментом обнаружения компонентов в значении знака, в первую очередь выделяются эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический компоненты» [Стернин, 1979. С. 92–93].

Охарактеризуем каждый из четырёх микрокомпонентов.

Эмоциональный микрокомпонент свидетельствует о наличии в коннотации экспрессива информации об эмоциональной реакции говорящего, направленной на то, что обозначается в денотате; оценочный микрокомпонент указывает на мелиоративную или пейоративную оценку говорящим обозначаемого. В настоящей работе принят тезис о том, что эмоционально-оценочный комплекс выступает как единое целое, поскольку на экстралингвистическом уровне оценка и эмоция в сознании индивида, использующего экспрессивную единицу, неотделимы друг от друга: «...эмоциональная оценка представляет собой мнение субъекта... о ценности некоторого объекта, которое проявляется не как логическое суждение, а как ощущение, эмоция говорящего. Оценка как бы «впитывает» соответствующую эмоцию» [Лукьянова, 1986. С. 45]. Эмоциональная оценка бывает двух видов: мелиоративная (ласкательность, одобрение, восхищение и т.д.) и пейоративная (пренебрежение, осуждение, презрение и т.д.). Коннотативная часть лексического значения мелиоративно-оценочных экспрессивов содержит сему, которую можно определить так: «это вызывает положительные эмоции и потому это хорошо»¹⁹, в коннотации пейоративно-оценочных экспрессивов выделяется сема «это вызывает отрицательные эмоции, и потому это плохо».

Ещё один микрокомпонент коннотации – интенсивность (в некоторых работах называемый также экспрессивностью; см., напр., [Арнольд, 1990. С. 112]) – микрокомпонент, отражающий меру явления и связанный с такой количественной квалификацией явления, которая воспринимается говорящим как отклонение от нормы [Лукьянова, 1986. С. 45–56]. В коннотации экспрессивно-интенсивных единиц присутствует сема, которую можно обозначить так: «это интенсивнее / слабее нормы».

¹⁹ Поскольку эмоция и оценка выступают здесь в комплексе, остаётся открытым вопрос о первичности / вторичности эмоции в эмоциональной оценке. Поэтому значение семы может быть сформулировано и так: «это хорошо, и поэтому вызывает положительные эмоции».

Что касается роли стилистической маркированности в создании экспрессивности слова, мнения лингвистов здесь расходятся. Часть из них считают, что стилистически маркированное слово одновременно экспрессивно, и включают стилистический компонент в коннотацию лексической единицы как составляющую экспрессивности [Стернин, 1979. С. 123-129; Телия, 1986. С. 134; Арнольд, 1990. С. 114; и др.]. Этот взгляд основан на наблюдении, согласно которому употребление стилистически маркированной единицы влечёт за собой и наложение соответствующей эмоциональной оценки: «...Стилистически маркированные слова типа *светило*, *чёлн*, *воздевать* или *обувка*, *дюжий*, *промеж*, *балдёж*, *модерновый* и т.п., которые несут информацию о своей причастности к определённой речевой среде и косвенно – на основе этих сведений – вызывают впечатления, эмотивно окрашивающие речь и придающие ей экспрессивность». [Телия, 1986. С. 132]. Так, например, «...*дюжий парень* – это очень рослый и плечистый, что "хорошо" (в норме), *модерновый костюм* – это очень модный и современный, что "хорошо" (в норме современного молодёжного жаргона), а *обувка* – это скорее "плохая" обувь, что вызывает отрицательную эмотивно-оценочную окраску и т.д.» [Телия, Там же. С. 125].

Часть учёных не считают стилистическую маркированность проявлением экспрессивности [Харченко 1976. С. 66; Лукьянова, 2009. С. 214 и др.]. Так, Н.А. Лукьянова считает её «функциональной по своей сути» [Лукьянова, 2009. С. 214].

Более подробно о соотношении стилистической маркированности и экспрессивности в рассматриваемом дискурсе будет сказано ниже. Однако, забегаая вперёд, необходимо отметить, что в просторечном дискурсе (как показывает наш материал), в отличие от литературного, связь стилистической маркированности с оценочностью внутри одной единицы проявляется не всегда. По этой причине в настоящей работе стилистический компонент коннотации будет рассматриваться за границами экспрессивности. Таким образом, в качестве экспрессивных мы будем рассматривать такие лексические и фразеологические

единицы, в коннотативном значении которых присутствуют эмоциональная оценка и / или интенсивность²⁰.

Разные исследователи по-разному очерчивают круг экспрессивов лексического уровня (см. об этом [Лукьянова, 1986. С. 23-26; Навицкайте, 2011. С. 50-51]).

К экспрессивам могут относиться фразеологизмы (*бочку катить, врагу не пожелаешь, дай бог тебе навстречу*); лексемы и ЛСВ, где экспрессивность выражается корневыми морфемами (*ляля* «возлюбленная», *неимоверно* «в очень большой мере», *отвалтузить* «сильно избить»), аффиксами (*подзаболеть* «немного заболеть», *густоватый* «менее густой, чем следует», *аккуратненький, лимонадик, объективчик*) создаётся путём переноса значения (*гореть чем-л.* «страстно увлекаться чем-л.»; *бурдюк* «о большом животе»; *глыба* «о большом человеке»; *сарай* «о старом троллейбусе, пренебр.»; *курорт* «о месте работы, где можно почти ничего не делать, одобр.»).

Подавляющее большинство слов с формально выраженной экспрессивностью в идиолексиконе Л.Л. – единицы с суффиксами субъективной оценки, или диминутивы²¹ – слова, выражающие категорию диминутивности, или уменьшительности, определяемой как «...обобщённое значение малого объёма, размера и т. п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов²² и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности, уничижительности и т. п.» [Ахманова, 2010. С. 485]²³. При этом все вариации семантики диминутивного суффикса, часто обусловленные контекстом, «...являются производным от генетически первичной семантики единичности и аксиологической основы смысла “меньше нормы”» [Резанова, 1996. С. 182].

²⁰ Образности, которую в своих более ранних работах Н.А. Лукьянова включает в коннотацию в качестве третьего микрокомпонента, в более поздних статьях отведено место вне коннотации, в качестве «...самостоятельного, целостного, неделимого компонента, равно связанного как с коннотативным, так и с денотативно-сигнификативным содержанием ...» [Лукьянова, 2009. С. 214]. По этой причине образность нами также не рассматривается среди микрокомпонентов коннотации экспрессивов.

²¹ Наряду с написанием «диминутив» в литературе используется также написание «деминутив» (см., напр., [Розенталь, Теленкова, 1976. С. 92] и др.).

²² Суффиксы субъективной оценки: -чик, -ик, -ок, -к(а), -инк(а), -к(а), -очк(а), -ушк(а), -ишк(а, о), -оньк(а), -онк(а); -еньк-, -оньк- и др. [Русская грамматика, 1980. С. 208-215].

²³ При описании диминутивов идиолекта Л.Л. использованы данные статьи [Соломина, 2011].

Отмечено, что диминутивы могут сочетать значение уменьшительности с коннотацией ласкательности (регулярный метафорический перенос «маленькое = милое, приятное»), уничижительности (метафорический перенос «маленький = меньше нормы = неполноценный») [Русаков, Русакова, 2002. С. 269], снисходительности и смягчительности [Иванцова, 2010. С. 74-76]. Часто все эти коннотативные значения в речи выступают в комплексе, и многими отмечается, что их разграничение – задача трудоёмкая, а иногда невыполнимая.

Как отмечают А.Ю. Русаков и М.В. Русакова, диминутивы находятся на границе словообразования и словоизменения: с одной стороны, диминутивные суффиксы образуют производные с большей регулярностью, чем это характерно для словообразовательных процессов – с другой стороны, образуемые единицы семантически лабильны, что скорее свойственно словообразованию [Русаков, Русакова, 2002. С. 13]. В силу того что диминутивы расцениваются чаще всего как продукт словоизменения, они редко отражаются в толковых словарях и, как следствие, реже других единиц попадают в сферу внимания исследователей.

От диминутивов следует отличать ложные диминутивы (термин М.Д. Воейковой [Воейкова, 2009. С. 355]), например: *фотик* «фотоаппарат», *чирик* «десять рублей, десять тысяч рублей», *турбинка* «турбодвигатель», *движок* «двигатель», а также универбаты – однословные номинативные единицы, тождественные по значению словосочетанию [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981. С. 20]: *воздушка* «воздушная (пневматическая) винтовка», *мелкашка* «мелкокалиберная винтовка», *болгарка* – предположительно «угловая шлифовальная машина болгарского производства», *зарядка* «зарядное устройство» и т.д. Ложные диминутивы и универбаты, в отличие от диминутивов, лишены экспрессивности, поэтому в данной главе не рассматриваются.

Кроме опоры на формальные показатели экспрессивности, выделение экспрессивов в настоящем исследовании осуществлялось на основе анализа семной структуры единиц лексико-фразеологического уровня, а также анализа контекстов их употребления.

Выявить неформально выраженную экспрессивность, особенно наличие эмоциональной оценки, в значении слова часто является непростой задачей. Особые трудности представляет разграничение рациональной и эмоциональной оценок. С семантической точки зрения, в структуре слов, выражающих интеллектуальную оценку, отсутствует указание на эмоциональное восприятие того, что названо в денотате.

Для квалификации единицы как эмоционально-оценочной можно использовать анализ словарных толкований лексических значений. Часто при описании значения интеллектуально-оценочных слов в толковых словарях нет указания на оценку, например: *умелый* – «обладающий умением, нужными навыками» [МАС], а при описании значения эмоционально-оценочного экспрессива оценка указывается в качестве основного значения, денотативная же часть значения – в качестве пояснения, например: *золотые руки* «прекрасный, замечательный (об умелом, искусном человеке)» [БТСК]. Однако такой анализ не всегда возможно осуществить, так как многие просторечные единицы в словарях отсутствуют.

В.Н. Телия предлагает для разграничения двух названных видов оценки применять приём, основанный на структурном анализе семантики. Она указывает, что если оценочное слово сочетается с вводным словом «возможно», это указывает на наличие оценки в денотации (т.е. рациональной оценки) и отсутствии в коннотации, если нет – о её наличии в коннотации, например: *возможно, он смелый* (сочетается) – присутствует рациональная оценка; **возможно, он орёл* (не сочетается) – присутствует эмоциональная оценка [Телия, 1986. С. 65]. Этот приём использован в качестве дополнительного для разграничения интеллектуальной и эмоциональной оценок и в нашей работе.

2.3 Экспрессивные лексико-фразеологические единицы лексикона носителя городского просторечия

С точки зрения происхождения, экспрессивы идиолексикона рассматриваемой ЯЛ разнообразны: это и литературные единицы (*беспредельный*,

прелесть, дрянь, жить одним днём, адский), и просторечные (*обалдеть, бичуган, залупастый, бульдозером не вытолкаешь*), включая диалектно-просторечные (*буржуй, вкалывать, вонючий, дурак, охаживать*), а также лексика и фразеология жаргонного (*кайф, тики-так, лох, пальцы ломить, дербанить*) и очень редко – диалектного (*куда с добром*) происхождения.

Выше отмечалось, что в ЛЯ, с одной стороны, и в идиолексиконе Л.Л – с другой фиксируются различия в денотативной части лексического значения одних и тех же лексем. Анализ экспрессивов рассматриваемого идиолексикона показал, что коннотация (в частности – эмоциональная оценка) одних и тех же единиц в этих двух дискурсах также может различаться. Например, лексема *бабник* в ЛЯ означает «любитель ухаживать за женщинами» и имеет помету «разг. презр.» [МАС], в речи Л.Л. данная лексема выступает в сходном значении, но без коннотации презрения: *Я, слышь, Ген, я смолоду бабник был, таскался, б**дь*. Глагол *высказывать* в значении «выражать, передавать словами (свои мысли, свои чувства)» [МАС] в ЛЯ не имеет коннотации. Л.Л. употребляет эту единицу в несколько ином значении «предъявлять претензии, упрекать»²⁴ с эмоциональной оценкой неодобрения: *Ты знаешь, он [сын] мне начал высказывать: «Я ж тебе же выручал, я ж тебе высылал [деньги?!]» Я гру: « Ой-ой-ой (передразнивает)! Ты о чём говоришь?!»*. Лексема *крыса* употребляется в ЛЯ в значении «о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное» и имеет пренебрежительную эмоциональную оценку [МАС], а в речи Л.Л. это бранная номинация с диффузным значением, имеющая более резкую пейоративную оценку презрения: *«Заплотишь, на х**!» – «Выписывай!» – Я говорю: «Заплотишь! Куда ты денешься, на х!» – крыса, б**дь! [со знакомым, о ссоре по поводу раздела квартиры с бывшей женой]*. В ЛЯ слово *снюхаться* – «сблизиться, сойтись друг с другом или вступить в соглашение о каких-л. совместных действиях и т. п. (обычно неблагоприятных)» [МАС] отмечено с

²⁴ В подобном значении эта единица встречается в идиолексиконе диалектоносителя: высказать – «сказать что-л. неуместное, необдуманное, неодобр.» [ПСДЯЛ].

эмоциональной оценкой пренебрежения, у Л.Л. данная единица имеет значение «вступить в близкие отношения, сойтись друг с другом (о мужчине и женщине)» и лишено эмоциональной оценки, т.е. неэкспрессивно: *Л.Л.: Ну ладно, давай – за твою деревенскую (тост; другу, который помирился со своей подругой из деревни), что ли! – М.: Нет. – Л.Л.: Почему нет? Дай бог тебе – авось ещё и ты... и снюхается.*

Рисунок 2 – Виды коннотации экспрессивов идиолексикона носителя ГП

Это расхождение в денотативном значении и коннотации некоторых единиц в разных подсистемах языка объясняется, на наш взгляд, тем, что носители ЛЯ и ГП принадлежат к разным типам речевых культур, что подразумевает не только определённые различия в средствах выражения мысли, но и различия в системах ценностей элитарной или среднелитературной речевой культуры, с одной стороны, и просторечной – с другой.

В идиолексиконе Л.Л. зафиксировано 793 экспрессива, в коннотации которых актуализированы микроразличия (семы) всех видов: мелиоративной и пейоративной эмоциональной оценки, интенсивности. При этом интенсивность может сочетаться с той или иной эмоциональной оценкой, а может выступать и отдельно от неё.

Мелиоративную эмоциональную оценку в коннотации имеют 280 единиц идиолексикона информанта (в 32 из них актуализирована также сема интенсивности), пейоративную – 250 единиц (в 67 из них также актуализирована сема интенсивности), интенсивность (в сочетании с эмоциональной оценкой и без неё, а также включая экстенсивность как разновидность интенсивности) – 362 единицы. Приведённые данные отражены на рисунке 2.

Рассмотрим последовательно экспрессивы, имеющие в словаре Л.Л. мелиоративную, пейоративную эмоциональную оценку и интенсивность.

2.3.1 Эмоционально-оценочные экспрессивы в лексиконе носителя городского просторечия

2.3.1.1 Мелиоративная эмоциональная оценка

В экспрессивном словаре Л.Л. встречаются следующие алloseмы мелиоративной эмоциональной оценки: ласкательность, одобрение, восхищение. Отмечено также несколько лексем, вид эмоциональной оценки в которых можно определить как «шутливое» и «сочувственное». Количественное соотношение единиц с разными видами мелиоративной эмоциональной оценки отражено на рисунке 3.

Охарактеризуем виды мелиоративной эмоциональной оценки в порядке нарастания степени проявления положительного отношения к объекту.

1. Ласкательность

Ласкательность – «...проявление нежности, любви, доброжелательное, приветливое отношение к кому-либо...» [Лукьянова, 1986. С. 46]. Данная эмоциональная оценка характеризуется наличием в коннотации экспрессива семы «это вызывает приятные, тёплые чувства (нежность, симпатию, любовь и т.п.) и потому хорошо». Ласкательность является самым распространённым видом мелиоративной эмоциональной оценки в идиолексиконе Л.Л.: экспрессивов с коннотацией ласкательности насчитывается 219. Большое количество единиц с такой коннотацией обусловлено распространённостью в идиолексиконе информанта диминутивов, составляющих абсолютное большинство экспрессивов

с коннотацией ласкательности – 217. В двух единицах словаря информанта ласкательность передаётся корневой морфемой: *Всё, Надюш, хватит, лапа!; А вот моя ляля [о подруге] знаешь чё сказала?*

Рисунок 3 – Виды мелиоративно-оценочной коннотации экспрессивов
идиолексикона носителя ГП

Наиболее явно ласкательность прослеживается в тех случаях, когда Л.Л., обращаясь к собеседнику, стремится завоевать его симпатию. Часто информант так обращается к женщинам: *жёнушка, Наденька, Нинок, Нинулька, Светик, Светичек, Светланка, Ленчик, сестрёночка, киска, симпанулечка*; иногда – к мужчинам: *зятёк, братишка, браток*.

Чаще всего информант использует ласкательность, передаваемую диминутивами, при реализации категории вежливости. Такое использование диминутивов для «выражения своеобразно понимаемой вежливости» отмечается как типичное для ГП [Крысин, 2004. С. 359; Ермакова, 1984. С. 139].

Особенность просторечного проявления вежливости состоит в том, что носитель ГП в требующей вежливого поведения ситуации может использовать уменьшительно-ласкательные формы слов, обозначающих самые разные объекты, качества и даже действия, на первый взгляд не связанные напрямую с адресатом

вежливого отношения. Ласкательность при этом как бы «разлита» в контексте в целом. Такой способ выражения вежливости и шире – доброжелательного отношения – основан на явлении, зафиксированном не только в ГП, но и в разговорной литературной речи и известном как ксеноденотативная направленность лексических сем [Девкин, 1976. С. 140]. Суть этого явления состоит в том, что «присущие производному слову семы положительной оценки, уменьшительности-ласкательности (или отрицательной оценки, увеличительности, грубости, уничижительности, презрительности и т. п.) могут быть переадресованы на иной объект» [Там же].

Выражение «диминутивной» вежливости встречается в дискурсе информанта в речевых жанрах просьбы, предложения, угощения, совета или передачи опыта. З.И. Резанова указывает, что в данных речевых жанрах реализуется косвенная референтная соотнесённость положительной эмоции [Резанова, 1996. С. 185]. Использование диминутивов как средства выражения вежливости очень частотно в речи Л.Л, более того – тексты названных жанров почти никогда не обходятся без этих единиц: *Андрюш! Дай стаканчик!* [знакомому; просьба]; *Ну дай в щёчку поцелую!* [жене; просьба]; *Надо было лучок понюхать разрезанный!* [знакомой; совет]; *Кипяточек, слушай* [сестре; предложение подлить кипятку в чай]; *А это, слушай, колбаска алма-атинская – попробуй* [угощает подругу]; *Коля, я работал... на бетоне я работал, слышь? Она вот так ставится, слушай – и пока накидываешь – водички – ну, где-то – ну половину, не больше* [другу; передача опыта по загрузке бетономешалки]; *Слышь, друган! Вот... вот туда не едь, слушай, а вот – вот так вот – раз! – и с... синенький магазинчик!* [просьба к малознакомому человеку съездить в магазин]; *Ну по пятну – я как же я не знаю [как регулировать мосты в автомобилях] – ты чё! На гроздочку, через солидольчик, зажимаешь – и чик!* [знакомому; передача опыта]; *Ты молоточком – тык-тык! – самый краешек. А сам не отбивал? Так вот – сбоку – подводишь, и в с... в самый краешек так – подводишь пальчиками...* [другу; совет, как правильно наточить косу].

Наш информант довольно долгое время работал фотографом, и ему свойственно употребление диминутивов для выражения так называемой «профессиональной» вежливости, которая часто наблюдается в речи работников сферы обслуживания [Крысин, 2000]. Во время фотографирования собеседниками Л.Л. выступают незнакомые или малознакомые люди, к которым он обращается со стереотипными просьбами (причесаться, поправить волосы, застегнуться, наклонить голову и т. д.). При этом ситуация осознаётся информантом как официальная, о чём, например, говорит частичный переход на Вы-общение: *Там, там, во-от там вот там – вот здесь **аккуратненько, аккуратненько** проходите; Так, **бабуля**, вот зесь **волосики** надо убрать на шее мелкие, ага. ... Крестик, крестик поправьте **посерёдке**. Смотрим в **объективчик**; Вам желательно **курточку** снять; Так, ну это, отец, знач, это, нужно **пиджачок** вот так вот одёрнуть – вот так вот, во, во, вниз. Можно чуть-чуть повыше **подбородочек** – повыше – о!; Говорите фамилию, **денежки** платите – и до пятницы в сельсовете; Чу-уть-чуть опусти **плечико** – вот так от, вот, ага. **Головку** чуть-чуть левее. Так, снимаем – **губки** сожми – снято; **Стульчик** не двигай, во-о! От там **расчёсочка** – **чубчик...** **чубчик** причеши, чтобы **ровненько...***

Кроме контекстов, связанных с выражением вежливости в перечисленных речевых жанрах, информант активно использует диминутивы, обладающие ласкательной коннотацией, в жанре воспоминания, если эти воспоминания приятны говорящему, в жанре обсуждения планов, если эти планы также касаются чего-либо приятного, а также в жанре мечтаний. Как и при выражении вежливости, в перечисленных жанрах также присутствует ксеноденотативная направленность ласкательности, относящейся к описываемой ситуации в целом, которая формально может проявиться в любом слове – как правило, имени существительном: *О, помню, батя тоже **шляпу** возил и этот, **костюмчик, шляпку** [для своих клиентов]...; Уйдёт батя [о себе] **пивка** попить – она [дочь] его замещала, сама фотографировала; Н. [дочь]: Обещали через три года трудоустройство. – Л.: Да? О-о, глядишь, и **квартирку** получишь! <...> Тогда*

глядишь – и **комнатку** получишь – а чё?; Как всегда, на х**, идёшь на работу – в Затулинке – **спиртику** возьмёшь, по дороге ё*нешь, там [на работе] приедешь – ё*нешь...; Им [табаком] от **трубочку** набиваешь – и он чистый, крепкий...

Часто жанр мечтаний в дискурсе Л.Л. сочетаются с жанром предложения: *Ну это, созвонишься, чтоб я был, это, не на смене. **Пивка** попьём, да?; Слышь, Юрка! Гыт, это, когда поедем? Я грю – как – надо же, слушай, **мяска** взять, праильно? **Шашлычку**...; Н.: Мне кажется, наоборот – зесь часики какие-нибудь! – Л.: Приделать **полочку**, да? [обсуждают с дочерью обустройство новой квартиры].*

Любопытен отрывок из воспоминаний Л.Л. о работе фотографом на алма-тинском кладбище. В целом работа не была связана с положительными эмоциями, однако приносила хороший доход, поэтому вспоминается информантом с теплотой: *Если ты знаешь, от, **гробик** ставят, там две лавочки или две **табуреточки**. У нас свои были маленькие **чурочки**, пять на пять. <...> Верхнюю **простынку** снимаешь – белую накидку, чтобы он был чистый. <...> И обязательно **ленточки** – чтоб было... были видны надписи – от кого, кому.*

Если появление единиц с ласкательной коннотацией как средства проявления вежливости в речи Л.Л. жанрово обусловлено, то ласкательность как положительная эмоциональная оценка (нежность, тёплое отношение к чему-то, что оценивается как хорошее) описываемых информантом ситуаций в прошлом (воспоминания) или будущем (мечтания) более чётко связана с объектом речи, с темой сообщаемого.

Темы приятных воспоминаний Л.Л. – как правило, детство (жизненный уклад семьи, образ родителей), друзья (совместные празднования, весёлые выходки друзей на пирушках), иногда – собственные творческие успехи в качестве фотографа.

Мечтает информант чаще всего о жизни в достатке (богатых, весёлых застольях с друзьями, собственном жилье, обустроенном быте), а также о профессиональном и коммерческом успехе (новом, просторном фотоателье со сменными фоновыми картинками).

Интересно, что в литературе, посвящённой гендерным аспектам речи, широкое употребление диминутивов считается свойством скорее женской речи, чем мужской [Формановская, 1989. С. 31-32]. Речь Л.Л. демонстрирует обратное: активное использование диминутивов со значением ласкательности можно считать одной из характерных черт ЯЛ нашего информанта.

Доля диминутивов в просторечных текстах до сих пор не высчитывалась. Н.В. Свешникова говорит о существенных различиях, касающихся частотности употребления диминутивов в диалектной и литературной разговорной речи: «По количеству существительных с уменьшительными суффиксами литературная разговорная речь уступает диалектной: средний показатель частотности использования диминутивов оказывается в ней ниже средних показателей по всем исследуемым говорам. Он составляет 1,7% от общего числа существительных в тексте, в то время как самые низкие цифровые данные по говорам равны 2,5%» [Свешникова, Электронный ресурс].

В текстах нашего информанта содержание диминутивов сильно варьируется в зависимости от составляющих речевой ситуации: в беседах с дочерью и знакомыми на бытовые темы (это сравнительно короткие тексты) в спокойном эмоциональном состоянии отношение диминутивов к общему количеству существительных колеблется от 2,4% до 5,4%. Когда информант неприятно взволнован, в жанрах обвинения, ссоры диминутивы в его речи встречаются очень редко. В целом же употребительность этих единиц в текстах Л.Л. выше, чем в ЛЯ и сопоставима с употребительностью в говорах.

2. Одобрение

Одобрение – «признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала» [МАС]. Экспрессивы с одобрительной мелиоративной оценкой не только называют предмет, признак и т.д., но и имеют в коннотации сему «это вызывает положительные эмоции, и поэтому хорошо». Это распространённая мелиоративная коннотация идиолексикона Л.Л., следующая после ласкательности по количеству единиц – их отмечено 44.

Эмоциональная оценка одобрения в экспрессивах рассматриваемого идиолексикона может относиться как к человеку, его качествам, поступкам, так и к неодушевлённым предметам. Присутствуют как частнооценочные, так и общеоценочные единицы.

Чаще объектом оценки одобрения становятся качества и поступки человека (43 единицы). Экспрессивов, выражающих частную оценку, при этом немного. Одобрительную оценку получают организованность, инициативность, предприимчивость: *И вот, пока собрание, она всех этих старушек собрала, пенсионерок, и от, решила – она раньше работала в конторе где-то парторгом, что ли, там – не знаю – ну такая шу-устряя она, боевая – там пенсионеры перед ней; Дочка у меня **крутя-явая** [умеющая «крутиться» – активно предпринимая что-л., улучшать своё благосостояние], слушай, она пошла в папу, слышь, клянусь!; трудолюбие, владение разнообразными трудовыми навыками: *Так вот – коллектив подобрать нормальный, чёткий – таких ребят, **взбитых**, рабочих; Ну на самом деле у бати были **руки золотые**; способность оказать помощь: Ты у меня как **палочка-выручалочка** [знакомой, которая часто даёт деньги в долг]!; способность жить в согласии с товарищами: *Короче, там – ну как, ну – зесь пацаны нормальные у тебя. Ты видишь, да? **Душа в душу**, всё; весёлый нрав, остроумие: Н. [дочь]: Той вообще пальцы в рот не ложи [о работнице-кондукторе троллейбуса]. <...> Подходит [проходящая, недовольная чисткой салона вблизи домов] – это, к ней, **грит**: «Чё ты коврик здесь выметаешь?» Она говорит: «А ты, **грит**, где вытряхаешь – в область ездешь вытряхать?» (смех – общий, громкий) Л.Л.: (смех) **Ловко** она её отрубила! Молодец! (смех); Сам хохол – **Чеснок** фамилия [старый знакомый]! Ну **прик-кольный** мужик был!; иногда – женская красота: *Дагестанки вот знаешь, вот – мож, по телику не показывали – а дагестанки такие выс-сокие, **статные** такие девчонки!****

Однако среди экспрессивов с коннотацией одобрения в дискурсе Л.Л. больше общеоценочных – *здорово, молодец, классно, прекрасно, прелесть, чётко, отлично*. В таких случаях объект оценки выявляется путём контекстного анализа. В целом объекты общеоценочных и частнооценочных экспрессивов с данной

коннотацией совпадают. С помощью общеоценочных экспрессивов Л.Л. выражает одобрительное отношение к способности оказать помощь: *Это здорово, слушай. Так и надо, слушай, поддерживать друг друга; Же-енька – пускай – молодец, Женька подтягивает братишку [обеспечивает брата заработком]; Молодец мужик [о водителе грузовика, отдавшем охранникам сбитую на дороге козу]; Так-то, слушай, он нас спасает с Настей (нрзб.) – и бабки, слышь [даёт в долг]. Молодец парень!;* к трудолюбию: С. [дочь знакомых]: *А вот видишь – большой машины нету – он уехал. – Л.Л.: Всё, на калым уехал. – С.: М-зм. – Л.Л.: Молодец у тебя батя, молодец;* к неконфликтности, способности пойти на компромисс: Я [на медосмотре] говорю: «Ну, ну... вчера утром, пиво». А она [врач] аппарат показывает, слышь? «Вот эта, – говорит, – штука показывает за семьдесят два часа» Так балдеет, гру: «Не надо» (смех). Улыбается. Чик, чик – отметила – «Всё, иди, – говорит, – работай». А так бы другая бы, слушай, залупилась – и ни**ец, на х**! Дала бы дунуть – а у меня – кого там, на х**! (смех) Ну *молодец* женщина...; Нет, Сан Саныч [старший по смене], слушай, *молодец* мужик, на х**. Сколько раз меня с этим делом [заставал], на х** – утром даже пьяный приехал, на х** – он грит: «Всё, нах, последний раз, на х**! Ещё раз – я тебя заложу, на х**, слышь?» (смех); иногда – к женской красоте: Ты знаешь, какая она хорошенькая [о новой знакомой]! У ней волосы – как парик всё равно надетый, слышь? Такой пышненький, такая лапушка, глазки хорошие, ой, это *пре-елесть!*; Дагестанки там – вообще *прелесть*, слышь!

Лексема *баламут*, используемая информантом в значении «балагур, весельчак, любитель рискованных и весёлых проделок», встречается в речи Л.Л. с коннотацией одобрения и ни разу – с пейоративной коннотацией (ср. «человек, вносящий смятение, беспорядок, раздор; смутьян» [МАС]). Это даёт нам основания рассматривать данную единицу, по крайней мере, в пределах рассматриваемого идиолексикона, в качестве экспрессива с коннотацией одобрения: *Друг хороший живёт ещё [в области]. Послезавтра выезжсяет – он тоже охранник, тоже баламут, б**дь, о-ой!; А жена у него такая споко-ойная, степе-енная. Да, ну – в профкоме работает или, можт, она сама по себе такая.*

А он о-о, баламут страшный, и поддать любит, слушай!; Звонил в пятницу – звонил другу – слушай, у меня ж – у меня ж очень большой, очень большой этот [круг знакомых] – и на Се-евере, и кругом. Я ж баламут! То есть в картине мира информанта весёлый нрав, способность к озорным проделкам представляет собой не недостаток, а положительное качество человека.

Иногда объектами эмоциональной оценки одобрения в дискурсе информанта становятся неодушевлённые предметы (18 единиц²⁵). Среди них также отмечены как частнооценочные, так и общеоценочные экспрессивы. Л.Л. одобрительно оценивает высокое качество, функциональность, практичность предметов: *Раньше было тюменка [об электродах тюменского производства] – чёткие электроды; Даже ты вот этот внутренний подклад возьмёшь, сделаешь себе душегреечку – обошьёшь – и то будет, да – куда с добром!; Вишишь, эта штучка красная [о диктофоне]? Знаешь, как записывает здорово?; А так я себе оставляю, эту лампу [об осветительном приборе для фотографии] – лампа отличная!; У тебя отличный [сварочный] аппарат, чё ты!; То есь еси даже взять этот знаменитый проявитель «Д-76», да. Он... он отличный проявитель; Это прекрасная закуска, да?; Его [сварочный аппарат] можно использовать триста восемьдесят, понимаешь? – он будет меньше греться. Можно двести двадцать. А последнюю катушку пустить как дроссель – и он вообще будет шептать [«отлично, превосходно работать» – о технике]; Щас она себе это, фотик купила, Самсунг – шикарный; М. [знакомый]: А в том [цифровом устройстве], короче, смотри: эта, для компьютера которая цепляется, есть, памяти встроенной два гига и, короче, и флеш-карту можно (нрзб) ещё. – Л.Л.: О-о, так это вообще богатая штука; Может с радиов записывать [mp-3-плеер] – у него есть память – я грю – вещь, слушай!*

²⁵ Сумма количества единиц данной группы, обозначающих качества человека – с одной стороны, и обозначающих неодушевлённые предметы – с другой, больше общего количества единиц данной группы, т.к. один и тот же экспрессив может относиться к характеристике как человека, так и неодушевлённых предметов.

3. Восхищение

Эмоциональная оценка восхищения – «высшей степени удовлетворения, удовольствия от чего-л.; восторга» [МАС] – близка к эмоциональной оценке одобрения, но отличается от неё степенью проявления эмоций. Если одобрительная коннотация характеризуется наличием в коннотации семы «...и это хорошо», то восхищение – наличием семы «это приводит в восхищение, в восторг». Н.А. Лукьянова приводит такие примеры слов, где реализуется данная коннотация: *изумительный, превосходный, замечательный, блестящий, грандиозно, потрясающе* [Лукьянова, 1986. С. 48].

В словаре информанта насчитывается 9 единиц, передающих эту эмоциональную оценку: *за**ательский, закачаешься, изумительный, исключительный, отпад, ох*ительный, ох*енный, кайф, чудо*. Все они передают общую оценку и имеют обобщённое значение «в высшей степени хороший / хорошо».

Л.Л. восхищается почти всегда неодушевлёнными объектами: техникой, результатами своего или (реже) чужого труда: *Я грю, вещь **исключительная** [о плеере]!; Ночами сидел, но. Но зато (нрзб.) за**ательский получился [сварочный аппарат]; Помнишь, Нина... Нина, помнишь, мы с тобой работали на шьисят четыре, да [о фотоплёнке]? Шесть лет просрочены – какие снимки! (нрзб.) О-о! – **закачаешься** – вообще прелесть!; У Полины – ну, я ей продал [сварочный аппарат] – ну, где спиртом торгуют, на х**. Грит, мужики – этим мужикам давала – грит, б**дь, аппарат **изумительный**, нах!; Вот он [знакомый отца] купит – возьмёт шесть рублей, купит эту «Смену» – так, а снимки делал – вообще – **исключительные**!; Да ты чё! Вот это **чудо**, да? Смори – чистый [унитаз]! Отъело, да? [о новом средстве для чистки сантехники]. В одном случае объектом восхищения является еда: *Ну из головы-то холодец, из бараньей ох*ительный – ты ни разу не ел? Вообще ох*ительный, б**дь!**

Единиц с коннотацией восхищения, объектом которого является человек, в идиолексиконе информанта всего несколько. Два раза Л.Л. говорит о женской красоте: *Света, слушай – там такая бабёнка – сорок шесть лет, ну... Да не-ет,*

я ей просто хочу позвонить. Узнать, как её здоро-овье, б**дь. <...> Я просто – не то что... – а просто побалдеть, ты знаешь – **ох*ительная** девчонка, б**дь!; один раз объектом эмоциональной оценки восхищения становится дружный, сплочённый рабочий коллектив: С. [напарник]: Сам пришёл – Барыгин, на х**, и со мной говорит, на х**: «У нас, – говорит, – такая смена, на х**, что щас, говорит, все завидуют, **ана в рот». – Л.Л.: Не, вторая смена **ох*ительная**. У нас смена самая **за**-*ательская!**

4. Шутка и сочувствие

Кроме трёх основных видов мелиоративной эмоциональной оценки, в идиолексиконе информанта отмечены единичные случаи с шутливой и сочувственной коннотацией. Шутливая коннотация выделяется в экспрессиве в том случае, если единица не только называет предмет, признак и т.д., но и узуально выражает шутливое отношение к нему. Вслед за Н.А. Лукьяновой, считаем, что шутливая коннотация по сути является мелиоративной, шутливое употребление выражает одобрение в неявном, скрытом виде [Лукьянова, 1991. С. 163-164]. В словаре информанта зафиксировано 5 единиц с такой коннотацией: *бармалей* (шутливо – о человеке, животном), *гоблин* (шутливо – о человеке), *окуляры* (шутливо – об очках), *пигалица* (шутливо – о маленькой, худенькой девочке, девушке), *полтергейст*» (шутливо – о человеке, животном): *Помнишь, у нас был Пушок, да? Так этот бармалей, слушай, я его до того довёл – он у меня пил самогон; Щас я свои окуляры надену; Ты представь – такая маленькая [дочь], пигалица, слышь – цып-цып-цып-цып-цып-цып-цып-цып-цып-цып [изображает, как дочь в детстве кормила цыплят]... Такая была моло-оденькая, краси-ивая.*

Кроме этого в идиолексиконе Л.Л. отмечено три случая эмоциональной оценки сочувствия, также являющейся мелиоративной: *С тёщей, бедолага, живёт [о знакомом]; Жё-ёстко, слушай – [рак] промежности... Это ей, слушай, ни в туалет не сходить, ничё... Как она, бедняжка, это мучилась? [о родственнице].*

Таким образом, в словаре Л.Л. зафиксированы экспрессивы со следующими видами мелиоративной коннотации: ласкательной, одобрительной, восхищения, шутливой, сочувственной.

Информанту свойственно употребление мелиоративно-оценочных экспрессивов. Объектами мелиоративной оценки чаще являются качества человека, иногда – неодушевлённые предметы.

На основе анализа мелиоративно-оценочных экспрессивов можно судить о системе ценностей, о наиболее значимых для Л.Л. качествах, склонностях человека. Это организованность, предприимчивость, трудолюбие, владение разнообразными трудовыми навыками, способность оказать помощь, неконфликтность, способность пойти на компромисс, весёлый нрав, остроумие. В женщине ценится красота.

Среди неодушевлённых предметов чаще положительно оценивается техника, (высокое качество её исполнения, функциональность, практичность), результаты своего труда и вкусная еда.

Что касается характерного для Л.Л. использования мелиоративно-оценочных средств в присутствии объекта оценки, то оно часто обусловлено, по нашим наблюдениям, осознанной коммуникативной тактикой говорящего: делая комплименты собеседнику (или его близким), информант завоёвывает его расположение, так что впоследствии может рассчитывать на содействие собеседника в каких-либо делах. Такое открытое и частое вербальное выражение дружелюбного отношения в коммуникативном поведении Л.Л., которое иногда воспринимается сторонним наблюдателем как не вполне искреннее, объяснимо, с одной стороны, личными качествами информанта – человека неконфликтного, открытого, для которого стремление понравиться собеседнику, вызвать его расположение к себе – естественно. С другой стороны, преувеличенно дружелюбное поведение может быть оправдано образом жизни типичного носителя ГП: частая смена мест работы и нестабильность заработка, нередко – пристрастие к алкогольным напиткам, а в случае Л.Л. – также отсутствие постоянного и частая смена временного жилья – всё это делает носителя ГП в

большой степени уязвимым с социальной точки зрения. Из-за правовой неграмотности, которая также типична для носителя ГП в силу его недостаточной образованности, он нередко становится жертвой мошенников (например, нашему информанту под видом задержки заработной платы не оплатили несколько месяцев работы на одном из охранных предприятий). Эти обстоятельства делают жизнь типичного носителя ГП «опасной и непредсказуемой» [Козлова, Сандомирская, 1996. С. 75], поэтому он стремится окружить себя как можно бо'льшим количеством доброжелательно настроенных знакомых, готовых оказать поддержку в трудную минуту.

2.3.1.2 Сочетание мелиоративной эмоциональной оценки с интенсивностью

Интенсивы с эмоционально-оценочными и интенсивными семами в коннотации не разграничены строго, два этих множества пересекаются: часть как мелиоративно-, так и пейоративно-оценочных экспрессивов имеют в коннотации сему интенсивности.

Область пересечения единиц с мелиоративной эмоциональной оценкой и интенсивностью включает 32 экспрессива. Сюда включены слова и выражения, имеющие в коннотации семы «больше нормы, очень, сильно, в высшей степени и т.д.» и «это хорошо / вызывает восхищение и т.д.». Приведём примеры: *гореть* «страстно, сильно желать чего-л., одобр.», *душа в душу* «очень дружно, одобр.», *мировой* «очень хороший, одобр.», *закачаешься* «в высшей степени хороший, восхищ.»: *Она [дочь] щас мечтает, слушай, отучиться на этого, знаешь – я тебе рассказывал, да? – на оператора и на фотографа профессионального. Она этим горит, слушай!; У меня доча вообще мировая, слушай!*

2.3.1.3 Пейоративная эмоциональная оценка

В словаре информанта зафиксировано 250 экспрессивов, имеющих пейоративную коннотацию. Гамма аллосем пейоративной эмоциональной оценки в идиолексиконе Л.Л. включает пренебрежение, неодобрение, осуждение и презрение. Отмечены также единичные экспрессивы с насмешливой коннотацией.

Часть единиц, особенно тех, которые выражают эмоциональные оценки неодобрения и презрения, имеют ещё и сему интенсивности. Количественное соотношение единиц с разными видами пейоративной эмоциональной оценки отражено на рисунке 4.

По мнению Н.А. Лукьяновой, неодобрение является основной аллосемой пейоративной эмоциональной оценки, «все остальные представляют её модификацию: они указывают на степень проявления негативного отношения к предмету речи, но практически разграничить эти модификации непросто» [Лукьянова, 1986. С. 48].

Рисунок 4 – Виды пейоративно-оценочной коннотации экспрессивов
идиолексикона носителя ГП

Учитывая сложность разграничения разных аллосем пейоративной эмоциональной оценки, кратко остановимся на характеристике каждой из них.

На наш взгляд, пары «неодобрение – осуждение» и «пренебрежение – презрение» представляют собой два полюса одного и того же (или, по крайней мере, сходного) негативного отношения говорящего к объекту оценки.

Неодобрение – вид эмоциональной оценки, указывающий на то, что объект не соответствует некоторой социальной или субъективной норме, идеалу

говорящего [Лукьянова, 1986. С. 46]. В коннотации экспрессива присутствует сема «это вызывает отрицательные эмоции, поэтому хуже нормы / плохо».

Осуждение связано «с оценкой нарушения каких-либо социальных норм поведения» [Иванцова, 2002. С. 73], при этом такое нарушение признаётся говорящим не просто плохим, а совершенно недопустимым. В коннотации такого слова или выражения присутствует сема «...и это вызывает резкие отрицательные эмоции, поэтому очень плохо, совершенно недопустимо».

Под пренебрежением понимается «презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-, чему-л.» [МАС]. Выражающий данный вид оценки «...субъект полагает недостойным его внимания некоторое состояние объекта, положение дел или явление из-за их незначительности или неполноты проявления» [Телия, 1986. С. 127]. Этот вид эмоциональной оценки говорящий использует, чтобы подчеркнуть своё превосходство над обозначаемым явлением, лёгкую степень неуважения к нему как к объекту, недостойному серьёзного отношения. В коннотации экспрессива присутствует сема «это вызывает отрицательные эмоции, поэтому хуже нормы, хотя и не заслуживает серьёзного отношения и внимания в целом».

Презрение – «чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-, чему-л.» [МАС]. разновидность эмоциональной оценки, которая призвана демонстрировать полное, крайнее неуважение к объекту, в коннотации такой единицы мы выделяем сему «это вызывает резко отрицательные эмоции, поэтому хуже нормы настолько, что заслуживает демонстрации крайнего неуважения».

Перечислим виды пейоративной эмоциональной оценки в порядке нарастания степени проявления негативного отношения к объекту.

1. Пренебрежение

Данный вид пейоративной эмоциональной оценки отмечен в 54 экспрессивах идиолексикона Л.Л.

Объектом пренебрежительной эмоциональной оценки в дискурсе Л.Л. чаще являются люди и их качества. Пренебрежительная оценка часто характеризует принадлежность человека к социальным низам (*сброд, шантрапа, бичуган, бомж*

и т. д.) или шире – к категориям лиц, имеющих непрестижный статус (*соска* «очень молодая девушка, пренебр.», *разведёнка*, *шлюха*, *фраер*, *лох* и т. д.), склонность к пьянству, наркомании (*бухарик*, *алкаш*, *наркоша* и т. д.), названия представителей некоторых национальностей (*хохлы*, *урюки*, *чурка*, *басмач* (о представителях народов Средней Азии), *чукчи* (об алтайцах): *Они [руководство] просто этих алкашей [водителей] сами это, расслабили; ИЩас – он – бичуганы за бутылку всё сделают. Это нет проблем. Главное, чтоб матерьял был...; И вот фильм показывали – у них русские имена, а пьют, черти-и-и! Все бухарики – не, серьёзно, пьют; Слушай, он в Коляне лоха не виит – он просто ещё меня не знает! Вечный подсобила. Ему это на х** ничё не надо – понимаешь? – я уже понял его. <...> Ему кроме бетона – вот бетон замесить, поднёс, кирпичи поднёс – всё, его больше ничё не интересует; Дочка заходит – у меня соска на коленях сидит, и мы с ней лобзаемся, слышь?; Да, скоро к тебе на худой козе не подъедешь! Скажешь: что это за бомж там? Ты забудешь батю своего [дочери]; Ей уже давно пора копыта отбросить. <...> Да она уже старая вешалка (об известной киноактрисе); Не, подожди – ну чё ж так Колян – надо было жильё обеспечить, б**дь, свет про... [провести] – вот как узбеков, таджиков – даже чуркам всё обеспечивают, ну [на рабочем месте]! А тут над русаками издеваются, как хотят, ну!*

Реже пренебрежительно оцениваются неодушевлённые предметы – вещи, объекты низкого или недостаточно высокого качества (*бормотуха* «дешёвое вино, обычно низкого качества», *клоповник*, *халупа* «плохое, необустроенное жильё», *гнильё* «что-л. старое, ветхое», *самокат* – об автомобиле, *ушастик* – об автомобиле и т. д.) или не стоящие внимания (*тряпки*, *шмутки* и т. д.): *А которые продаются по сорок-пятьдесят тысяч [иномарки] – это уже металлолом – ты говоришь, мешок с болтами; М.: Чё там ещё на рынке есть? – ЛЛ.: Да чё – тряпки; Ушастик, Запорган [о «Запорожце»] – мотор в жопе [сзади] стоит – хохлы [сделали «Запорожец»]!; Там [в багажнике машины] – всякой х**ни-муйни: шайбочки, гаечки...*

Кроме единиц с пренебрежительной оценкой в словаре Л.Л. отмечено 2 единицы с насмешливой коннотацией. Насмешка по силе негативного отношения близка к пренебрежению, это разновидность пейоративной эмоциональной оценки, представляющая собой обидную шутку, издёвку [Лукьянова, 1986. С. 47]. В коннотации таких лексем присутствует сема «это незначительно хуже нормы, что является поводом для шутки»: *[Даёт сыну свой телефон] Ты, короче (нрзб.), знаешь чё? С голубицей общайся со своей, с Натахой. Яха, пять рублей [можно проговорить], не больше, слышь?; Щас, подожди, лапка, я ему заряджу [телефон] – пускай своей любви зво'нит – пампушке [подруга сына полная женщина] своей, слышь.* В обоих случаях объектом насмешливой эмоциональной оценки является подруга сына, с которой говорящий почти не знаком. Оба слова отмечены в отсутствие прямого адресата, в присутствии сына и подруги Л.Л.; употребление этих единиц, видимо, продиктованы желанием Л.Л. подчеркнуть своё превосходство над сыном, чтобы самоутвердиться в глазах собственной подруги.

2. Неодобрение

Цель употребления экспрессива с неодобрительной эмоциональной оценкой – выразить недовольство обозначаемым.

Неодобрение – самая распространённая пейоративная коннотация в словаре Л.Л.: её передают 142 единицы. Причём объектом 118 из них является человек, его качества и действия, и лишь 8 – неодушевлённые предметы. Ещё 15 единиц обозначают «пограничные» объекты, находящиеся между полюсами «вещь» и «человек»: 11 обозначают ситуацию, 4 характеризуют место. В обоих случаях в качестве составляющих объектов выступают как вещи, так и люди.

Почти все экспрессивы этой группы (135 лексем и фразеологизмов) выражают частную оценку.

Как показывает анализ экспрессивов в идиолекте Л.Л., неодобрительную оценку получают следующие качества человека: глупость, несообразительность (*балбес, бестолковый, бестолочь, глупости, дубина, дурак, идиот, придурок, тупой, чокнутый*); склонность к предательству, обману, распространению сплетен (*крутить-мутить, хитровые*анный, мозги е*ать, пи**обольство,*

*п**дёж, жополиз, срать «сплетничать», понты нагнуть «наврать, распространить ложную информацию», двухвоска, сплетники, иуды); жадность (дешёвка, единоличник, жмот, зимой снега не выпросишь, мелочный); склонность к демонстрации напускной важности, превосходства над другими (вся из себя, деловой, пальцы гнуть / ломить, понтоваться, понтовитый, вые*он); несговорчивость, конфликтность (вредная, говнистый, противная, залупиться, залупастый, бочку катить, бухтеть, прикопаться, приё*ываться); безответственность (жить одним днём, рога мочить «попадать в неприятные ситуации», распи**яй, разгильдяй); расточительность (выкинуть, разбазарить, растрепать, прое*ать), лень (бездельник, рогом не шевелить, филон); склонность к пьянству (глотка большая, запитый). Приведём соответствующие контексты: Л.Л.: Тихо, ребята, успокойтесь! – М. [недавний знакомый]: Я тее щас пойду – я топором её [опалубку] перерублю – мне по х**, понимаешь? – Л.Л.: Опять за топор хватаешься – вот дур-рак, а!; Даже вот и Потанина [работника другой смены] взять – он же двухво-оска, на х** – понятно же, что он двухвоска, на х**. Жополиз!; Вот это п**добольство [сплетня] пошло типа как тебя кто-то п**данул [распустил слух], что тебя старшим поставили. Я говорю: п**доболы [сплетники] они все – вот что я имею в виду!; Нет, а у меня зять мелочный был, б**дь. – дешёвка, на х**!; Да приедут заберут – куда они, на хер денутся [о дочери, которая не хочет брать в подарок старую детскую кровать]! Понтуются [безосновательно важничают] больше – блин, ненавижу таких людей!; Новый [начальник] вот это, который залупастый-то – Михалыч: мне то-оже, на х**: «Чё, запашок [о запахе спиртного]!» – Я говорю: «Ну?!» на х**. Я говорю: «Да вон, лимонадика прокисшего попил, на х**»; Такие люди – они ни о чём не думают, они живут одним днём [о сыне]! Напиться, нажраться, на х**!; Во-от, ты лучшие этот гараж и машину для внука побереги, на х. Вообще-то знаешь – она тоже внуку – растрепана-ает, разбазарит...; Или он уже такой запитый, б**дь, или чё – я х** его знает, на х**. Ходит еле-еле, на х** [о начальнике].*

8 экспрессивов с эмоциональной оценкой неодобрения, относящиеся к неодушевлённым предметам, характеризуют низкое качество водопроводной воды, сигарет, фотонегативов, детали прицела ружья и т.п.: *Щас пошли все эти паводки, всё оттаивает – прёт всякой гадостью; Погано* показывает [телевизор], бледненько; Н. [дочь]: *Есть вообще суперлёгкие [сигареты] – как вату куришь – они даже не тянутся – стоишь, блин – полпачки скуришь вместо одной! – Л.Л.: **Порнография** голимая; А там, слушай, это (нрзб.) – там просто две... две этих, проволочки натянуты, всего лишь, б**дь... кита-айская х**ня!*

11 экспрессивов данной группы характеризуют ситуацию, причём 7 из них являются интенсивно-эмоционально-оценочными словами категории состояния: *вилы, жопа, кукан, мрак, труба, ни**ец, модерн* (видимо, окказиональное) с обобщённым значением «предельно неблагоприятная, очень плохая / неприятная ситуация». Выражая общую оценку, эти экспрессивы могут характеризовать в дискурсе информанта самые разные ситуации, например, жестокость среднеазиатских традиций: *Они там между собой же-енятся там, ро'дятся [представители разных родов в Казахстане], но два рода держат собой – два рода. Третий род – вот я тебе говорю – уже всё [вытесняют]. Вот я тебе говорю, Амамбаевы, вот, затесались – всё, **кукан**. Выжили. Выжили. И сына убили, и дочку изнасиловали там – короче, **ни**ец** был; ситуацию предстоящего визита к родственникам бывшего мужа подруги, с которыми у неё близкие отношения: Я. [сын, объясняет подруге Л.Л. неуместность её предложения]: *Мы вот с Наташкой гуляли, мужик пришёл еёшний бывший, мы с ним взяли пива – ну правда, он взял, я его раскрутил – туда-сюда – ну то есть вообще нормально. Как бы вот так – ну, то есть: если ехать к егошнему – жене – ну, она там жила с мужем – к родственникам... – Л.Л.: Да ты чё – это вообще **жопа**! Да ну на х**!; ситуацию, когда ушёл последний автобус, и Л.Л. остался в центре города: **Кукан**!; когда муж и жена целые дни проводят вместе: *И так же муж с женой – если так же вот – поставить их вместе – это... это всё, **мрак**! Это не жизнь, слушай!* (смех) и т.д.**

Чаще других эти средства участвуют в описании ситуации потери средств к существованию: *А то щас бабки [деньги] выскочат. У ней МТС, слушай! Это вообще **кукан** бует, слышь? **Кукан!** Не надо [звонить], ты чё!; Н. [дочь]: Да я говорю – если б не калымы – вообще бы не знаю, чё было бы. – Л.Л.: Но. Да вообще бы **кукан** был бы; Оно и раньше – но раньше как-то попроще было это, как-то жизнь была дешевле. А щас жизнь дорогая. Щас воце **мрак**; А куда, к чёрту, дорогие [сигареты] курить! На дорогие перейдёшь – вообще **труба** бует!; Так я не бухаю, Петя! Да-а-а, это точно. Да, ещё с работы выгонят, на хер. Тогда вообще будет полный **модерн**, б**дь!*

3. Осуждение

Экспрессивов с данной эмоциональной оценкой в словаре Л.Л. немного: *как язык повернулся, мать продаст, продажная шкура, стукач, стучать, гнида «предатель, провокатор», иуда «предатель, изменник».* Анализ единиц с эмоциональной оценкой осуждения помогает выявить наиболее значимые для ЯЛ нормы поведения, нарушение которых оценивается как совершенно неприемлемое. Наш информант считает грубыми нарушениями норм поведения склонность к совершению подлости для достижения корыстных целей: *Л.Л.: В охране, Яха, всё гнильё собирается, праильно? Все менты-ы, хохлы, б**дь. А любой хохол – это гнильё, б**дь, праильно? – Я. [сын]: Да. – Л.Л.: Я знаю по армии. В армии любой хохол – это пидор, б**дь. **Продажная шкура.** Он за свою лычку – да? – жизнь отдать... **мать продаст** свою! – Я.: Это не только в армии, ё* твою – это везде. – Л.Л.: Вот вишишь – и в охране то же самое; склонность к предательству: Л.Л. [напарнику, о предложении быть старшим по смене]: Тебе же это неприятно, праильно? На х** тебе это нужно, б**дь? Типа как ты человека подслеживаешь, да? <...> На х*я это, б**дь? Из себя делать **стукача**, на х**;* *Ну это... это они просто са-ами, на х**, сами, это серут, на х**. Это какая-то **гнида** завелась – понимаешь, **гнида** завелась; Понимаешь, такую дуру нагна'ла [распустила слухи] эта сволочь [о бывшей жене, которую Л.Л. после развода стал считать еврейкой] – евреи! Это весь мир знает, что они **иуды!***

В одном выражении информантом осуждается бесцеремонное посягательство на собственность: *И то – зятёк [о семье напарника], б**дь: ни х*я – тебе зять предложил: «Папа, продашь гараж и машину», да? З-зять! Кто он тебе такой – зять? Как у него вообще язык повернулся так тебе сказать?!*

4. Презрение

Как было сказано, цель употребления экспрессива с презрительной эмоциональной оценкой – проявить крайнее неуважение к объекту оценки. Единиц с этой коннотацией в идиолексиконе информанта зафиксировано 47. Объектом презрительной эмоциональной оценки в таких экспрессивах являются качества, действия и т.д. человека. Зафиксировано всего 3 случая, когда объектом презрительной оценки в идиолексиконе Л.Л. является место работы: *Ну я, слушай, в «Стрельце» [предыдущее место работы] двадцать пять тысяч потерял, на х**. Вот, в «Стрельце», на х**. В этой козлячьей ш-шараге, на х**;* *Тож же – х*иная эта шарага – «Стрелец», б**дь.* Однако это отношение не столько к самому месту работы, сколько к поведению сотрудников, к политике руководства и т.д.

Среди слов и выражений данной группы экспрессивов, выражающих частную оценку, отмечено менее десятка: *баклан* «никчёмный, презренный человек, имеющий очень низкий социальный статус», *быдло* «крайне неразвитые, тупые люди», *дебил* «очень глупый, тупой человек», *чмо* «никчёмный, презренный человек, имеющий очень низкий социальный статус», *шакал* «жадный, хищный, беспринципный человек», *шалава* «распутная женщина, шлюха», *ссать за свою жопу* «опасаться за свою жизнь».

Остальные экспрессивы с эмоциональной оценкой презрения – сниженные единицы, выражающие общую оценку: *говно, падаль, сволочь, скоты, тварь, ублюдок, урод, пидор, пидораска, сука, х*ила, ё*аный* и т.д. Все они выступают в

функции бранных единиц, т.е. грубых слов²⁶, ругательств, целью которых является резкое выражение отрицательного отношения у чему- или кому-л.

Иногда анализ контекстов выявляет качества и поступки, заслуживающие с точки зрения информанта презрительной эмоциональной оценки. Это может быть вероломство, коварство, жестокость, равнодушие к страданиям ближнего: *Он [зять], с-сука, наркоман – пошёл сдал [продал цепочку – подарок Л.Л. своей дочери], б**дь! Я-то не знал, слушай, но потом мне дочка... Ну т-тварь, б**дь!; С. [напарник]: Кто там у тебя ё*нул-то деньги, подрезал? – Л.Л.: Ле-енка [подруга], пидораска. – М.: Отдали тее? – Л.Л.: Она ё*нула этот, телик и плеер, на х**. Это-то вернули, а телик она уже пропила; Л.Л. [реакция на рассказ дочери о том, что на одну знакомую родная сестра написала заявление в милицию за то, что та сломала ей рёбра]: Ни х*я себе! Вот это сестра, б**дь! <...> Сука, б**дь! Сука, сука. Сука!; Н. [сестра]: Не-е, она [родственница] дома умерла. Когда она умирала, я сёдни была, а Лидка, Людка запоем бухали. Она в (нрзб.) лежит, Лилька, я ей минералки налила, а эти здесь сидят пьют. – Л.Л.: А, с-скоты...*

Необходимо пояснить, что экспрессивы в приведённых контекстах, безусловно, выражают не только презрение, но и осуждение. Однако осудительная эмоциональная оценка не является в данных единицах (*сука, тварь, пидораска* и т.д.) ингерентной, она проявляется только в контексте, т.е. имеет статус адгерентной. Иными словами, в других контекстах перечисленные единицы способны выражать только презрение без осуждения, как, например, в следующем примере: *В. [старший по смене, по громкой связи]: Журналы там посмотри, какие кончаются. – Л.Л. [выключив громкую связь]: От б**дь! Ну пришёл бы, посмотрел бы, б**дь! Сука, вообще обнаглел, на х**!* – здесь лексема *сука* выражает только презрительную эмоциональную оценку, причина которой – нелюбовь информанта к начальству в целом, раздражение в адрес старшего по

²⁶ О грубости, сниженности единиц идиолексикона Л.Л. см. подробнее в разделе «Характеристика сниженных единиц в идиолексиконе и дискурсе просторечной языковой личности» главы 3.

смене. По этой причине данные единицы не приведены в одном разделе с экспрессивами, имеющими сему осудительной эмоциональной оценки в составе своей коннотации (*продажная шкура, стукач* и т.д.).

Часто анализ контекстов употребления общеоценочных единиц не даёт информации об основаниях презрительной эмоциональной оценки в дискурсе и идиолексиконе рассматриваемого носителя ГП. По-видимому, эти основания не до конца осознаются и самим говорящим – резкая пейоративная оценка часто направлена на конкретного человека или группу людей в целом, оценка произвольна: «...наблюдается отрыв от свойств референта, брань – это оценочный произвол говорящего» [Матвеева, 2010. С. 47]. Анализ дискурса Л.Л. всё же позволяет выделить тип объектов указанной эмоциональной оценки.

Часто это члены семьи: первая жена Л.Л., её родственники, сын (исключение составляет дочь, которая и внешне, и по характеру похожа на Л.Л., и которую он любит больше) – люди, с которыми информант тесно общался длительное время, и в ходе этого общения накопилось много взаимных обид: *Я говорю: «Заплотишь [деньги за часть квартиры]! Куда ты денешься, на х!» – крыса, б**дь [о первой жене]. Ты эту не слушай поганку, б**дь [о первой жене]!; Л.Л.: От моей бабы [родственников жены] – он [сын] их не воспринимает. Это, grit, все, grit, уроды, б**дь, слышь? Ну и на самом деле, слышь, такие, б**дь. – М. [напарник]: Ну как, Лёха? – Л.Л.: А я на свой лад его воспитал, на х**. – М.: Лёха, ну как...? – Л.Л.: Бабины [жены] все родственники – это уроды, б**дь; И вот дочка в меня пошла, а вот сы-ын – сын чмо, б**дь; Тот, к-козёл [о сыне, который не заехал за Л.Л.], б**дь, обещал, сука, забрать, на х**. Договорились же, с-сволочь, б**дь.*

Объектом презрительной эмоциональной оценки могут быть и люди, с которыми у информанта не было конфликтов и вообще личного общения, если выражение резкой пейоративной эмоциональной оценки в их адрес прагматически выгодно информанту. Таким объектом, например, является бывший гражданский муж Лены, подруги Л.Л.: выражая презрение в адрес этого человека, он тем самым стремится подчеркнуть свои положительные стороны, самоутвердиться в глазах подруги: *Я же не такой ф**раер, как твой этот – было*

*это ё*аное, б**дь!; На х** он нужен – говно это, б**дь! Как ты с ним ещё общалась, я не знаю, блин! Ни связей, ни х*язей – на х** он тебе обосрался бы сто лет, б**дь?!*

Кроме этих двух категорий людей, в качестве объектов данного вида оценки в дискурсе Л.Л. регулярно выступают милиция (полиция, ГИБДД), начальство, а также представители некоторых национальностей: *Ты вот, слушай, этот, самбист, а я раньше боксом занимался. Тут же ему [брату жены]! Он, короче, на сраку сел, глаза закатил, б**дь (смех) – и тут же они, сука, ментов вызвали, слушай, с бабами, забрали в эту ментовку е*аную; Да – ё* твою – поддатого, на х** – на этом, на пригородном вокзале – составили протокол, и всё. Они там всех цепляют. Но, у них же планы, у этих пидорасов – правительства, у ментов вонючих, евреев; В охране, Яха, всё гнильё собирается, праильно? Все менты-ы, хохлы, бл**дь; М. [напарник]: Ему уже, этому начальнику [слишком придирчиво следящему за дисциплиной охранников], и морду сколько раз били... – Л.Л.: Бесплезно. – М.: Тупой какой-то. – Л.Л.: Да есть такие уроды; Б**дь, хоть бы утром этого х*илы [о начальнике] не было; Весь мир знает, что они [евреи] сволочи!; М. [напарник]: Да чурка, б**дь. Урод [о начальнике-таджике]; И вот слушай, вот – слушай, вот – вот Кранвин – он не мог вписаться [в общество]. Он евре-ей, его все презира-али – он поганый еврей – Крамаров. Он даже фами-лию сменил!*

Некоторые бранные номинации идиолексикона Л.Л. своеобразны: экспрессивы *геи, трансвеститы, трансики* выступают в обобщённом значении «очень плохой, презренный человек» и имеют презрительную эмоциональную оценку. Л.Л. употребляет их в адрес работников милиции, полиции: *Л.Л.: Ну ни хрена сее – они [милиция] и бабки выгребли, да? – М.: Все выгребли – вообще ноль. Сигареты хоть, слава богу, оставили. – Л.Л.: Вот геи, б**дь, а! Ну трансвеститы же ведь, скажи, да?; И. [знакомый охранник]: А это майор зашёл, (нрзб.) воце мент – у него крыша поехала – он пожизненное въе*али – вон, по телевизору показывали [открыл стрельбу в магазине]. Четверых застрелил, стоко же ранил – чё к чему, б**дь – кто его знает. – <...> Л.Л.:*

*Какой-то гей, б**дь.* Такое употребление данных единиц, по-видимому, можно объяснить стремлением Л.Л. сделать свою речь более яркой, необычной за счёт использования «модных» слов, рассматриваемых говорящим как синонимы более традиционного ругательства *пидор* / *пидорас* (также присутствующего в рассматриваемом идиолексиконе).

Иногда употребление бранных экспрессивов с коннотацией презрения, как и остальных сниженных средств, может быть спровоцировано лишь эмоциональным состоянием говорящего, вспышкой раздражения, гнева в адрес любого человека, независимо от его личных качеств: *Спит, профура, б**дь! Но, Светка, с-сука! [о подруге, не отвечающей на телефонный звонок].*

Таким образом, употребление пейоративно-оценочных экспрессивов свойственно рассматриваемому носителю ГП. Объектом негативной оценки в большинстве случаев является человек, а именно следующие его характеристики: пьянство, наркомания; глупость, несообразительность, безответственность, жадность, неоправданное высокомерие, несговорчивость, конфликтность, вероломство, коварство, склонность к обману, распространению сплетен, предательству, равнодушие к страданиям ближнего.

Кроме того, негативно оценивается принадлежность к низам общества, другим национальностям, определённой профессиональной сфере (полиция), а также к людям с определённой статусной характеристикой (начальство). Контексты показывают, что людям этих типов приписываются одно или несколько вышеперечисленных отрицательных качеств.

Реконструкция наиболее значимых для Л.Л. норм поведения с опорой на анализ пейоративно-оценочной лексики и фразеологию его идиолексикона, позволяет назвать следующие качества человека и правила поведения: разумность, предусмотрительность в поступках и ответственность за них, соблюдение нормы в потреблении алкоголя, неупотребление наркотиков; равноправное общение внутри группы людей, имеющих один статус; неконфликтность, склонность к компромиссам, честность, открытость, верность товарищам, сочувствие к страданиям ближнего.

2.3.1.4 Сочетание пейоративной эмоциональной оценки с интенсивностью

Часть пейоративно-оценочных экспрессивов, как и мелиоративно-оценочных, имеют в коннотации сему интенсивности. Таких единиц в идиолексиконе носителя ГП насчитывается 62: в их коннотации одновременно присутствуют семы «больше нормы, очень, сильно, в высшей степени и т.д.» и «это плохо, заслуживает неодобрения, осуждения и т.д.». Это часть экспрессивов с коннотацией неодобрения и осуждения, большинство экспрессивов с коннотацией презрения: *бык* «очень крупный, большой человек, неодобр.»», *дурак-дураком* «очень глупый, неодобр.»», *мать продаст* «продажный, крайне беспринципный человек, предатель, осуд.»», *негодяй*, *сволочь*, *ублюдок* «очень плохой человек, презр.» и т.д.

2.3.2 Экспрессивно-интенсивные единицы лексикона носителя городского просторечия

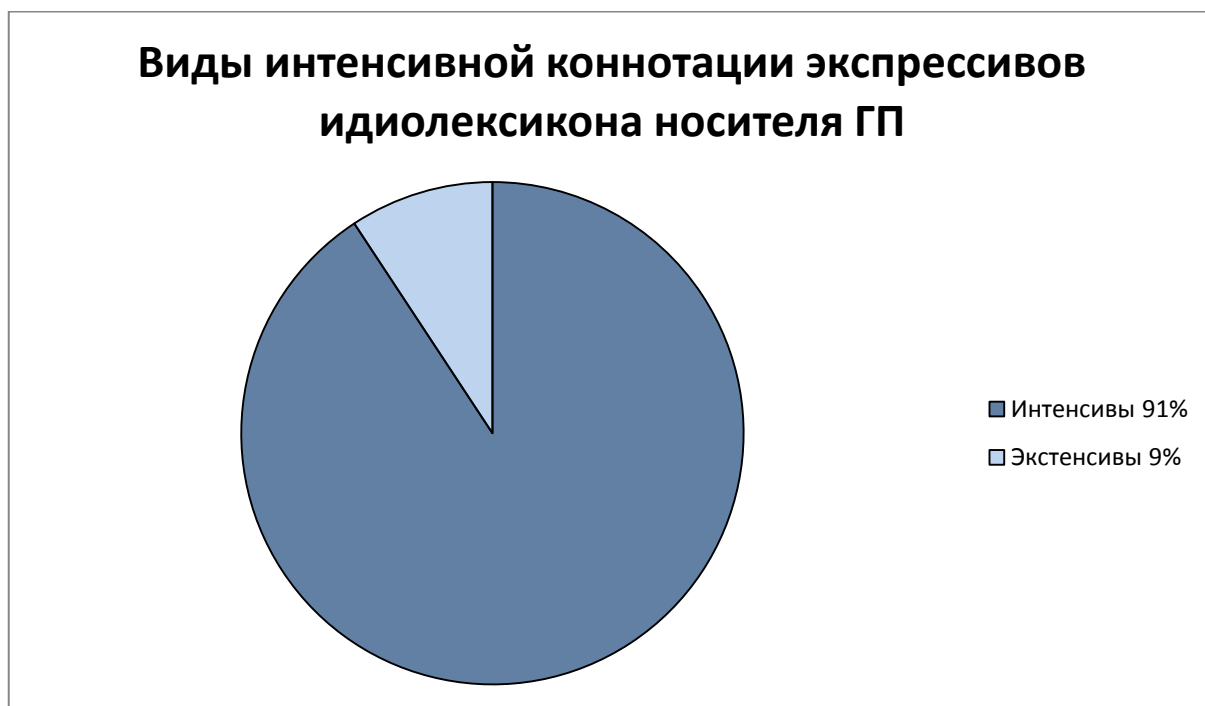

Рисунок 5 – Виды интенсивной коннотации экспрессивов идиолексикона носителя ГП

Из 793 экспрессивных единиц словаря информанта 362 являются экспрессивно-интенсивными, т.е. содержат в коннотации или сему интенсивности (интенсивы), или сему экстенсивности (экстенсивы). Количественное соотношение интенсивов и экстенсивов словаря Л.Л. представлено на рисунке 5.

1. Интенсивы

Всего в словаре Л.Л. отмечено 325 интенсивов. Как было отмечено, среди них есть такие, которые являются одновременно эмоционально-оценочными, имеющими мелиоративную (32 единицы) или пейоративную (67 единиц) коннотацию. Большинство же интенсивов не имеет ингерентной эмоциональной оценки, например: *Ж. [режиссёр]: Так-то человек приятный был [общий знакомый, покончивший с собой]. – Л.Л.: Да он был **простой как дыра** [очень простой, совершенно бесхитростный] был, да? – Е.С. [исследователь]: Простой как кто? – Л.Л.: Как дыра. Бесхитростный. Ну простой – дыра, ну – всё пролетает через него, ну!; Даже вот, знаешь – по статистике, вот это, на подводных вот лодках – это вот – ну-у – у моряков там – матросов меняют местами, постоянно. Чтоб постоянно одни и те же лица они не видели – это как (нрзб.) **психоз** [состояние крайнего нервного напряжения, крайней раздражительности] идёт – и вот, их местами постоянно меняют; Л.Л.: Вот щас, Григорий, слышь – мой тебе совет – я тоже молодой был – прислушивайся к нормальным мужика-ам, <...> послу-ушай, кто чё базарит, где – людей таких ищи, общайся, ё* твою. Будь **тихоней** [очень тихим неприметным человеком], но делай своё дело!; Ну, короче, свадьбу **закатил** [устроил, организовал – о чём-л. масштабном, из ряда вон выходящем] хорошую [богатую, с размахом] вторую.*

В приведённых примерах наименования объектов, свойств, действий *простой как дыра, психоз, тихоня, закатить* не имеют эмоциональной оценки, т.е. не оцениваются говорящим по шкале «плохой – хороший». Есть в идиолексиконе Л.Л. и такие единицы, в которых отсутствие эмоциональной оценки не столь очевидно, например: *Но Витька – Витька **жестокий** [крайне категоричный, непримиримый]. Тот – у него всё наотрез: нет – всё, это навсегда, на всю жизнь.* В данном примере Л.Л., ссылаясь на черту характера

своего родственника, выражает сомнения в том, что тот вернётся к жене после развода. Приведённый контекст употребления интенсива *жестокый* не выявляет какого-л. отношения говорящего ни к этому качеству, ни к факту воссоединения семьи. В то же время в другом контексте *жестокие* произносится с одобрительной интонацией, Л.Л. хочет подчеркнуть положительные аспекты данного качества человека: *Это русаки. Боятся нас – понимаешь – нас в мире боятся. Потому что, понимаешь, мы люди, Витя, непредсказуемые, очень жестокие, коварные!* В третьем контексте *жестoko* произносится с интонацией неодобрения: *И сына убили [о конфронтации родов в Казахстане], и дочку изнасиловали там – короче, пи**ец был. Жестoko, да?*

В подобных случаях правомерно будет говорить о том, что интенсив не имеет ингерентной эмоциональной оценки, но в речи может принимать на себя адгерентную эмоциональную оценку контекста, в который он оказывается вовлечённым. Таких примеров в дискурсе информанта достаточно много, иногда один и тот же интенсив в разных контекстах может выражать полярные адгерентные эмоциональные оценки: *И вот они, украинцы – они злобные [интонация неодобрения]. Они ж никто-о-о!; С. [жена знакомого]: Нет, ну он [муж] как бы там и отпускные взял [по решению суда], хотя и не положено было. Так что он моральный [ущерб] никакой не брал. – Л.Л.: Не брал моральный? – С.: Он просто заявления такого не писал. – Л.Л.: А мож... мож... Вообще-то он у тебя парень-то злобный [решительный, неуступчивый; интонация одобрения]!; А там знаешь возле неё [о дочери] крутятся как?! Она, знаешь – она в квартиру никого не впускает! Стр-рогая [интонация одобрения], слышь, вот – она такая строгая у меня вот – молодчина, слышь? Молодчина! Себя в рамках держит, слышь?; Л.Л.: Это, слышь, девчонки, у вас на «четвёрке» [о троллейбусе] такая женищина работает <...> Но никогда, слушай, деньги не берёт [речь идёт о проезде за сумму, меньшую стоимости билета, без получения билета]. Билеты обратно не берёт [некоторые пассажиры «дарят» свой билет кондуктору для его повторного использования]. Я говорю: «На тебе, слушай, билет. Возьми обратно». – «Не-ет!» – «Возьми деньги – мне вот только доехать*

до школы музыкальной» – «Не-ет!» – Н. [подруга дочери]: Ни билеты не берёт, ни деньги. – Л.Л.: Да вообще-е! Такая **строгая** [интонация неодобрения]!

Как и большинство эмоционально-оценочных экспрессивов, подавляющее большинство интенсивов идиолексикона Л.Л. (302 единицы) относятся к семантическому полю «человек».

Более половины из них обозначают действия, производимые человеком: У отца был знакомый фотограф, у него кличка была Идеал. <...> А поддавал страшно! **Напѣтся** – у него фотоаппарат или украду-ут, понимаешь, или пропѣ-ёт...; Ну, я так это, Кондратьич, я так посмотрел – не шибко-то мужики это, перетруждаются. Я в пустыне работал – так мы там **пахали как черти**, б**дь, за эти д-деньги; Я тебя сегодня должен **споить**, б**дь – мне на работу (нрзб.), б**дь! (смех); Танька как **рванула** из дома, на х** – думала, что я это – grit, как выстрел пошёл, как с ружья выстрел – это порва'лася верёвка, на х** – шёлковая. Я порвал одной левой рукой. Представляешь?; О, Борис Борисыч в газету **ударился!**; От ментов – (нрзб.) – **упылил** [очень быстро, стремительно уехал], б**дь!

Интенсивы идиолексикона Л.Л., описывающие действия человека, разнообразны (*гореть* «страстно увлекаться», *вломиться* «быстро, стремительно, с шумом войти, преодолевая препятствия», *метаться* «быстро и беспорядочно устремляться то в одну, то в другую сторону», *названивать* «очень часто, назойливо звонить», *напиться* «выпить слишком много, стать пьяным», *обкуриться* «выкурить слишком много наркотиков, прийти в состояние наркотического опьянения» *орать* «громко, иступлённо кричать», *пахать* «много и тяжело работать», *понакупить* «купить чего-л. очень много», *психануть* «повести себя слишком возбуждённо, нервно», *раздербанить* «разломать быстро и полностью», *рвануть* «быстро побежать» и др.), однако среди них можно выделить группы слов, обладающие одним обобщённым значением. Большую группу составляют единицы, имеющие семантический компонент «добыть с трудом (о деньгах или материальных ценностях)» – синонимичные *вырвать*, *выбить*, *выжать*, *вышибить*, *урвать*, *содрать* «добыть с трудом, применяя силу

или преодолевая сопротивление (о деньгах или материальных ценностях)», а также *выцыганить*, *выклянчить* «добыть с трудом путём долгих просьб» и т.п.: *Если где-то чё-то надо будет, слушай – где-то поддержка – там заморочки будут, слышь – в лёгкую, в лёгкую! У меня в телефоне всё забито, чё надо – пацаны тебя поддержат. <...> Пацаны **вышибут** [деньги для тебя] на х**;* *У меня там есть угол, где жить – я туда не хочу вращиваться! Я там хочу, если получится – это сколько уже – вот уже три года не живу. Могу я там себе это, угол **вырвать** или нет, **выбить** – по суду; Ну щас, если в городе буду, это, надо с этого, Серёги рубль [тысячу рублей] **сорвать**, к чёрту.* Выделяется группа экспрессивов со значением «проявлять активность в поисках средств к существованию» (*выкрутить*, *крутиться*, *прокручиваться*, *шевелиться*): *Ды... ды я сегодня ночь не спал – думал, как всё это **выкрутить** [придумать, устроить наилучшим образом, затрачивая много умственных усилий], ну!; Ну я же **крутился** [активно действовал, добывая средства к существованию], я же работал! Я ж не сидел – сутки сидел, а двое сплю!; А если сидеть ждать с неба манную кашу – она сама не падает! **Шевелиться** [активно действовать] надо!; Можно выделить группу интенсивов со значением «жестоко драться, сильно бить, избивать» (*бошку оторвать / отрезать, всандалить, гонять, мозги вышибить, накумарить, отвалтузить, рога отшибить, накатить*): *Казахов **гоняли** [в молодости]. Только отделился от толпы – толпа отошла – на! «Иди сюда, дорогой!» – Как **накатим**, слушай, смотришь, дня три – четыре нету, отлёживается – а били-то жестоко – там эти монтировки, железки же... (смех). Представляешь – три монтировки его **охлаживают** возле забора; Да-а, Ермак им [татарам] **давал просрать**; Не, не то что меня убить – они хотели меня это, **отвалтузить**.**

Кроме действий, производимых человеком, интенсивы словаря Л.Л. обозначают черты характера, качества личности (*беспредельный* «склонный к грубому нарушению норм поведения, произволу», *бешеный* «крайне нервный, агрессивный», *обезбашенный* «крайне бесрассудный, неуправляемый, неодобр.», *простой как дыра* «очень простой, крайне бесхитростный», *крутявый* /

крутлявый «имеющий способность активно предпринимая что-л. улучшать своё благосостояние, добывать средства к существованию, одобр.», *свирепый* «выражающий крайнюю суровость, злобу», *строгий* «очень принципиальный, не допускающий легкомыслия», *тихоня* «очень тихий, неприметный человек», *шебутной* «очень беспокойный»): Ну, батя [о себе] тоже был раньше – я тоже раньше **обезбашенный** был; Раньше тоже – такой же был человек **крутлявый** [о себе] – *пи**ец*, на *х*** – не хуже, чем ты, на *х***. <...> И машины были, *б**дь*...; Я не пойму – она [о дочери] беременная такая **бешеная** или...; **Шебутной** был [о себе], (смех) *непоседа*, *короче* (смех); [Рассказывает, как в детстве был наказан за то, что брызгал зрителей в кинотеатре лимонадом]: Дверь открывается в кинобудку – батя, слышь – такое лицо **свирепое** (смех).

Из черт внешности интенсивы в идиолексиконе часто характеризуют большой рост, крепкое сложение человека: (*глыба*, *будка*, *корова*, *лоб*, *рама*, *шифонер*, *шкаф*, *бык*, *слон*): Ну и слушай, с этим **быком**-то [о напарнике], у которого *копыта* [ноги] по два метра...; Бандюга [о сыне] – он такой – **рама**, *б**дь*. Ну дурак-дураком, *б**дь*, слышь?; Да там сын [о сыне начальника] – больше чем батя – **слон** такой, блин.

Ряд интенсивов идиолексикона информанта обозначают состояние или эмоции человека (*ломать*, *воротить* «о страшной, невыносимой боли, безл.», *мания* «сильное, непреодолимое желание», *муторно* «крайне изнуряюще, неприятно», *обалдеть* «испытать сильное удивление, радость, восхищение», *по барабану* «абсолютно не волнует что-л., всё равно», *психоз* «состояние крайнего нервного напряжения, крайней раздражительности», *стресс* «сильное потрясение, обычно неприятное»): *Инфаркт*. Ты знаешь – как меня **лома-ало-о** – (нрзб.). Какие боли адские – спазмы; Добавил [денег] – машину взял. Она мне к ч-чёрту не нужна была <...> Зачем она нужна была? Так, знаешь – привычка – **мания** машины; *Щас подожди*, я тебе расскажу – ты **обалдеешь**; Я так свою работу [о фотографиях] тебе хотел показать, слушай. А кто поймёт ещё эту систему [искусство]? Да никто. Эти блатные – да им **по барабану**.

Намного меньше интенсивов – 65 единиц – описывают разнообразные неодушевлённые объекты: *Щас пошли все эти паводки, всё оттаивает – **прёт** [интенсивно и неприятно пахнет] всякой гадостью. Очистительные, эти, сооружения не работают толком; Вот вишишь как хорошо, слышь, Мариш, что я открыл это, эту услугу – весь день разговариваем. Весь день! А так представь, сколько денег **вылетело** [потратилось быстро, в большом количестве] бы, да?; А от раньше приедешь в садик или школу снимешь, или общую, или так, поодиночке – то ж – раньше же **копейки** [очень дёшево] стоили фотографии; Поверь мне: если щас [музыка] будет **орать** [очень громко звучать], это будет не гулянка – это будет базар, слышь?; Не, а в старой фотографии это было – **навалом** [очень много] этого освещения; Щас **жарища** [сильная жара] будет.*

Иногда интенсивы используются для называния действий и качеств различных приборов, механизмов: *Да, он уголки привёз, болты привёз. Вишь, я сделал. Но **жарит** [сильно, интенсивно работает] – **пи**ец** [очень, предельно сильно]! **Бешеная**, ссука, **б**дь**! [о мощном сварочном аппарате]; Короче, такая **х**ня** получилась, слушай – это **зверь** [о мощном сварочном аппарате]. Этот японский экскаватор год работает и это, за ним следят, смазывают – так он ещё бует **хрен знает сколько** [очень долго] работать, праильно?*

Необходимо отметить, что одна единица из группы интенсивно-пейоративно-оценочных слов категории состояния, имеющих обобщённое значение «предельно плохая, безвыходная ситуация» (о которых подробно было сказано в разделе 2.3.1.3. «Пейоративная эмоциональная оценка») иногда способна «терять» и свою денотативную часть значения («ситуация»), и эмоционально-оценочную сему («плохая / и это плохо») и выступать только как интенсив (актуализируется только интенсивная сема «предельный, крайне интенсивный»): *Л.Л.: Юрка, я с тобой, помнишь, как мы с тобой... делали, да? И, слушай, **ох*ительно** получилось, да? Не бежит же, ничё, не капает, да? Вдвоё-ём, ты как раз водочки принёс, помнишь, Юра, да? Водочки, с работы, тихо – а я как раз с похмелья был – **б**дь**, **пи**ец** [похмелье очень сильное], на **х**!**; Татарки, слушай, они красивые **пи**ец** [очень красивые], слушай!; Тоже обезбашенный, **б**дь** –*

молодой, на х**. А здор-ровый, ссука – **ни**ец** [очень большой, высокий], на х**!
 Вот когда я <...> бухаю – бли-ин – прёт, б**дь – **ни**ец** [пахнет очень сильно],
 на х**. Пускай открыто [будет окно]; Она, слушай, ради меня всё сделает,
 слышь? Она [подруга Л.Л.] **ни**ец** [очень сильно] – любит, на х**!

2. Экстенсивы

Экстенсивов в словаре Л.Л. зафиксировано намного меньше, чем интенсивов – 37 единиц. В их коннотации присутствует сема «несильно, недостаточно, меньше нормы, немного, слегка».

Почти все экстенсивы в словаре информанта имеют формальное выражение экспрессивности: глагольные префиксы под-, при-, вносящие в значение оттенок ослабленности, умеренности или неполноты [Русская грамматика, 1980. С. 367-368], и суффикс -оват- со значением «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» [Русская грамматика, 1980. С. 299].

Большинство экстенсивов употребляются Л.Л. для обозначения действий, признаков, оцениваемых говорящим как «слабые», «недостаточные», совершаемые с меньшей интенсивностью, чем в норме (по мнению говорящего): Ну, щас ты вот... щас вот-вот тачку **подделаешь** [сделаешь небольшой, несложный ремонт] – может тоже, б**дь – где-то чё-то накружишь; Щас погоди – щас у меня эти судебные тяжбы, туда-сюда – я буду **подкалывать** [выполнять небольшую побочную работу], зарабатывать, ну; Л.Л.: Чё-то у меня спина устала, Аня! – А.: Сидеть? – Л.Л.: Да, наверное! Да и рука у дяди [с ребёнком – о себе] чё-то **подзаболела** [немного заболела] – резать сталь!; Это завтра ещё чё мне – пятьсот шестьдесят на завтра ещё до пятьсот дорежу [деталей из стального листа], а потом начну эти делать... Я Коле вырежу, чтобы он это, домой привёз. Под катушки. А там же если чё – это, слышь, это, Юра – если чё – **подрежу** [нарежу ещё немного сверх сделанного]; Но, это одно, но а потом-то, если чё, **подрегулировать** [немного, незначительно отрегулировать] можно будет ей?

Некоторые единицы, формально являющиеся экстенсивами, выражают семантику смягчительности: это происходит в тех случаях, когда в разговорах со знакомыми, друзьями Л.Л. стремится смягчить негативную оценку ситуации или предмета, имеющих отношение к собеседнику: Л.Л.: *А вы откуда?* – Н. [случайный знакомый]: *С Елакшей.* – Л.Л.: *А я не знаю такое.* – Н.: *Мошково знаешь где?* – Л.Л.: *Ну я в Мошково же и был же, ну!* – Н.: *Сорок шесть кило'метров.* – Л.Л.: *И ещё от Мошково? Так ты ещё дальше, чем за Мошково, да?* – Н.: *Да.* – Л.Л.: *Ничё себе! Далековато* [смягчит. к «далеко»], конечно; Н. [сестра]: *Ну вот, я с зарядкой взяла [телефон] за тысячу. Ну вашими [деньгами – т.е. российскими рублями].* – Л.Л.: *Дороговато* [смягчит. к «дорого»], конечно; *У тебя мочево́й [пузырь] подстуженный* [смягчит. к «простужен»]; *Да-а, мощноватая* [смягчит. к «слишком мощная»] лампа, конечно [о подаренной лампе в присутствии подарившего её человека]; *Чё-то жарковато* [смягчит. к «жарко»], тебе не кажется [с напарником, в строительном вагончике]?; *Там, там, во-от там вот там – вот здесь аккуратненько, аккуратненько проходите. Виите, у нас места маловато* [смягчит. к «мало» – во время фотографирования, в маленьком помещении, заставленном аппаратурой]; *Только надо будет купить толстой фанэры, эта тонковата* [смягчит. к «слишком тонкая»] бует для этого. Иногда такие единицы используются для смягчения категоричности возражения: *Опасно́то* [смягчит. к «опасно»], ребята [оставить костёр незатушенным]. *Не дай бог, б**дь. Вдруг травка загорится, б**дь;* иногда говорящий считает невежливым слишком прямо говорить о своих преимуществах перед собеседником: *Ну у меня, конечно, я... я побольше* [смягчит. к «значительно больше»] профессий, чем у тебя; или слишком прямо говорить о неудобстве для себя какой-либо ситуации: *Я хочу сменить работу – чё-то тяжеловато* [смягчит. к «слишком тяжело»] туда ездить.

Экстенсивы словаря Л.Л. примерно в равной степени характеризуют как человека, так и неодушевлённые предметы. Подобные образования создаются в процессе речи Л.Л. более свободно, чем в ЛЯ, о чём говорит присутствие в словаре Л.Л. таких, например, слов, как *опасновато*, *мощноватая*, чуждых

литературному языку. Это связано, на наш взгляд, с большей распространённостью в ГП способа выражения вежливости посредством использования экстенсивов.

Итак, анализ экспрессивно-интенсивных единиц позволяет заключить следующее.

Экспрессивно-интенсивные единицы – самая многочисленная группа экспрессивов в лексиконе носителя ГП.

Если анализ лексических значений и контекстов употреблений эмоционально-оценочных экспрессивов позволяет сделать выводы о ценностях ЯЛ (что информант считает хорошим / плохим), то анализ экспрессивно-интенсивной части словаря индивида позволяет вычленить наиболее важные для ЯЛ участки воспринимаемой ею действительности в целом, поскольку интенсивы и экстенсивы «отражают» не только сам объект номинации, но и информацию о том, как, по мнению говорящего, этот объект соотносится с нормой с точки зрения силы его проявления. ЯЛ фиксирует в семантике интенсивно-экспрессивных единиц отклонения от нормы на наиболее значимых для неё участках картины мира.

Анализ семантики и контекстов употребления интенсивов и экстенсивов словаря Л.Л. выявил наиболее важные для информанта качества, действия, состояния человека, а также неодушевлённые объекты и их характеристики.

В идиолексиконе носителя просторечия с помощью интенсивов обозначаются такие качества человека, как глупость / сообразительность; конфликтность, бескомпромиссность / неконфликтность; категоричность; нервозность, неуравновешенность, беспокойный нрав; безрассудство, необузданность; бесхитрость; вероломство, продажность, предательство; безответственность; незначительность; стяжательство. Из внешних качеств человека Л.Л. отмечает значительное превышение среднего роста и вообще физических размеров человека, его физической силы, а также красоты (при характеристике женщин).

Среди действий человека, важных для исследуемой ЯЛ, отмечены: акты физического насилия; резкие, быстрые движения, перемещения; труд (быстро, много, интенсивно и т.д. трудиться); добывание чего-л. с применением силы или насилия; добывание чего-л. с большим трудом; потеря благосостояния или работы; ведение разгульной жизни; получение денег; процесс говорения, речевое воздействие; назойливые действия и поведение; жизнь в согласии; процесс принятия спиртного; разрушение; оскорбление; отдых; наказание; трата имущества; стрельба.

Из чувств и состояний человека средствами интенсивно-экспрессивного словаря характеризуются: состояние раздражения, гнева; состояние увлечённости каким-л. делом; бедность / состоятельность; физическая усталость; безразличие; сильное желание; влюблённость; боль; опьянение; смерть; травма, болезнь; страх.

Из неодушевлённых объектов интенсивами и экстенсивами в словаре Л.Л. характеризуются механизмы, техника, автомобили, оружие (интенсивность работы, качество, функциональность, цена); деньги (трата, потеря); место работы (прибыльность, простота / сложность работы); погодные явления (жара, мороз); фотокамера, фотоплёнка (ее качество); жильё; одежда; алкоголь; стройматериалы; продукты собственного труда: фундамент, печь, фотографии и т.п. (красота, качество).

Выводы

1. Экспрессивность идиолексикона рассматриваемой просторечной ЯЛ является одной из её доминантных черт. В нем выявлено 793 лексических и фразеологических экспрессивов, выражающих мелиоративную (ласкательную, одобрительную, сочувственную, шутливую, а также восхищения) и пейоративную (пренебрежительную, неодобрительную, осудительную, презрительную, насмешливую) эмоциональные оценки, интенсивность и экстенсивность. Коннотации экспрессивов рассматриваемого идиолексикона не всегда совпадают с отмеченными в ЛЯ.

Наиболее распространённым видом коннотативной семантики единиц рассматриваемого просторечного идиолексикона является интенсивность (отмечена в 46% всех экспрессивов идиолексикона); количество экспрессивов, выражающих мелиоративную (отмечена в 31% экспрессивов идиолексикона) и пейоративную (отмечена в 23% экспрессивов идиолексикона) эмоциональную оценку, сопоставимо, однако преобладает в словаре всё же мелиоративная коннотация.

Количественное преобладание мелиоративно-оценочных экспрессивов над пейоративно-оценочными не согласуется с наблюдениями большинства учёных. Характеризуя экспрессивные единицы ГП, лингвисты отмечают обратное соотношение. Например, А.А. Юнаковская, исследуя просторечие г. Омска, замечает: «Отрицательные оценочные единицы по количеству намного превышают положительные оценочные, при этом большинство свойств, оцениваемых отрицательно, получает в живой речи многократное обозначение» [Юнаковская, 1994. С. 20]. Преобладание пейоративно-оценочной лексики в экспрессивном словаре отмечено не только в ГП, но и в языке в целом [Графова, 1991. С. 67]. Это объясняется особенностью человеческого сознания вообще, которое членит отрицательный опыт более дробно и тщательно, чем положительный, воспринимаемый в качестве нормы [Вольф, 1985. С. 19-20].

Предполагаем, что расхождение с выводами других исследователей связано с тем, что в составе экспрессивов в настоящей работе учитывались диминутивы (их насчитывается значительное количество – 217 единиц, и подавляющее большинство выражают мелиоративную эмоциональную оценку), в то время как обычно эти средства, будучи пограничными явлениями между словообразованием и словоизменением, не включаются в словари и часто остаются за гранью исследовательского внимания. В исследовании ЯЛ диалектоносителя, где как составляющая экспрессивно-эмоциональной части лексикона также рассматривались диминутивы, отмечено численное превосходство мелиоративно-оценочной лексики. В целом причины численного превосходства мелиоративно-оценочных экспрессивов следует усматривать «...в особенностях личности

говорящего, для которой позитивная оценка окружающей действительности является доминирующей» [Иванцова, 2002. С. 80].

В целом преобладание мелиоративно окрашенных экспрессивных средств в словаре Л.Л. можно, видимо, рассматривать с одной стороны и как типичную для ГП, и как индивидуальную черту рассматриваемой ЯЛ. С одной стороны, значительное количество мелиоративной лексики и ее широкое использование их в дискурсе обусловлено у представителя просторечной среды своеобразной стратегией завоевания дружеского расположения окружающих в ситуации социальной нестабильности жизни. Частотность диминутивов в идиолекте связана также профессиональной сфере обслуживания, где их употребление расценивается носителем просторечия как реализация категории вежливости. С другой стороны, языковые единицы с мелиоративной коннотацией маркируют у Л.Л. позитивно оцениваемые ситуации в речевых жанрах воспоминания, мечтаний, передают положительное отношение к близким или симпатичным ему людям.

2. Подавляющее большинство экспрессивов идиолексикона Л.Л. относятся к семантическому полю «человек»: описываются его действия, качества, состояния. Антропоцентрический принцип устройства языковой картины мира²⁷ носит универсальный характер, т.е. присущ ЯЛ любого типа [Иванцова, 2002. С. 285]. Анализ семантики экспрессивов выявил наиболее значимые для ЯЛ участки её картины мира, а также основные нормы поведения человека в обществе.

Анализ семантики экспрессивных единиц в лексиконе информанта показывает, что значимыми для ЯЛ носителя ГП являются такие качества человека, как сообразительность, неконфликтность, бесхитрость, а также бескомпромиссность, безрассудство, необузданность, вероломство, безответственность. Важными для информанта действиями человека являются

²⁷ Под языковой картиной мира понимается совокупность знаний о мире, отражённая в языке [Маслова, 2004. С. 51].

акты физического насилия; разрушение, оскорбление, быстрые движения, интенсивный труд, добывание чего-л. с применением силы или с трудом, стяжательство, трата имущества, ведение разгульной жизни, процесс принятия спиртного, получение денег, процесс говорения, назойливое поведение, жизнь в согласии. Значимые чувства и состояния человека – гнев, страх, влюблённость, увлечённость каким-л. делом; потеря работы, бедность, состоятельность, усталость, безразличие, сильное желание, боль, опьянение, смерть.

Область, на которой фокусируется внимание исследуемой ЯЛ, безусловно, включает участки, которые могут быть актуальны для ЯЛ любого типа речевой культуры (например, умственные способности человека, влюблённость, боль, интенсивный труд и т.д.). Однако есть и такие действия, качества, состояния человека, актуальность которых предположительно можно считать типичной именно для ЯЛ просторечного типа: безрассудство, безответственность, физическое насилие, добывание чего-л. с применением силы или с большим трудом, потеря благосостояния или работы, ведение разгульной жизни и процесс принятия спиртного и т.п. ЯЛ носителя ГП приходится сталкиваться с этими явлениями довольно часто.

Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская рассматривают просторечную культуру как традиционную культуру на стадии разрушения, в которой отмечаются архаичные черты, но уже не функционируют многие традиционные регулирующие механизмы: обычай, ритуал, авторитетность общественного мнения [Козлова, Сандомирская, 1996. С. 76]. В результате в среде носителей просторечия распространены некоторые дисгармоничные черты поведения и свойства личности: спонтанность поведения, низкая степень самоконтроля, часто приводящая к злоупотреблению спиртным, к совершению правонарушений; лабильность аффектов, частое применение физического насилия. Распространённость этих черт, наряду с неразвитостью правового сознания, делает жизнь членов просторечного сообщества непредсказуемой [Там же. С. 64-78].

Отсюда – наиболее значимые для носителя ГП нормы, выделенные путём анализа эмоционально-оценочных экспрессивов: трудолюбие, мастерство; предприимчивость, предусмотрительность в поступках, соблюдение нормы в потреблении алкоголя, неупотребление наркотиков; равноправное честное общение с товарищами, способность оказать помощь, пойти на компромисс, сочувствовать страданиям ближнего. Все эти качества, как представляется, имеют ценность потому, что помогают выживать в просторечной среде: нестабильность источника заработка требует от человека не только трудолюбия, но и предприимчивости и разных профессиональных навыков для успешного поиска побочного заработка (в дискурсе Л.Л. частотны единицы *калым*, *калымить*). Из-за слабой способности контролировать свои желания и поведение в просторечной среде распространено и распитие спиртного на работе, и другие неблагоприятные поступки. Это не скрывается от «своих» – надёжных товарищей, напарников; если же кто-то из товарищей вынесет секрет за пределы круга «своих», нарушителю грозят крупные неприятности. Поэтому и в формальных, и в неформальных просторечных коллективах так важна солидарность, взаимовыручка и актуальна тема предательства.

Если к алкоголю в целом у информанта положительное отношение (не одобряется только стадия запоя, когда человек не способен работать и вообще вести обычную жизнь), то употребление наркотиков для Л.Л. – однозначно отрицательное явление. Трудно сказать, является ли такое отношение типичным для ГП в целом, учитывая, что наркомания распространена также и в просторечной среде. По-видимому, здесь играет роль возрастной аспект восприятия действительности: наркомания – сравнительно молодое явление в России, она начала распространяться прежде всего в молодёжной среде, когда информант был уже взрослым, сложившимся человеком, поэтому это явление осталось чуждым для Л.Л. и, видимо, вообще для носителей ГП среднего и старшего возраста.

В ценностной картине мира Л.Л. отмечено в целом негативное отношение к представителям других национальностей: украинцам, евреям, представителям

народов Средней Азии и др. Однако в ходе общения с представителями других этносов враждебность информанта никак не проявляется. Данная особенность также совпадает с наблюдениями Н.А. Купиной и И.В. Шалиной над просторечным дискурсом: «исследуемый материал обнаруживает наличие некоторых этнических предрассудков, однако национальная враждебность в диалогическом взаимодействии нами не зафиксирована» [Купина, Шалина, 2004. Электронный ресурс]. Это позволяет отнести рассматриваемую черту к типично просторечным.

К гендерным особенностям носителя ГП предположительно можно отнести частотные оценки техники, а также высокую оценку женской красоты, причём другие качества женщины не находят отражения в идиолексиконе информанта: женщина чаще всего оценивается только по внешним данным. Такая оценка соответствует наблюдениям Н.А. Купиной и И.В. Шалиной, которые отмечают, что в дискурсе носителей ГП женщина «...выступает как объект вождления, похоти, удовлетворения естественных потребностей, но не душевной привязанности» [Купина, Шалина, 2004. Электронный ресурс].

К индивидуальным ценностям рассматриваемой ЯЛ – человека общительного и склонного к шуткам – предположительно относятся такие качества человека, как остроумие и весёлый нрав.

3. Неодушевлённые предметы занимают в языковой картине мира рассматриваемой ЯЛ скромное место. Среди них информант чаще всего оценивает с разных сторон технику, механизмы, жильё, качество еды, скорость расходования денег, продукты собственного труда (фотографии, объекты ремонта и т.д.), редко – погодные явления (*жарища, холодом прёт*). Примечательно, что в экспрессивном словаре Л.Л. отсутствуют единицы, относящиеся к теме природы, почти не представлена она и в дискурсе информанта.

4. Отмечается более широкое, чем в ЛЯ, использование информантом некоторых экспрессивных средств (диминутивов и экстенсивов с семантикой смягчительности) в реализации категории вежливости, которое, по-видимому, является общей чертой диалектной и просторечной речи (ср. использование

смягчительных средств в дискурсе диалектоносителя [Иванцова, 2002. С. 75-76; 287]).

Глава 3 Стилистическая сниженность как доминантная черта лексикона просторечной языковой личности

3.1. Проблема стилевой дифференциации в городском просторечии. Определение понятия стилистической сниженности

Проблему стилевой организации языковой системы можно считать одной из центральных, определяющих ее сущностные свойства²⁸. Внимание исследователей издавна привлекает прежде всего литературная разновидность национального языка, хорошо описанная с точки зрения как характеристик функциональных стилей, так и идиостилей писателей. На этом фоне вопрос о стилях некодифицированных подсистем, существующих в бесписьменной форме, остается почти не изученным.

Стилевая дифференциация местных говоров рассматривалась в работах Р.А. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Л.М. Орлова, И.А. Оссовецкого, С.Э. Мартыновой и др., однако мнения относительно количества стилей в диалектах и критериев их выделения весьма противоречивы. Еще в меньшей степени исследовано с этой точки зрения ГП. Достаточно распространённым является представление о том, что эта подсистема языка является стилистически недифференцированным образованием [Капанадзе, 1984. С. 127; Гольдин, Сиротинина, 1993. С. 13 и др.], однако специального исследования, посвящённого исследованию стилей в данной подсистеме языка, пока нет.

Кроме того что ГП генетически связано с говорами, близки к диалектным и просторечные условия реализации речи (преимущественно неофициальное, спонтанное, персональное, контактное общение), и основная сфера коммуникации (бытовая). Это даёт основания предполагать, что стилевые стратификации в говорах и в ГП имеют много общего.

²⁸ При описании стилевой дифференциации в ГП использованы материалы статьи [Соломина, 2016].

В большинстве работ учёные, обращаясь к проблеме разграничении стилей в говоре²⁹, исходят из трихотомической системы «высокий – средний – низкий», по-разному интерпретируя наполненность этих стилей. Например, Л.М. Орлов к сниженным относит все диалектные единицы [Орлов, 1970, С. 15], О.И. Блинова соотносит низкий стиль с обиходно-разговорной речью [Блинова, 1975. С.80]. Л.И. Баранникова, напротив, считает, что обиходно-бытовая речь в говоре не является сниженной [Баранникова, 1967. С. 20].

Е.В. Иванцова, исследуя стилевую организацию дискурса диалектоносителя В.П. Вершининой, также считает обиходно-бытовой стиль в говоре не сниженным, а средним, основным, поскольку «...обыденное стоит в центре жизни диалектоносителя» [Иванцова, 2003. С. 136]. Кроме обиходно-бытового, исследователь выделяет в диалекте высокий и низкий стили, дифференциация которых определяется содержанием (тематикой) общения, характером коммуникативной ситуации и жанровой принадлежностью текста, а также стилистически маркированными языковыми особенностями. При этом наблюдения показали, что в диалекте стилевая стратификация «...не затрагивает конструкций предложения, грамматики и произносительных норм. К дифференцирующим элементам можно отнести: просодическое оформление высказываний; группы лексики, различающиеся понятийной соотнесенностью со сферой обыденного, высокого или низкого; характер коннотативной семантики экспрессивно-эмоциональной лексики; единицы лексического уровня, входящие в стилевые парадигматические противопоставления» [Иванцова, 2003. С. 140].

Говоря о свойствах единиц идиолексикона носителя ГП, необходимо остановиться на определении основных понятий, используемых в ходе анализа. Одним из таких понятий является стилистическая сниженность.

Понятие сниженности восходит к термину стилистики «сниженный стиль». В одном из значений стили языка – «...разновидности средств национального языка, которые традиционно закреплены за наиболее общими сферами социальной

²⁹ Подробнее об этапах изучения стилевой организации диалекта см. [Блинова, 1975. С. 75-79].

жизни, объективно отражают в себе историю складывания языка и меру престижности того или иного способа речевого общения <...>. Различают стили нейтральный <...>, высокий <...> и сниженный <...>. Типология в целом опирается на „теорию трёх штилей“ М.В. Ломоносова» [Матвеева, 2010. С. 464–465].

По замечанию В.В. Сдобникова, «сниженность давно уже принимается лингвистами как нечто само собой разумеющееся, существующее объективно и присущее единицам разных уровней. По этой причине до сих пор не дано удовлетворительного определения сниженности» [Сдобников, 1992. С. 19].

В многочисленных работах, посвящённых анализу сниженной лексики и фразеологии, при толковании сниженности авторы отталкиваются от понятия литературной нормы и считают сниженным всё ненормативное, например: «Стилистически сниженные высказывания – это такие высказывания, единицы которых <...> не соответствуют норме данного языка, иначе говоря, его стандарту, и относятся к языковому субстандарту» [Яковлева, 2008. С. 12].

Иногда авторы, не определяя сниженность, относят к сниженным не только нелитературные (жаргон, просторечие), но и разговорные единицы, входящие в ЛЯ: это объясняется тем, что разговорная речь традиционно считается более сниженной, чем книжные стили ЛЯ [Химик, 2014. С. 60-61].

В.В. Сдобниковым предпринята попытка определить сниженность через характеристику сфер общения, которым свойственно употребление этих единиц. Под сниженностью исследователь понимает коллективно принятую и коллективно осознанную соотнесённость языковых средств с ситуациями общения, имеющими минимальную социальную значимость. «Стилистически сниженные единицы – это те языковые средства, которые закреплены за сферой непринуждённого общения, за неофициальными ситуациями» [Сдобников, 1992, С. 21-22].

Описанные подходы к сниженности применимы к анализу средств, являющихся сниженными с точки зрения ЛЯ, однако не могут быть использованы при анализе сниженных единиц в других подсистемах языка, поскольку они

основаны на описании признаков сниженных единиц, а не их сущностных характеристик. В.В. Сдобников, например, отмечает, что его определение сниженности неприменимо для диалектов [Сдобников, 1992. С. 23], и, кажется, для ГП, поскольку здесь, как и в говорах, непринуждённое общение нельзя расценивать как имеющее минимальную социальную значимость.

Попытаемся подойти к определению категории сниженности исходя из анализа семантики прилагательного «низкий», его синонимов и антонимов.

Низкий определяется как «лишенный возвышенного, глубокого содержания; обыденный, обыкновенный» [МАС], «лишённый духовности, возвышенного содержания» [БТСК]; синоним прилагательного *низкий* – *приземлённый* – как «обыденный, житейский, чуждый возвышенных, духовных стремлений» [МАС], «сугубо материальный, практический (об интересах, чувствах, делах)» [СОЖ]. Ср. значения антонимов *высокий* «полный глубокого, необыденного содержания; возвышенный» [МАС], *возвышенный* «полный высокого значения, содержания, благородных чувств и мыслей» [МАС].

Анализ приведённых выше дефиниций позволяет определить сниженность как соотнесённость означаемого, выраженного той или иной единицей, в сознании носителей языка со сферой приземлённого, которая исключает идею наличия в означаемом духовного начала или какого-л. иного глубокого содержания. В этом понимании сниженность близка по смыслу к понятию профанирования – такому типу искажения, при котором духовное, сакральное низводится к профанному, примитивно-механистичному; в ходе профанирования также происходит принижение, вплоть до полного отрицания, духовной значимости чего-л.

Употребление сниженной единицы позволяет говорящему, таким образом, представить то или иное действие, явление, признак и т.п. приземлённым, чуждым глубокого содержания.

Если рассматривать сниженность как семантическую категорию, то её можно было бы объяснить через процесс профанирования: в сниженной единице

профанируется семантика, заключённая в денотативном компоненте её значения, чего не происходит в единице стилистически нейтральной.

3.2 Место стилистической сниженности в семной структуре лексического значения слова

Вопрос о том, является ли сниженность компонентом семантики и если является, то каково место стилистического компонента в семантической структуре слова, носит дискуссионный характер. По этому вопросу высказываются полярные точки зрения.

Как было отмечено ранее, Н.А. Лукьянова считает, что, хотя стилистическая маркированность экспрессивов и детерминирована семантикой последних, данное свойство не входит в их лексическое значение и является функциональным по своей сути [Лукьянова, 2009. С. 214].

В.В. Сдобников также отмечает, что «...стилистический компонент, по сути, не имеет непосредственного отношения к предметному содержанию словесного знака, а указывает лишь на правила и возможности функционирования слова в определённой речевой ситуации», однако предлагает включить этот компонент в лексическое значение слова в качестве отдельного, функционально-стилистического макрокомпонента значения, наряду с денотацией и коннотацией [Сдобников, 1992, С. 56].

В то же время многие исследователи включают стилистический компонент в состав коннотативной семантики лексической единицы, наряду с эмоциональными, оценочными и интенсивными семами [Арнольд, 1981; Телия, 1986; Васильев, 1990 и др.]. В.Н. Телия, рассматривая стилистический компонент как часть коннотации, отмечает, однако, что экспрессивность стилистически маркированных единиц возникает всё же «... за счёт внешнего для значения (разрядка наша – Е.С.) соизмерения со средствами, нейтральными для данного стилового пласта» [Телия, 1986, С. 125].

И.А. Стернин, анализируя причины разногласий учёных в определении статуса стилистического компонента, отмечает, что основной трудностью в этом

вопросе является наличие в русистике двух параллельных систем стилистического деления лексики: с одной стороны, функциональных стилей, с другой – экспрессивных стилей. «Функционально-стилистический компонент в значении слова обычно понимается как указание на преимущественную сферу употребления слова – книжная (официально-деловая, научная, публицистическая, художественная) и разговорная речь. <...> "Экспрессивно-стилистический" компонент обычно понимается как указание на некоторое отношение говорящего к предмету речи – фамильярный, возвышенный, поэтический, просторечный, вульгарный, профессиональный и другие оттенки значения. Обычно эта классификация принимает вид "возвышенное – нейтральное – сниженное"» [Стернин, 1979. С. 112].

И.А. Стернин вслед за большинством других (см., напр., [Петрищева, 1972. С. 110–111] и др.) соглашается с тем, что эти две системы целесообразно совместить в одну и выделяет три разновидности стилистического компонента семантики слова: нейтральный (межстилевой), книжный (слова с пометами спец., термин., мед., биол. и т.д.; книжн., литер.-книжн., возвыш., арх., поэтич., офиц., риторич. и т.д.) и разговорный (слова с пометами разг., фам., простор., бран., груб., грубо-простор., ласк., пренебр., презр., уничиж., вульг. и т.д.) [Стернин, 1979. С. 112–113], при этом книжный стиль соотносится с высоким, разговорный – со сниженным экспрессивными стилями.

Такое совмещение функционально-стилистического и экспрессивно-стилистического деления лексики в одну систему позволяет учёному сделать вывод о том, что стилистический компонент значения, входя в коннотацию, характеризует условия общения (согласно функционально-стилистической классификации) [Стернин, 1979. С. 114], при этом упускается из виду способность стилистического компонента характеризовать «некоторое отношение говорящего к предмету речи» [Там же. С. 112] (что можно выявить в рамках «экспрессивно-стилистической» классификации).

Если обратиться к стилевой организации ГП, то в данной подсистеме языка выделяется только стилевая система, соотносимая с экспрессивными стилями в

ЛЯ; система функциональных стилей отсутствует. Поэтому представляется логичным, что стилистически маркированное в рамках ГП просторечное слово не характеризует условия общения, а сигнализирует о «некотором отношении говорящего к предмету речи». Это означает, что стилистическая маркированность (а именно сниженность) в ГП – системное свойство лексических и фразеологических единиц и входит в состав их семантики в качестве стилистического компонента.

3.3 Определение некоторых понятий, относящихся к категории сниженности: «обсценизмы», «скатологизмы», «мат»

Прежде чем приступить к анализу сниженных единиц идиолексикона просторечной ЯЛ, необходимо определить некоторые понятия, характеризующие разные аспекты сниженности, а именно термины «обсценная лексика», или «обсценизмы», «скатологическая лексика», или «скатологизмы», и «мат».

Обсценная лексика определяется как лексика «непристойная, бранная, запрещаемая нравственными установлениями социума» [Матвеева, 2010. С. 253]; «непечатные слова и выражения» [Там же. С. 80]», «сегмент ненормативной лексики, включающий в себя наиболее грубые, непристойные, вульгарные слова и выражения» [Козырева, 2013. С. 8-9]. Эти единицы табуированы³⁰ прежде всего по причине этической ненормативности, «из которой следует и лингвистическая ненормативность» [Химик, 2000. С. 196].

Границы обсценной лексики чётко не определены. Иногда обсценная лексика отождествляется с понятием «мат» [Жеребило, 2011; Школа В.Д. Девкина, 2010; Кулаков, 2011 и др.], некоторые учёные рассматривают термин «мат» как ненаучный, обиходный дублет термина «обсценная лексика»: «под обсценной лексикой традиционно понимаются стилистически сниженные лексические единицы, связанные с сексуальной сферой человеческой жизни, а также с

³⁰ Табу представляет собой «...строгое ограничение, запрет на употребление отдельных слов, выражений, речевых действий, обусловленный этическими, религиозными, историко-культурными, социальными причинами» [Матвеева, 2010. С. 475].

процессами дефекации (обиходным синонимом obscenity лексики является слово «мат») [Кулаков, 2011. С. 32]. «Термин "обсценный", "обсценная лексика" представляется... по ряду причин наиболее удобным и адекватным для обозначения того, что в обиходе называют "матом"» [Шарифуллин, 2000. С. 108]; «В повседневном обиходе obscenity лексику называют «мат» [Щербинина, 2012. С. 118].

Другие исследователи различают термины «мат» и «обсценная лексика» как часть и целое [Мокиенко, 1994; Михайлин, 2000; Матвеева, 2010]. Согласно этой точке зрения, obscenity лексика делится на два разряда, различающихся степенью сниженности: скатологическую лексику – «слова, связанные с обозначениями телесного низа и физиологическими отправлениями человека (*жопы, насрать*) и мат – табуированную лексику, грубую непристойную брань» [Матвеева, 2010. С. 81]. В.М. Мокиенко отмечает, что степень сниженности по-разному распределяется между скатологической лексикой и лексикой, соотносимой с сексуальной сферой, в разных культурах. В славянских языках (исключая чешский) к более сниженной части obscenity пласта слов – мату – относятся номинации, соотносимые с сексуальной сферой, скатологизмы менее снижены и к мату не относятся [Мокиенко, 1994].

В настоящей работе принята последняя точка зрения, согласно которой внутри obscenity единиц выделяются скатологизмы и мат.

К определению термина «мат» существует три основных подхода. В широком понимании мат, как уже было сказано, отождествляется с obscenity лексикой в целом, то есть включает скатологизмы. В узком понимании к мату относятся только выражения, сопрягающие коитус с матерью, то есть выражение *ё* твою мать* и его вариации [Успенский, 1994; Жельвис, 1997. С. 283].

Третий подход к определению границ мата – перечисление корней слов, которые, включая их лексические дериваты, относятся к данной группе табуированных единиц. По замечанию В.И. Жельвиса, в каждом языке существует свой, довольно небольшой список слов – так называемая «dirty dozen» («грязная дюжина»), составляющий ядро непристойной табуированной

лексики того или иного языка [Жельвис, 1997. С.46]. В качестве такого ядра все исследователи этой лексики в русском языке называют три корня: *х**-, н**д- и е*-* [Мокиенко 1994; Левин, 1998. С. 809; Михайлин, 2000. С. 358; Химик, 2000. С. 196 и др.]. Кроме ядра, выделяется также периферия мата, к которой разные исследователи относят некоторые другие слова, относящиеся к сексуальной сфере: *сука* [Левин, 1998. С. 809], *б**дь, сука, манда* [Химик, 2000. С. 196]; *б**дь* [Жельвис, 1997, С. 283]; *б**дь, муде, манда, елда* [Плущер-Сарно, Электронный ресурс]³¹.

В настоящей работе придерживаемся последнего, третьего подхода к определению границ мата, как наиболее распространённого. Обобщая мнения учёных, отнесём к мату единицы, содержащие корни *х**-, н**д-, е*-, б**дь*, к периферии данной категории слов отнесём лексему *сука*.

В.И. Жельвис считает, что табуированные сниженные единицы с точки зрения семантической структуры отличаются от нетабуированных слов и выделяет в семантической структуре табуированных единиц так называемую *табу-сему* (термин предложен В.А. Булдаковым [Булдаков, 1981]), представляющую собой единицу смысла, назначение которой – шокировать участников общения [Жельвис, 1997. С. 56].

На наш взгляд, определение табу-семы нуждается в уточнении. Шокирование собеседника, о котором идёт речь в определении, – это, возможно, одна из функций табуированной лексики, реализующаяся в ЛЯ. Представляется сомнительным, что использование мата так же шокирует носителей ГП. Значение табу-семы можно, по-видимому, определить как «нечто крайне непристойное, находящееся за пределами норм и приличий».

Табу-сема, таким образом, входит в состав семантической структуры мата как наиболее сниженной и табуированной категории единиц. Однако, если

³¹ Издание не является академическим, однако заслуживает внимания подход автора словаря к понятию мата, основанный на обобщении мнений по этому вопросу рядовых носителей языка по результатам широкого опроса пользователей сети Интернет.

говорить о ГП, наличие табу-семьи в скатологизмах сомнительно, ввиду их меньшей, по сравнению с матом, степени сниженности³².

Таким образом, обценные единицы – пласт наиболее сниженных лексических и фразеологических средств, представленных максимально сниженным и табуированным матом – единицами, связанными с сексуальной сферой жизни, и скатологизмами – единицами, связанными со сферой дефекации и деуринации, обладающими меньшей, чем мат, степенью сниженности.

3.4 Специфика употребления обценизмов носителем городского просторечия

Единой точки зрения и на то, как распределяется употребление обценизмов между носителями ЛЯ и нелитературных вариантов языка, среди исследователей нет.

Известно, что обценная лексика может использоваться членами всех социальных групп. В.И. Жельвис приводит убедительные примеры в пользу того, что «ограничения на употребление непристойного словаря могут частично или полностью игнорироваться в любом классе общества, в том числе самом образованном, включая высших политических деятелей, видных учёных, художников и т. д.» [Жельвис, 1997. С. 61].

Отмечается, что специфика употребления обценизмов в ГП состоит, во-первых, в более частом их использовании, злоупотреблении ими [Школа В.Д. Девкина, 2010. С. 95; Гольдин, Сиротина, 1993. С. 13] и, во-вторых, в малой выразительности обценизмов, употребляемых «без желания достигнуть особого эффекта» [Школа В.Д. Девкина, 2010. С. 95]; «...не в качестве ругательств, вызванных пылом ссоры, а в качестве привычных „слов-паразитов“» [Гольдин,

³² На разную степень сниженности тех или иных слоёв лексики в ЛЯ и нелитературных вариантах языка указывает и В.И. Жельвис: «...Не может быть ничего более ошибочного, чем определять норму какого-нибудь подслоя "со стороны", не пытаясь войти в мироощущение носителей этого подслоя. <...> В словаре фермера или батрака могут быть слова, которые и он, и окружающие воспринимают совершенно спокойно; это, например, стандартные наименования частей тела животных или соответствующих действий – "морда", "брюхо", "жопа", "срать". В личном словаре филолога эти же слова выглядят как бесспорные "гробанизмы" <...>. Для фермера же это обычные стандартные наименования» [Жельвис, 1997. С. 75].

Сиротинина, 1993. С. 13], обладающих «малой или нулевой эмоциональностью» [Жельвис, 1997. С. 320].

В.И. Жельвис указывает, что для носителя ГП обценизмы являются «привычным средством общения», и объясняет это бедностью словаря говорящего, вынужденного использовать одни и те же слова для выражения «обуревающих его эмоций» [Жельвис, 1997. С. 48-49]. Однако анализ словаря и дискурса нашего информанта показывает, что данный тезис нельзя признать полностью справедливым: Л.Л., в некоторых речевых ситуациях употребляющий большое количество обценизмов, в других речевых ситуациях «переключается» на необценное общение, причём темп речи Л.Л. остаётся быстрым, пауз хезитации не больше, чем при обценном общении.

Таким образом, обценные единицы могут употреблять не только носители ГП, однако употребление обценизмов в ГП имеет ряд особенностей: высокая частотность, малая эмоциональность, а также некоторая «бесцельность» употребления.

3.5 Стиливая дифференциация лексических и фразеологических единиц в лексиконе носителя городского просторечия

Анализ лексико-фразеологического уровня дискурса Л.Л. выявил стилевую неоднородность единиц: в разных коммуникативных ситуациях проявляются нейтральный и сниженный стили. Выделение высокого стиля оказалось проблематичным. Тексты, которые тематически должны были бы представлять высокий стиль (философские рассуждения о «высоком»: человеческой природе, смысле бытия и т.д.), на лексическом уровне часто представляют собой смешение разностилевых, в том числе сниженных, единиц: *Это человек без души [об опустившемся товарище, который после приёма порции алкоголя уснул в песочнице]. А когда у человека есть – слышь, братан – а когда у человека есть душа, когда у человека есть цель – есть жи-изинь. Если её нет ничего – ты пустое место. Тебя нету вообще, не-ту. Ты исчезнешь. Я прав, нет? (смех) Это философия; Б**дь, организм, б**дь, у человека очень сложный. И вообще, он,*

*знаешь – он беспредельно си-ильный – знаешь, он... вот эти наши мышцы – они крепче, чем металл, они сильнее всего, на х** – понимаешь?*

Поскольку высокий стиль, по крайней мере, на уровне анализа идиолекта, выделить не представляется возможным, будем считать, что стилевая система дискурса просторечной ЯЛ представлена двумя стилями: нейтральным и сниженным.

Стилистическая сниженность, как и экспрессивность, – не абсолютная общезыковая категория, т.е., например, единица, сниженная в ЛЯ, может иметь нейтральный характер в других подсистемах языка и наоборот. Это обстоятельство делает квалификацию сниженности единиц в нелитературных подсистемах языка непростой задачей³³.

Е.В. Иванцова, основываясь на анализе дискурса В.П. Вершининой, выделяет дифференцирующие элементы низкого стиля в текстах диалектоносителя: понятийная соотнесённость со сферой низкого, просодические признаки (интонация неодобрения, пренебрежения, осуждения, иронии, грубый тон, отрывистость произношения); лексика резко негативной оценки, бранная лексика; участие единицы в стилевых парадигматических противопоставлениях [Иванцова, 2003. С. 140-143, 136-137]. «О ненормативности этих единиц можно судить на основании преимущественно заочного употребления бранных и негативно-оценочных слов в адрес субъекта оценки, отказа от использования сниженных элементов в присутствии малознакомых людей, а также скрытых показаний языкового сознания говорящего, проявляющихся в эвфемистических заменах таких наименований, их сознательном пропуске в речи, замещении слова жестом, шепотном произношении грубых слов, формулах извинения при их употреблении, образовании смягченных форм при отрицательной характеристике субъекта» [Иванцова, 2003. С. 141].

³³ Определение сниженности единиц в ЛЯ, в отличие от ГП и говоров, может опираться на интуицию исследователей, являющихся носителями ЛЯ.

В процессе наблюдения над речью носителя ГП также были выявлены некоторые показатели сниженности из выделенных Е.В. Иванцовой: заочное употребление бранных и негативно-оценочных слов в отношении адресата оценки, просодические признаки при произнесении бранных слов, отказ от использования сниженных элементов в присутствии отдельных категорий людей, а также в некоторых ситуациях общения, иногда – эвфемистические замены сниженных единиц, редко – формулы извинения при употреблении сниженных средств. В ряде случаев анализ идиолексикона Л.Л. выявил также наличие стиливых парадигматических противопоставлений.

На основании перечисленных показателей те или иные единицы в текстах Л.Л. были отнесены нами к сниженным.

Таким образом, в составе словаря рассматриваемого носителя ГП выявляется два пласта единиц: стилистически нейтральные и сниженные.

При анализе стилистически сниженных единиц идиолексикона носителя ГП, важно помнить, что отождествление понятий «просторечное» и «стилистически сниженное» правомерно только внутри ЛЯ и не может быть принято при рассмотрении просторечного дискурса. Причина такого отождествления – многозначность термина «просторечие», о которой говорилось выше.

В системе ЛЯ литературное, или стилистическое просторечие (часто называемое без определения – просторечием), имеющее своим источником ГП, является стилистическим средством, поэтому все единицы, имеющие в словарях помету *прост.*, являются сниженными: «в общелитературном речевом обиходе термин «просторечие» нередко употребляют как обозначение отдельного слова или оборота «сниженной» грубоватой или грубо-фамильярной окраски» [Бельчиков, 1990. С. 402].

Это обстоятельство может привести к заблуждению, что и с точки зрения ГП вся лексика и фразеология этой подсистемы языка имеет сниженный характер. В действительности ситуация иная. По нашим наблюдениям, и в дискурсе, и в словаре рядового носителя ГП преобладают стилистически нейтральные единицы. Часть из них – общие для всех подсистем языка нейтральные слова и выражения:

хлеб, рука, телефон, большой, говорить, жить в своё удовольствие, в первую очередь и т.д.

Однако другую часть нейтральных средств идиолексикона Л.Л. составляют слова, относящиеся в ЛЯ к сниженным. Так, *бабка* в значении «старая женщина, старуха» в толковых словарях ЛЯ имеет помету «прост.», следовательно, оценивается как стилистически сниженное. В идиолексиконе Л.Л. эта лексема нейтральна: *А найдёшь какую-нибудь там женщину, там **бабку** св... там по своим годам – и будешь с ней, слушай, время коротать...; Ну где я фотал на свадьбе – помнишь, да? – нету ни **бабки**, ни Афанасьича нету – они умерли.* Подобных примеров в словаре информанта много: *Айда сюда, ребята!; Ох, она по ногам бьёт, медовуха, капитально; Куда пошли, **братва**? А кто в карты будет играть?; Я с ними **вась-вась** живу; **Врачи** не может со мной ничего сделать – телефон – я уже сверху наблюдаю всё это: я вижу себя-я, стол вижу, слышь?; И вот я её [фотографирующуюся женщину] посадил прямо на траву – ну, **заднице** там постелили – а платье так вокруг расстелили; Я там **подженился** – с женщиной сошёлся; Не, а в старой фотографии это было – **навалом** этого освещения; Поверь мне: если щас [музыка] будет орать, это будет не **гулянка** – это будет базар, слышь?*

Есть и обратные (правда, единичные) примеры: нейтральные в рамках ЛЯ единицы *гей, трансвестит* в идиолексиконе Л.Л. являются сниженными и, кроме того, бранными единицами с обобщённым значением «крайне плохой, презренный человек»: *Г.: Всё выгребли [сотрудники милиции] – вообще ноль. Сигареты хоть, слава богу, оставили. – Л.Л.: Вот **геи**, б**дь, а! Ну **трансвеститы** же ведь, скажи, да?*

3.6 Характеристика сниженных единиц в лексиконе и дискурсе просторечной языковой личности

В.В. Химик указывает на то, что стилистически сниженные единицы неоднородны, они имеют разную степень сниженности [Химик, 2014]. Это справедливо не только для ЛЯ, но и для идиолекта носителя ГП. В сниженной

части идиолексикона Л.Л. можно условно выделить 3 группы разной степени сниженности.

1. Незначительно сниженные единицы немногочисленны (9 лексем): *башка, бурдюк, морда, рожь, копыта, жрать, коньки отбросить, переться, сдохнуть*. Они характеризуются наличием в идиолексиконе Л.Л. парадигматических противопоставлений, т.е. имеют стилистически нейтральные синонимы (*башка* – *голова*, *бурдюк* – *живот*, *морда* – *лицо*, *копыта* – *ноги*, *жрать* – *есть/исть/ись*, *коньки отбросить* – *умереть* и т.д.), а также некоторыми ограничениями в употреблении. Так, информант избегает использования подобных единиц в рамках официального общения (например, в фотоателье с клиентами). В ситуациях неофициального общения Л.Л., как правило, свободно использует незначительно сниженные единицы, когда говорит о себе или об отсутствующих лицах: *Знаю, что ты мне свежину готовишь, сало жарошь. Ты хочешь, чтобы у меня морда была шире, чем фотоаппарат, да? [дома, с женой, в присутствии гостей]; М. [знакомый]: Я тебя представляю с метлой! (смех) – Л.Л.: Ходи-иш, слушай! Серёга, ходил, клянусь. А чё тут такого? Жрать-то хочется, ну [о своей работе в качестве дворника].* Если же речь идёт о присутствующих, Л.Л. склонен использовать нейтральные синонимы незначительно сниженных единиц: *Н. [жена]: Меня сегодня Андрюша беспокоит. – Л.Л.: Не ест ничего – одно молоко токо пьёт [о звукооператоре съёмочной группы, приехавшем в Чистоозёрное на съёмки; в присутствии других членов съёмочной группы].*

Часто нейтральные варианты в контекстах, где можно было бы, исходя из наблюдений над текстами Л.Л., ожидать употребления сниженных единиц, используются информантом в беседе с женщиной в процессе ухаживания: *Даже вот, знаешь – по статистике, вот это, на подводных вот лодках – это вот – ну-у – у моряков там – матросов меняют местами, постоянно. Чтоб постоянно одни и те же лица они не видели – это как (нрзб.) психоз идёт – и вот, их местами постоянно меняют; Я есть не хочу, слышь. Куда есть – ты чё [в разговоре с подругой].*

Л.Л. может избегать употребления минимально сниженных единиц и в ситуации неофициального общения в присутствии незнакомых или малознакомых людей: *Она [кондуктор троллейбуса, упавшая после резкого торможения] поднялась, такое у неё **лицо**, знаешь, оскорблённое... [в компании гостей дочери, среди которых много незнакомых людей]*. Однако подобные ситуации в практике общения информанта редки.

2. Значительно сниженные необсценные бранные единицы представлены более широко (37 лексем): *быдло, вонючий, гнида, двухвоска, дешёвка, дурила, жмот, козёл, лох* и т.д. Все они являются экспрессивными характеристиками человека, выражающими пейоративную эмоциональную оценку (обычно презрения).

Такие единицы характеризуются рядом показателей сниженности: во-первых, они всегда выделены в речи информанта интонацией неодобрения, пренебрежения, осуждения, отвращения, часто произносятся грубым тоном, отрывисто. Во-вторых, Л.Л. употребляет единицы данной группы заочно, в отсутствие адресата брани: *Вот так вот я и жил с этими **козлами**, б**дь [со знакомым, о родственниках бывшей жены]; М. [напарник]: Ну и факт то, что это, б**дь, мы с нём – приходит он [начальник] – потом — и сынок этот ё**ный, б**дь. – Л.Л.: А, **ублюдок** этот, б**дь [о сыне начальника]?; Тот, **козёл**, б**дь, обещал, сука, забрать, на х**. Договорились же, **с-сволочь**, б**дь [о сыне, который, вопреки договорённости, не заехал за Л.Л.]*.

Говорящий, таким образом, стремится не нанести обиду кому-л. или уязвить кого-л., а скорее лишь «выпустить эмоциональный пар», по образному выражению В.И. Шаховского [Шаховский, 2009, С. 57].

Ситуациями, ограничивающими использование информантом значительно сниженных слов, являются официальное общение, присутствие незнакомых людей, людей с высоким статусом и женщин.

Зафиксированы единичные случаи метаязыковой рефлексии о допустимости сниженного слова: *Ну, где-то пивка поставил, где-то там... чё-то подкин... – ну как ментам – ты знаешь, как всё делается – дел... ну, я не деловой, нет – всё*

равно там, Вета, они ни-иво даже, где-то чё-то – дешёвкам-ментам. Ой, чё-то... чё-то я так резко сказал, да? В данном случае Л.Л. испытывает некоторое смущение перед непривычным для него собеседником – женщиной из интеллигентной среды, носителем ЛЯ (автором настоящей работы). После того как информанту дали понять, что он может говорить «как обычно», тот, освоившись, употребляет гораздо более сниженные единицы без комментариев. Еще один подобный случай – поправка с х** на *хрен* в присутствии подруги и дочери: *Н. (дочь): Вот у них рамси'ли, рамси'ли, короче – сеструха там чё-то – ну, мамаша всё хотела её выселить оттуда – ну и рамс произошёл – она сестру толкнула – сестра поломала два ребра. <...> И вот суд приговор вынес – по истечению – ну, короче, когда ребёнку будет три года – то её на полторашку посадят [о знакомой дочери]. – Л.Л.: Ни ху... ни ху... – извини – ни хрена себе!* Примечательно, что далее в этом же полилоге Л.Л. использует единицы мата без комментариев.

Таким образом, метаязыковая рефлексия при произнесении сниженных единиц для информанта скорее нехарактерна.

3. Максимально сниженные обценные единицы составляют самую обширную группу (128 лексико-фразеологических номинаций) сниженных единиц идиолексикона Л.Л.

Считаем целесообразным рассмотреть две названные группы обценизмов отдельно друг от друга, поскольку скатологизмы и мат обладают разной степенью сниженности.

3.6.1 Скатологизмы

В идиолексиконе Л.Л. насчитывается 16 скатологизмов. Они представляют собой дериваты пяти корней: *говно, жопа, срать, ссать, пёрнуть*. К данной группе мы условно отнесли также менее сниженные лексемы *дерьмо* и *яйца* «яички».

7 скатологизмов Л.Л. использует для обозначения органов и функций телесного низа: *Собак выгуливают, слышь, гадят же, слушай, я говорю: «Ты это,*

*бабки отстёгивай, чтобы дерьмо убирать за этой, собакой»; Ну оно коммуналка – чё ты хочешь! Это же спокону веков – скандалы эти: не там прошёл, не там сел, не там пёрнул...; Т. [случайный знакомый, собутыльник]: Вон на лестнице иди, на х**, ссы. – Л.Л.: Да я тоже ссать хочу, ё* твою – пи**ец, на х**! Аж мочевой аж лопаётся, на х**. Короче, ты зесь сиди, а мы вон пойдём поссым, ага? Пошли поссым [второму знакомому].*

«Прямое название всех физиологических отправлений» рассматривается учёными как наиболее заметная черта ГП [Капанадзе, 1984. С. 127]. Однако только 3 слова из 7 названных не имеют в идиолексиконе информанта переносных значений и используются исключительно в номинативной функции. Остальные скатологизмы или имеют переносное экспрессивное значение, или представляют собой однозначные экспрессивные наименования необсценных понятий, за редким исключением – пейоративно-оценочные: У меня вон зять был – ну вот Настин Лёша – я его так держал, потому что он, знаешь, он говно, на х**!; Вот, Россия, да? Двадцать первый век – на таком дерьме [о старом троллейбусе] – стоко металла, металлолома – всё за границу продают, а здесь...; Ю. [друг]: Сложно их мотать [о сборке сварочного аппарата], и муторно это, б**дь! – Л.: И муторно – пи**ец, жопа, на х**!; М.: Лёха, знаешь чё? Ты же слышал, на х**, эту х**ню, что меня хотели с вас старшим поставить, б**дь, смены, на х**. – Л.Л.: Ну это... это они просто са-ами, на х**, сами, это серут [сплетничают], на х**; Л.Л.: Если он, слушай, пока ссыт за свою жопу [опасается], на х** – так он ссыт, на х**. Даже вот и Потанина взять – он же двухво-оска, на х** – понятно же, что он двухвоска, на х**. Жополиз! [о рабочем из другой смены].

Отмечено несколько экспрессивно-интенсивных скатологизмов без эмоциональной оценки: Мне-то тоже надо [устраивать личную жизнь]! Она-то молодая [дочь], а мне-то жить-то осталось – тьфу! Насрать [ничтожно мало], ну!; Вишь, я сделал [сварочный аппарат]. Но жарит – пи**ец! Бешеная, ссука, б**дь! Ж-жопа [предельное по интенсивности проявления], на х**!

Экспрессивные скатологизмы, как и экспрессивные единицы мата, обозначают не связанные с телесным низом предметы, действия, признаки.

Скатологизмы идиолексикона Л.Л. иногда могут выступать и как неэкспрессивные наименования реалий, не связанных с телесным низом: *Жопу [заднюю часть автомобиля] вытянем вообще – тыща процентов!; Только вхолостую дал им [деталям механизма] **просрать** [разработаться, разогреться] – всё, затарабанил, б**дь – заговорил двигатель!; Откуда взя... эти черви берутся, слушай? То ли мухи, на х**, **серут** [откладывают личинки], то ли чё, б**дь?* Эта способность также объединяет скатологизмы и единицы мата.

Сфера свободного употребления скатологизмов в дискурсе носителя ГП ограничивается неофициальным общением с напарниками-охранниками, друзьями, знакомыми. Из женщин сюда включаются первая жена и дочь.

Необходимо отметить, что в этой категории слов отмечен случай непостоянной степени сниженности, которая зависит от объекта номинации: в контекстах, где скатологизм *жопы* обозначает задний капот автомобиля или часть тела ребёнка, он снижен лишь незначительно и может употребляться в разговоре с любыми собеседниками в неофициальной ситуации: *Жопу вытянем [ликвидируем повреждения на задней части автомобиля] вообще – тыща процентов! [со знакомой]; Н. [сестра]: Хоть раз ты своих детей наказывал? – Л.Л.: Ну-у – как, по-свойски: где-то в угол поставишь, где-то чё-то, слушай... Всяко – где-то под **жопу** так стукнешь.* Говоря о взрослых, Л.Л. в присутствии «чужих» или женщин предпочитает синонимичное обозначение *задница* (на фоне которого *жопы* выступает как стилистически сниженный синоним и используется преимущественно в контекстах, содержащих обсценизмы): *Свадьбу снимал – <...> ты видел такое, чтоб, вот бальное платье, да – свадебное – оно широкое же... Трава, зелень, цветы, весна – токо раз я такое делал. И вот я её посадил прямо на траву – ну, **заднице** там постелили – а платье так вокруг расстелили. В цветах.* Однако случаи, когда единица *жопы* обозначает часть тела взрослого или является экспрессивным обозначением предельно плохой / интенсивной и т.д.

ситуации, зафиксированы только в разговорах Л.Л. с собеседниками-мужчинами: *Жопа не замёрзнет, геморрой не схватишь, да?* [напарнику, о холодном сидении]; М. [знакомый]: *У меня плотность в аккумуляторе один – девятнадцать, нах!* – Л.Л.: *Вообще жопа, да?* Переменная сниженность этой же единицы отмечена и в словаре диалектной языковой личности [ПСДЯЛ, 2006. С. 288].

3.6.2 Мат

Единицы мата – самая обширная группа сниженных средств в словаре носителя ГП; их насчитывается 111. В словаре Л.Л. мат представлен корнями: *х*** – 51 единица, *е*-* – 35 единиц, *п**д-* – 21 единица, *б**дь* – 2 единицы, *сука* – 2 единицы.

Кроме единиц мата, в идиолексиконе информанта отмечены 4 слова, тематически близких к мату, но, как представляется, находящихся между значительно и максимально сниженными единицами: *пидор, пидорас, пидораска, гондон*.

Использование единиц мата для обозначения понятий интимной сферы в текстах Л.Л. отмечено, но такие случаи единичны. Можно сказать, что информанту практически не свойственно обозначать понятия сексуальной сферы этими языковыми средствами. В немногочисленных высказываниях на темы секса в кругу приятелей Л.Л. обычно использует эвфемизмы *трахать, трахаться*.

Основной массив единиц этого типа обозначает реалии, не связанные с сексуальной сферой. Многие из них имеют строго определённое значение: *без пи**ы* «честно, честное слово», *в х** не ставить* «проявлять крайнее неуважение», *довыё*ываться* «навлечь на себя негативные последствия дерзким поведением», *зае*ать* «сильно надоесть», *мозги е*ать* «вводить в заблуждение», *ох*ительный* «прекрасный, замечательный», *прое*ать* «потерять, разбазарить» и т.д.

Многие слова, принадлежащие к категории мата, многозначны. Например, Э-э-э, *мы с тобой базарим, пи**им, пи**им, пи**им [разговариваем] – пока не надоест; Ну а потом это, то, что у меня осталось, я в сумку закинул – всё,*

*нужно холодильник освободить, на х**, чтоб не **пи**ели** [возмущались], на х**;
И вот видишь – они смена на смену **пи**ят** [сплетничают, наговаривают] – все
сплетники ё*аные!; Н. [дочь]: Я гру: пока работу подыскивал [брат] –
разгружал бы эти фуры – не устался бы – за триста рублей. – Л.Л.: Ну. Да не-ет
– триста рублей – чё-то он **пи**ит** [врёт]; И он меня взял ударил. И что я
должен был сделать? Я взял его **отх*ярил** [избил], слышь! (смех) Набил ему
е*альник, слышь? (смех); ...А куски ты на х*я **отх*ярил** [отрезал] спирали?!*

Несмотря на то, что многие называют единицы мата экспрессивными образованиями, экспрессивностью, как показывает анализ указанных единиц в словаре и речи информанта, обладают лишь примерно половина из них. Видимо, под экспрессивностью мата отдельные исследователи имеют в виду экспрессию, т.е. особую выразительность мата на фоне необсценных слов.

Кроме обсценных номинаций понятий, не связанных с интимной сферой, в идиолексиконе Л.Л. присутствуют обсценные междометия-восклицания, а также генетически связанные с ними неизменяемые единицы мата, функционально близкие к частицам. В настоящей работе они условно названы «обсценными пустыми частицами» по аналогии с понятием «пустые частицы», предложенным Н.Н. Розановой [Розанова, 1983. С. 36]. В роли таких частиц могут выступать обсценизмы *б**дь, на х**, сука, ё* твою / ё* твоить / ё*тыть* и некоторые другие: Л.Л.: Коэффициент запаса (нрзб.) сбросить, **на х****. У тебя идёт где-то коэффициент запаса... – М.: У меня можно шестёркой варить **на х****! Без проблем. – Л.Л.: Нет, у тебя где-то идёт к шести, к семи, **нах...** Где-то к восьми. А зесь сделать один – один к одному, **на х**** – он бует варить, ох*ительно всё, **на х**** – но бует быстрее греться намножко. Ну тащить так же бует, **на х****. Если ещё не лучше, б**дь!; Они, **сука**, ментов вызвали, слушай, с бабами, забрали в эту ментовку е*аную...; А чё, **ё* твою**: вы так же, по ходу, и будете работать (напарнику – о режиме работы); Да хоть зесь, в Сибири можно спрятаться [от милиции], или вон на Севере, **ё*анный в рот**. Кто там будет искать?

«Обсценные пустые частицы» и обсценные междометия часто омонимичны (кроме единицы *на х***, которая не выступает в роли междометия), однако они имеют и различия, которые позволяют их дифференцировать. Во-первых, междометия, поскольку они выражают эмоцию и обладают способностью выступать в качестве эквивалентов предложения [Русская грамматика, 1080. С. 732; 735], всегда выделяются интонацией, всегда ударны, частицы же не имеют собственного ударения и в интонационном плане как бы примыкают к стоящему рядом значимому слову, чаще – к предшествующему. Безударность вообще признаётся одним из признаков служебных слов, в том числе и частиц [Цой, 2008-а. С.132]. Иногда, особенно если частица состоит более чем из одного слога, она получает слабое ударение: «попадая в допустимый междуударный интервал, они («пустые частицы» – Е.С.) не имеют ударения; если же их безударность ритмически недопустима, то они получают слабое ударение» [Розанова, 1983, С. 36].

Рассмотрим пример из речи информанта. В следующем отрывке обсценизм *б**дь* употреблён два раза: *От б**дь! Ну пришёл бы посмотрел бы, б**дь [с интонацией недовольства]!* В первом случае он ударный и является междометием, выражающим недовольство ситуацией и объектом высказывания, во втором случае – лишён ударения, поэтому рассматривается как «обсценная пустая частица», «детонирующая запятая», по выражению В.И. Жельвиса [Жельвис, 1997. С. 90].

Второе различие состоит в семантике обсценных междометий и частиц: междометия всегда выражают эмоции, всегда служат знаком того, что говорящий испытывает эмоциональное возбуждение; выражение эмоций составляют семантику междометий. Что касается обсценных частиц, то, во-первых, выражение эмоций для них является факультативным: в отличие от использования междометий, использование информантом обсценных частиц отмечено не только в состоянии эмоционального возбуждения, но и в состоянии эмоционального покоя; во-вторых, как показывает анализируемый материал, обсценные частицы, на первый взгляд, могут вообще не выражать никакого

значения, быть «пустыми частицами» – в такой функции их, как правило, рассматривают как слова-паразиты [Гольдин, Сиротинина, 1993. С. 13; Розанова, 1983. С. 36; Разлогова, 2005. С. 216 и др.].

Под словами-паразитами понимают обычно два класса явлений. В один из них входят слова, служащие для заполнения вынужденных в спонтанной речи пауз (*как его, ну, это самое, так сказать* и т.п.) [Сиротинина, 1974. С. 71; Земская, 2006. С. 90-91]. Во второй – слова, употребляемые вне пауз хезитации, которые «вносятся в речь автоматически, бессознательно, <...> по инерции» [Розанова, 1983. С. 36]. Н.Н. Розанова объясняет их встречаемость высокой степенью автоматизма разговорной речи, где они «...выполняют важную роль в [её – Е.С.] ритмической организации» [Там же].

Часть учёных [напр., Сиротинина 1974, С. 71] указывают на семантическую «пустоту», лексическую и грамматическую избыточность слов-паразитов. В.В. Химик, например, называет такие слова «балластными вставками» [Химик, 2000. С. 205].

Е.Э. Разлогова считает, что слова-паразиты, в том числе и обценные, нельзя назвать в полной мере семантически пустыми. По мнению исследователя, сверхчастотность слов-паразитов ведёт к их ошибочному восприятию как «сорняков»: «говорящий, в речи которого на коротком отрезке слово-паразит повторяется несколько раз, выступает в роли человека, который не вполне контролирует себя <...>. Однако отсюда не следует, что слова-паразиты в отличие от «нормальных» модальных слов являются пустыми, незначительными единицами. Просто они обладают способностью неоправданно размножаться в речи» [Разлогова, 2005. С. 211]. Тезис о том, что, выступая в роли паразита, модальное слово или выражение выхолащивается, десемантизируется, по мнению учёного, не может быть принят в полном объёме. В частности, «ненормативная (обценная) лесика, как правило, в модальном употреблении указывает на определённое модальное состояние говорящего на момент произнесения высказывания (при этом сами «эмоции» могут быть самыми разнообразными, от радости и восторга до агрессии и гнева)» [Разлогова, 2005. С. 215–216].

Таким образом, согласно одной точке зрения, обценные частицы не выражают ничего и употребляются неосознанно, «по привычке»; согласно второй – выражают эмоции говорящего, подобно междометиям.

Наблюдения над обценными частицами идиолексикона Л.Л. позволяют с оговорками признать справедливость обеих точек зрения. С одной стороны, когда информант испытывает сильные эмоции – как положительные, так и отрицательные – употребляемые им обценные частицы участвуют, наряду с интонацией, в передаче этих эмоций: *Х. [знакомый]: Чё он не играет [о диктофоне Л.Л.]? – Л.Л.: А зачем он должен играть? Он нас с тобой щас записывает, бляха – все наши базары, б**дь – слышь – где щёбёнку продал, на х**! (смех) Скоко взял за неё, б**дь! Так вот, слушай – раз – твой ш... слышь, шеф подъехал – я ему раз – наушник: ну-ка, послушай, б**дь! Вот и всё, на х**, записано, б**дь! (смех)* – здесь информант находится в состоянии весёлого возбуждения, громко смеётся, очень доволен своей шуткой. В следующем примере те же единицы участвуют в выражении других эмоций: *Понимаешь, Галя! Такие люди [о сыне] – они ни о чём не думают, они живут одним днём! Напиться, нажраться, на х**! Трёх детей, б... – и ни разу не позвонил, не узнал, б**дь! (...) Ни Данилки [о внуке], ни хрена он ничё не знает, б**дь!* – здесь Л.Л. расстроен, негодует, рассказывая о поведении сына.

С другой стороны, когда говорящий спокоен, обценные частицы в его речи не являются выразителями эмоций: *К. [друг]: Зесь просто крестиком улавливаешь и всё, нах... [о прицеле винтовки] – Л.Л.: Ну я знаю, знаю, знаю, знаю, знаю – крестик. Я с этого х**ни воробьёв бил, б**дь; Телефон ему [сыну] купил, б**дь. Он дешёвый – этот, Эл Джи, на х**; Я уже слушай – с-с-слышь, Юрк, я уже ему идею, б**дь, предложил, это: где пружина, на х**, вставыш, на х** – вх*ярить и поставить нашу, (нрзб) пружину; Их [новых работников] только двое, на х**: вот есть высокий парень – нормальный, б**дь, высокого парня – нормально [оставить в смене]; Л.Л.: На сколько у тебя стоит ампер? – М.: <...> Около четырёх щас, на х**. – Л.Л.: А-а-а – пускай! Еси он пять и пять – шесть – можешь шесть ставить, на х** и свободно будешь не бояться.*

*Поставишь семь – ни**ец придёт. А лучше ставить меньше, на х**;* М.: Он [сварочный аппарат] как раз наполовину меньше моего, на х** – по высоте. По ширине такой же он выйдет, на х**... – Л.Л.: А... да... чуть-чуть шире, чуть-чуть шире, на х**. Да вот, видишь – квадрат. Вот делим пополам катушки, нах – как раз катушки вмещаются, вишь? Так – так [показывает], на х**.

Необходимо ещё раз упомянуть о том, что о наличии или отсутствии эмоций рассматриваемого носителя ГП можно судить по интонации. По нашим наблюдениям, в просторечной среде нет установки на сокрытие переживаемых эмоций, которая присутствует, например, в среде носителей ЛЯ. Эмоциональная сдержанность обычно трактуется носителями ГП как скрытность, двуличие и в целом осуждается (сходные коммуникативная установка характерна и для общения в диалектной среде [Иванцова, 2002. С. 78]). Поэтому при анализе просторечного дискурса интонацию можно, на наш взгляд, считать довольно надёжным показателем эмоционального состояния говорящего.

Таким образом, анализ использования информантом «обценных пустых частиц» приводит к следующим выводам: во-первых, семантику «обценных пустых частиц» нельзя назвать в полной мере «пустой», поскольку она включает в себе, как было сказано выше, табу-сему, указывающую на крайнюю непристойность единицы. Во-вторых, непостоянство в способности этих слов выражать эмоции говорящего свидетельствует, что выражение эмоций не входит в их семантику (как это происходит, например, в междометиях), а является функцией данной категории слов.

Результаты наблюдений над функциями «обценных пустых частиц» в целом совпадают с выводами В.И. Жельвиса. В условиях эмоциональной напряжённости, по мнению учёного, в качестве заполнителей провалов памяти говорящий стремится выбрать максимально эмоционально нагруженные слова – «инвективы с их табу-семами». И, поскольку «...эмоциональный компонент высказывания и соответствующие оттенки значения представляют собой неотъемлемую часть смысла, (...) сохранение эмоционального значения даже чисто формально уже исключает возможность обесмысливания» [Жельвис, 1997.

С. 90, 92]. Вне стрессовой ситуации «инвективно нагруженная речь», напротив, характеризуется малой эмоциональностью, поскольку единицы мата в данном случае используются как штампы – «...клише, потерявшие свою первичную информационную нагрузку» [Там же. С. 93].

Таким образом, единицы мата в словаре информанта представлены словами разных частей речи, среди которых есть специфическая часть речи – «обсценные пустые частицы».

Табуированность обсценизмов, в частности, мата, не ведёт к полному отказу от их использования в речи. Она проявляется в различных ограничениях употребления этих единиц в зависимости от ситуации общения: информант не использует мат в ситуациях официального общения (например, в фотоателье с клиентами), редко использует их в присутствии женщин³⁴, в присутствии человека, чей статус оценивается говорящим как высокий (например, начальство) или которого говорящий считает «чужим». Статус незнакомца часто устанавливается по манере держаться, по одежде и т.п. Использование обсценизмов в присутствии детей в речи Л.Л. нами не отмечено.

Если говорить об употреблении сниженной лексики в целом, то можно выделить ситуацию общения, в которой Л.Л. всегда употребляет сниженные, в том числе обсценные единицы – это неофициальное дружеское или приятельское общение в мужском кругу, особенно на «мужские» (оружие, ремонт и работа различных механизмов, автомобили) темы: *Л.Л.: А помнишь, слышь? – день рожденья было у кого – у Натальи? У тебя? Когда мы ещё трубы-то варили, эти уголки-то? – Ю. [друг]: Не помню. Что-то варили – помню. – Л.Л.: Бухали, б**-*дь! «Всё, Женька, пошли!» Всё, вроде, пошёл – потом х** уже – ни**ец, на х**! Потом ты пошёл – тоже на х**, слышь? (смех) Я один, слушай, не пошёл.*

³⁴ Отметим, что готовность Л.Л. использовать обсценизмы в присутствии женщины зависит от того, насколько у него с ней близкие отношения. Например, в разговорах с первой женой, с которой Л.Л. прожил около 20 лет, информант практически не соблюдает табу на произнесение обсценизмов. В общении с подругой Л.Л. постепенно начинает включать обсценизмы в свою речь в её присутствии в разговоре с третьим собеседником, а через 3–4 месяца знакомства, когда речь идёт уже о совместном проживании, Л.Л. употребляет мат практически без ограничений.

*Трубы... нет, уголки я заварил полностью. Ну эти уголки, слышь? – трубы, на х**. Вот это я помню, б**дь.*

Кроме того, употребление сниженных единиц часто бывает спровоцировано состоянием сильного эмоционального возбуждения говорящего.

Практически, кроме «чистых» ситуаций общения, в дискурсе Л.Л. встречаются смешанные: например, неофициальное дружеское общение в гендерно неоднородном коллективе или общение в состоянии сильного эмоционального возбуждения в официальной обстановке и т.д. В таких ситуациях, как показывает анализ дискурса, происходит конфликт установок на обценное или необценное общение, который в каждой конкретной ситуации может решаться по-разному.

Например, в диалоге со старшей сестрой (длительность – 3 ч. 20 мин.) Л.Л. в целом избегает употребления максимально сниженных единиц: с одной стороны, родная сестра – близкий информанту человек, с другой стороны, она живёт далеко, в Казахстане, в Новосибирске оказалась проездом и Л.Л. до этого уже давно – около 20 лет – не общался с ней. В ходе диалога информант расспрашивает, а его сестра много рассказывает о судьбе общих знакомых. Л.Л. испытывает и выражает при этом различные эмоции, но только один раз, при сильном удивлении, эмоция выражается обценным междометием: *Л.Л.: А Толян... А Толян... Толик чё, там, что ли, в этом, в Кускудуке Толик? – Н. [сестра]: В Капчагае. – Л.Л.: В Капчагае? – Н.: Он ударился в церковь. – Л.Л.: Ну ни х** себе!..* Второй раз Л.Л. использует мат в конце общения, выражая в присутствии сестры крайнее раздражение и недовольство в адрес сына, отказывающегося сходить в магазин по его просьбе: *Л.Л.: Иди водки возьми, да и всё. – Я. [сын]: Да мы не успеем [выпить, т.к. скоро нужно ехать на вокзал провожать гостью – Е.С.]. – Л.Л.: Успеем. Вот (нрзб.) спуститься... – Я.: Да не успеем – пока я щас схожу туда-обратно – и всё! Пойдём, там [на вокзале] водки возьмём, вон, на лавочке выпьем, да и ... – Н. [сестра]: Да ты чё, нет. – Л.Л.: Нет, ты чё! – Н.: Давай, мети! – Л.Л.: Мети давай! <...> – Я.: Тее говорят, не успею, на х**. <...> – Л.Л.: (нрзб.), б**дь! <...> Ай, б**дь! <...> Короче, давай*

*это – где фотик – фотаемся и, на х**, сваливаем. Раз такое дело – в п***у, б**дь!*

В присутствии автора настоящей работы Л.Л. воздерживается от употребления обсценизмов (этому препятствует женский пол и более высокий, с точки зрения Л.Л., статус, статус «чужого»), однако в одном случае, во время общего застолья (ситуация непринуждённого общения), Л.Л. употребляет мат сначала в телефонном разговоре с сыном и в цитате собственной речи: *Вы в сауну поехали? Ничё себе. <...> Чё, полный салон, что ли? Ты чё, со шлюхами, что ли? А шлюха-то у тебя есть, нет? А чё ты, такой честный, что ли? (смех) Ну ты даёшь! Когда ты был честным, б**дь – если ты бабу оставил, а с бабой поехал в сауну (смех)?; Я говорю [напарнику]: «Ты где капусту **прое*ал** – ты же на вахту вёз капусту!»* Видимо, обсценизмы, не обращённые непосредственно к адресату, а также заключённые в цитате, воспринимаются говорящим как более мягкие, допустимые в данной ситуации. Затем в речи Л.Л. ещё 2 раза встречались единичные употребления мата: *Мы с ним пошли за пивом. Он говорит: «Мож, водочки?» – «Да я не против!» Как мы с ним **нап**дарились** – ещё мы с тобой в кафе сидели, да?*

Однако когда исследовательница выходила из помещения, в речи Л.Л., оставшегося в мужской компании, в ситуации эмоционального напряжения (вспоминает о неприятном человеке) употребительность обсценизмов возрастала: *Л.: Знаешь, давай между нами – я не хочу о нём [бывшем приятеле] говорить. – Ж. [знакомый]: Чё, поругались? – Л.: Гондон, **сука**, конченный, на х**. <...> Просто гон-ндон, б**дь! Нехороший человек, слышь. Я тебе серьёзно говорю. <...> Если кореша есть – то я с ними базарю. Если это гондон – просто жизни не знает, на хляву залез – меня подставил так... Ну, обуть его, конечно, можно – **пидор**, б**дь. Нехороший человек. <...> Даже не созваниваемся, ничё. **Х*ёвый** человек. И никто, никто, кто его знает, не хочет с ним вообще общаться, слышь. <...> Это говно, б**дь. <...> в чужих руках не обсир-рался, б**дь.*

Таким образом, табуированность мата и максимальная сниженность обсценизмов в целом проявляется не в отказе от употребления, а в различных

ограничениях использования этих единиц в речи. Данные примеры подтверждают, что информант так или иначе контролирует употребление общенизмов в речи, осознавая их сниженность.

3.7 Соотношение категорий сниженности, экспрессивности и эмотивности в лексиконе носителя городского просторечия

В ЛЯ многие единицы экспрессивны, будучи стилистически нейтральными. В идиолексиконе Л.Л. также имеется достаточное количество несниженных экспрессивов: *Ну вот токо что под током был – там **адская** боль – и вот здесь точно такая же; Так это толстая, что ли? **Безобразная** [о подруге сына]?; Ай, ну что ты... знаешь, что я перенёс... – **врагу не пожелаешь**; Да-а, она уже... **гиблая** деревня.*

Однако если в ЛЯ сниженная лексика всегда экспрессивна, то в ГП, насколько можно судить по идиолексикону Л.Л., сниженность может сочетаться в одной единице с экспрессивностью: *Л.Л.: Да я **зае*у** всех начальников этих – от меня будут шарахаться, на **х**** [если работать на выдаче ключей]; М. [напарник]: Деньги надо – он пошёл, на **х****, подработал – вот тебе деньги сразу. – Л.Л.: О, **б**дь**, **зае*ись**, на **х****. Хорошо-о, **б**дь**; Это ж бич, **б**дь**, охранника, на **х****: пьянка и сон, **б**дь**. Пьянка и сон. Одно из двух. Или всё вместе: **нах*ярился** – и спать; Коляна жалко – нормальный пацан [об уволенном охраннике]. Какой ещё **х*ила** придёт – **х**** его знает, на **х****...; но может выступать и самостоятельно, без экспрессивности: В. [друг]: Даже под игом жили, и то... – Л.Л.: **Один х**** [всё равно] выиграла Россия, правильно?; Л.Л.: А вот на «Газике» – на «Газике», слушай, шайбы. В этой... – Ю. [друг]: Мо-ожет быть! Щас новая система – на боках идут просто шпильки, ещё сзади, ещё спереди затягиваешь – и всё. – Л.Л.: Да? Вот видишь! **Х** его знает** [не знаю]; Подработаешь – ну и смотаешься там туда-сюда, на **х**** – **один х**** [всё равно] делать **не х**** [ничего], правильно?; Так это рубль за минуту – а он **проп**дит** [проговорит] пятнадцать минут – у тебя пятнадцать рублей снимет, понимаешь?; «Вот ты ходишь в свои обходы?» – он кричит: «Хожу». – «Ну и всё, и я*

*в свои хожу!» – «Так ты ж не ходишь!» – «Тебя это е*ёт [волнует], что я не хожу?».*

Таким образом, в словаре информанта сниженность не связана жёстко с эспрессивностью и может выступать отдельно от последней. Это даёт основания полагать, что сниженность, по крайней мере, за пределами ЛЯ, можно рассматривать как самостоятельную категорию, не связанную жёстко с экспрессивностью.

Анализ словаря и дискурса носителя ГП позволяет говорить о том, что категории экспрессивности и сниженности в рассматриваемом дискурсе находятся в отношениях наложения: часть экспрессивных единиц – сниженные, часть сниженных единиц – экспрессивны.

Обсценизмы составляют сравнительно небольшую часть экспрессивного словаря Л.Л.: из 1270 экспрессивных лексико-фразеологических единиц идиолексикона Л.Л. лишь 116 относятся к стилистически сниженным. В то же время из 392 пейоративно-оценочных экспрессивов рассматриваемого идиолексикона четвертая часть являются сниженными.

Что касается стилистически сниженных единиц, то из 178, зафиксированных в словаре Л.Л., экспрессивными являются 116, т.е. более половины. При этом незначительно сниженные единицы, как правило, неэкспрессивны, все значительно сниженные являются пейоративно-оценочными экспрессивами, из 131 максимально сниженной единицы экспрессивами являются 79. Среди слов и выражений последней группы скатологизмы экспрессивны (чаще с пейоративной оценкой в коннотации) почти все (13 из 16), единицы мата экспрессивны примерно в половине случаев (66 из 115). Причём из всех сниженных единиц идиолексикона носителя ГП слова с мелиоративной эмоциональной оценкой в коннотации зафиксированы только среди единиц мата.

Что касается категории эмотивности, то она проявляется в лексических и фразеологических единицах, когда говорящий выражает чувство, которое испытывает в момент речи. Если исходить из того, что эмотивность, подобно экспрессивности, может быть присуща единицам в системе (ингерентная

эмотивность) и возникать в контексте (адгерентная эмотивность), то системной эмотивностью будут обладать единицы, используемые только для выражения эмоций: некоторые ласкательные слова (*лапушка, солнышко*), все бранные единицы, а также междометия. Все эти категории слов не используются в состоянии эмоционального покоя.

На рассмотрении случаев адгерентной эмотивности следует остановиться подробнее, поскольку проявление данной категории, как представляется, связано с функционированием сниженных, особенно обценных, единиц в дискурсе Л.Л.

Как уже было отмечено, «обценные пустые частицы» способны иногда выполнять функцию выражения эмоций, иногда — использоваться в безэмоциональных контекстах. На примере «обценных пустых частиц» проследить непостоянную, переменную эмотивность проще в силу того что в их семантике содержится только одна «табу-сема».

Однако при более внимательном рассмотрении выявляется, что не только эти частицы, но и все остальные сниженные единицы в дискурсе Л.Л. способны выражать эмоции говорящего, причём чем сильнее испытываемая эмоция, тем более сниженные средства использует информант. Например, появление в тексте информанта единиц мата — самых сниженных элементов словаря — в ряде случаев бывает обусловлено потребностью говорящего «выпустить эмоциональный пар» (в дискурсе Л.Л. это чаще всего происходит, когда говорящий испытывает сильный гнев).

Приведём примеры контекстов, где одни и те же сниженные (в данном случае — обценные) единицы, в зависимости от эмоционального состояния говорящего, то выражают, то не выражают эмоции говорящего. В спокойном, доброжелательном, шутливом настроении: *Л.Л.: Здорово, Украинчик! Чё это за х***ню ты принёс сюда, б***дь?* — *У. [знакомый]: Это выпрямлятель;* в спокойном состоянии, в жанре воспоминаний: *Мы на этом мопеде заезжжяем в детский садик, слышь, а там — ну, типа такие как кусты, там, деревья — мы привстали на эту х***ню на нижнюю, на х***...;* в состоянии крайнего раздражения; выражает недовольство действиями молодого сменщика, который произвёл

неумелый ремонт электроплиты: *Надо было тот провод заделать заново и всё, если он тебе не понравился, а не эту х**ню ставить!* Во всех трёх примерах слово *х**ня* имеет широкое значение «вообще вещь, предмет, какое-л. явление, обстоятельство»; в первом и втором примерах эта единица не служит для выражения эмоций, в третьем, вместе с соответствующей интонацией – выражает и даже демонстрирует состояние раздражения говорящего.

Из примеров видно, что не только обсценизмы, но и другие сниженные единицы идиолексикона Л.Л. могут участвовать в реализации адгерентной эмотивности. При этом эмоции могут быть направлены не только на собеседника или объект речи, но и на любые другие объекты, которые могут быть слабо связаны с текущей коммуникативной ситуацией.

Итак, как было указано выше, необходимость выразить сильные отрицательные эмоции с помощью сниженных средств может вступать в дискурсе Л.Л. в противоречие с ситуативным запретом на употребление этих единиц. Если информант взволнован, рассержен, испытывает гнев, негодование (что бывает часто), он может «перестать сдерживаться» – т.е. перестать соблюдать ситуативные ограничения в использовании мата и произносить его, например, в присутствии женщин, реже – в присутствии незнакомых и т.п. Надо, однако, отметить, что в ситуации официального общения, как и в присутствии детей, мат и вообще обсценизмы в речи Л.Л. нами всё же не отмечены.

Что касается использования информантом сниженных (главным образом единиц мата) единиц без видимой цели, в состоянии эмоционального покоя, то для определения функциональной значимости таких употреблений важным представляется следующее наблюдение.

Если для передачи сильных эмоций Л.Л. использует единицы мата преимущественно в мужском кругу, но в некоторых обстоятельствах и в общении с женщинами, то в состоянии эмоционального покоя информант употребляет эти единицы только в общении с собеседниками-мужчинами. Это, как правило, неэкспрессивные единицы мата, выражающие необсценные смыслы, а также «обсценные пустые частицы» (см. примеры выше). Использование обсценизмов в

данных ситуациях может показаться функционально неоправданным. В то же время наблюдения показывают, что информант способен обходиться в речи и без обценизмов: это отвергает, на наш взгляд, идею употребления не выражающего эмоции мата в результате своего рода автоматизма.

Кроме того, отмечено не просто частое употребление, а своего рода облигаторность обценного общения в однородном с точки зрения пола и статуса просторечном коллективе. Эта особенность употребления обценизмов, встречающаяся, как правило, в мужских коллективах, описана и другими исследователями [Купина, Шалина, 2004, С. 32–37].

Представляется весьма вероятным, что мужчины-носители ГП в гендерно однородной среде, переходя на обценное общение, целенаправленно демонстрируют тем самым готовность выйти за рамки норм и приличий как проявление мужественности, брутальности³⁵. Вероятно, это происходит не вполне осознанно, в рамках своего рода стереотипа общения, принятого в кругу мужчин-носителей ГП. Этот стереотип общения имеет глубокие культурные корни, как свидетельствуют исследования по истории мата.

На ритуальный характер употребления единиц мата в древнем обществе указывает Б.А. Успенский [Успенский, 1994]. Философ и антрополог В.Ю. Михайлин, отмечая, что мат является прерогативой мужской части русского (и русскоговорящего) населения, видит истоки мата в древних охотничьих и воинских культах, которые были исключительно мужскими. Существовали охотничья и воинская территории, «...при входе на которую каждый мужчина автоматически терял «семейные» магические роли, существенные для «совместных» территорий (отец, сын, муж, глава семейства), и приобретал взамен роли чисто маскулинные, характерные для агрессивного и монолитного в половом отношении мужского коллектива (охотник, воин, ратный или охотничий вождь)»

³⁵ Сходное наблюдение имеется в работе М.Т. Дьячка: «Речь с использованием матов является своеобразным регистром, на который носитель просторечия переключается в том случае, когда он хочет подчеркнуть своё возбуждение, раздражение, агрессивность или просто готовность перейти к активным действиям...» [Дьячок, Электронный ресурс].

[Михайлин, 2000. С. 350]. Мат был жестко привязан к этой маргинальной культурной зоне, к принятым в ее пределах способам поведения. Матерная речь «...была своего рода бессознательной имитацией одной из сторон более ранней стадии развития собственно "человеческого" языка – комплексом вытесненных на периферию архаических охотничьих / воинских речевых практик» [Там же. С. 359].

В современном мире переход на обсценное общение уже не осознаётся как ритуал, а выступает, скорее, как дань своеобразной традиции, как должное речевое поведение мужчин при общении друг с другом. В.И. Жельвис также упоминает в качестве одной из функций мата демонстрацию половой принадлежности говорящего, проявляющуюся «бесстрашием в нарушении различных табу – прежде всего сексуальных», а также мужественности, жёсткости, агрессивности говорящего [Жельвис, 1997. С. 109–133].

Учитывая сказанное выше, а также то обстоятельство, что для «переключения» обсценизмов в речи с выражения obscenity («табу-сема») на выражение гнева, агрессии («табу-сема» в сочетании с адгерентной эмотивностью) достаточно лишь изменить интонацию, можно определить, какую функцию выполняет употребление носителем ГП обсценизмов в мужском окружении. Видимо, это демонстрация брутальности (от англ. brutal «жестокий, животный, грубый»), которая подразумевает готовность нарушить социальные условности и перейти к агрессивным действиям.

Ю.В. Щербинина замечает, что демонстрация подобной готовности не обязательно влечёт за собой реальную агрессию: употребление обсценизмов может преследовать цель имитации агрессии, которая обычно имеет место перед проявлением настоящей агрессии или вместо неё [Щербинина, 2012. С. 112]. Данная функция не является языковой она, скорее, социально-психологическая. С

лингвистической точки зрения речь идёт, как представляется, об этикетной³⁶ функции языка.

Выводы

1. Анализ имеющихся текстов Л.Л. показал, что они не являются стилистически монотонными: в них имеют место нейтральные и сниженные лексические и фразеологические единицы. Стилистически нейтральные единицы в словаре носителя ГП преобладают, при этом отмечается несовпадение в стилевой квалификации одной и той же единицы в дискурсе носителя ГП – с одной стороны, и в ЛЯ – с другой. Отсутствие высокого стиля в идиолекте Л.Л. соотносится с наблюдениями А.А. Юнаковской над просторечием г. Омска, в котором исследователь выделяет два стиля: обиходно-разговорный и сниженный [Юнаковская, 1997. С. 81].

2. Среди сниженных лексико-фразеологических средств можно выделить 3 группы единиц разной степени сниженности: незначительно сниженные (характеризующиеся парадигматическими противопоставлениями и незначительными ограничениями в использовании), значительно сниженные (экспрессивы, выражающие разные виды пейоративной эмоциональной оценки, имеющие значительные ограничения в использовании) и максимально сниженные (скатологизмы и мат, имеющие максимальные ограничения в использовании).

Основными составляющими коммуникативной ситуации, ограничивающими использование сниженных средств, являются официальность общения, присутствие людей, не относящихся к кругу «своих» (незнакомцы, люди с более высоким статусом, «чужие» женщины и т.д.). Выделяются также факторы, располагающие к использованию сниженных единиц: это неофициальное приятельское общение в мужском кругу на «мужские» темы, а также некоторые эмоциональные состояния говорящего (волнение или гнев).

³⁶ Под этикетом здесь следует понимать не «правила хорошего тона» [Матвеева, 2010. С. 546], а, скорее, «установленный, принятый порядок поведения» [СОЖ, С. 910].

3. Среди сниженных единиц словаря носителя ГП своеобразием отличаются единицы мата. Некоторые аспекты использования этих единиц, отмеченные в дискурсе Л.Л., считаются типично просторечными: это неэкспрессивное, неэмотивное, а также очень частое использование мата в речи. Важную роль при этом играют обценные пустые частицы. Обе названные особенности проявляются в дискурсе носителя ГП в ситуации общения в чисто мужском коллективе, особенно на типично мужские темы: оружие, техника, автомобили. Использование мата преимущественно в мужских коллективах отмечается и в литературе [Михайлин, 2000. С. 350]. По нашим наблюдениям, женщины – носители ГП также используют обценизмы в речи, однако отсутствие достаточного сопоставительного материала не позволяет сравнить мужской и женский тип употребления сниженных единиц, в частности, обценизмов, в ГП. Предполагаем, что неэкспрессивное обценное общение является важной составляющей именно мужской разновидности просторечного общения. Такой тип общения облигаторен в мужском просторечном коллективе и является своеобразным стереотипом общения.

4. Категории экспрессивности, сниженности и эмотивности в рассматриваемом дискурсе находятся в отношениях наложения: часть экспрессивных единиц – сниженные, часть сниженных единиц – экспрессивны, небольшая часть тех и других имеют ингерентную эмотивность.

При этом незначительно сниженные единицы, как правило, неэкспрессивны, все значительно сниженные являются пейоративно-оценочными экспрессивами, среди максимально сниженных единиц экспрессивами является примерно половина.

В использовании обценной части сниженного словаря носителя ГП большую роль играет адгерентная эмотивность: при её реализации обценизмы, особенно мат, становятся контекстуальными эмотивами, передавая эмоции говорящего, обычно отрицательные. При её отсутствии мат используется как неэмотивное неэкспрессивное средство общения в кругу собеседников-мужчин.

Заключение

Анализ ЯЛ носителя ГП, выполненный на основе речевого портретирования информанта – типичного носителя данной языковой подсистемы, позволил выявить следующие черты рассматриваемой ЯЛ.

1. Носителя ГП отличает недостаточное владение нормами ЛЯ (при условии невладения диалектом), которое проявляется в том, что он не может создать развёрнутого высказывания без отступлений от литературных норм. Этот главный типологический признак просторечной ЯЛ проявляется в комплексе с дополнительными экстралингвистическими чертами, которые можно считать типологическими для данного типа речевой культуры: формирование личности в просторечной среде, отсутствие регулярных коммуникативных контактов с носителями ЛЯ, образование не выше среднего, отсутствие навыка работы с книгой и чтения как формы досуга; работа или увлечения, не требующие интеллектуальных усилий, отсутствие навыка публичных выступлений, невладение иностранными языками, слабая степень овладения духовной культурой общества в целом.

2. Специфические для ГП показатели проявляются во всех составляющих идиолекта просторечной ЯЛ: на уровне фонетики, грамматики и лексики, в особенностях строения текста, коммуникативного поведения и метаязыкового сознания. Некодифицированные фонетические, грамматические и лексические средства чередуются в речи одного лица с нормативными, отражая своеобразие строго не детерминированной системы ГП, для которой характерна широкая вариантность единиц с вероятностным или случайным выбором. Варианты из разных языковых подсистем представляются говорящему равноправными при условии их понятности коммуникантам. Это подтверждает тезис о примате в среде носителей ГП принципа понятности речи над всеми остальными.

Наряду с чертами, отмечаемыми многими исследователями просторечия, в идиолекте информанта впервые выявлены некоторые особенности метаязыкового сознания, использования прецедентных текстов, коммуникативного поведения. Часть из них – слабая развитость метаязыкового сознания, отсутствие

прецедентных текстов в персуазивной функции – объясняется неактуальностью в просторечном сообществе ориентации как на нормы литературного языка, так и на традиционные нормы поведения.

3. Наиболее ярко своеобразие просторечной ЯЛ отражает ее лексикон. Словарный запас носителя ГП при наличии общерусской основы содержит значительное количество специфических просторечных слов и выражений, диалектно-просторечных и жаргонных элементов, имеет вкрапления неполно освоенной книжной лексики, отличается диффузностью семантики ряда единиц. Такая пестрота обусловлена промежуточным положением ГП как подсистемы языка, которая является посредником между говорами и жаргонами – с одной стороны, и ЛЯ – с другой. Доминантными чертами лексикона просторечной ЯЛ являются высокая степень его экспрессивности и сниженности. Сниженные и экспрессивные элементы находятся в отношениях наложения.

4. Распространённость в идиолексиконе экспрессивов обусловлена существующей в просторечной культуре установкой на прямоту и непосредственность выражения оценки и эмоции. Эмоциональная сдержанность, являющаяся нормой коммуникативного поведения в среде носителей ЛЯ, обычно трактуется носителями ГП, по нашим наблюдениям, как двуличие и в целом осуждается. Сходные коммуникативные установки отмечают исследователями (Е.В. Иванцова) как характерные и для диалектной ЯЛ.

Наиболее широко представленным видом коннотативной семантики экспрессивных единиц рассматриваемого просторечного идиолексикона является интенсивность; экспрессивы, выражающие мелиоративную оценку, количественно преобладают, хотя и незначительно, над выражающими пейоративную эмоциональную оценку. Такое же преобладание отмечено и в идиолексиконе диалектной ЯЛ, где причиной численного превосходства мелиоративно-оценочных экспрессивов в целом следует считать особенности личности говорящего (Е.В. Иванцова). Это замечание можно отнести и к рассматриваемой в настоящей работе просторечной ЯЛ с оговоркой, что в

дискурсе нашего информанта такая позитивная оценка, по нашим наблюдениям, не всегда бывает искренней

5. Анализ семантики экспрессивов выявил наиболее значимые для ЯЛ участки её картины мира. Это качества человека: сообразительность, глупость, предприимчивость, трудолюбие, несговорчивость, склонность к компромиссам, неуравновешенность, бесхитростность; действия: акты физического насилия, принятия спиртного, интенсивного труда, конфликтности, предательства, получения денег, разрушения, добывания чего-л. с применением силы или с большим трудом; состояний: гнева, влюблённости, опьянения, усталости, страха и некоторые другие.

Названные участки действительности предположительно являются наиболее частым объектом внимания именно в просторечной культуре, что связано со спецификой жизненного уклада в просторечной среде. Низкий уровень самоконтроля и отсутствие в некоторых ситуациях строгих норм поведения приводит к наступлению на права окружающих, что порождает конфликтные ситуации, насилие и т.д.

Кроме того, путём анализа семантики экспрессивных единиц выявлены наиболее значимые для исследуемой ЯЛ нормы, большинство из которых касаются поведения человека: трудолюбие, владение разнообразными трудовыми навыками; предприимчивость, способность оказать помощь, способность пойти на компромисс, равноправное общение внутри группы людей одинакового статуса; честность, верность товарищам, сочувствие к страданиям ближнего; предусмотрительность в поступках и ответственность за них, соблюдение нормы в потреблении алкоголя, неупотребление наркотиков. Соблюдение этих норм нацелено на выживание в среде носителей ГП.

6. Тексты информанта не являются стилистически монотонными: их анализ выявил наличие нейтральных (численно преобладающих в лексиконе и в речи Л.Л.) и сниженных единиц лексико-фразеологического уровня. Разнообразие сниженной части идиолексикона просторечной ЯЛ и частотность этих средств в её дискурсе являются второй из её доминантных особенностей.

Большое количество сниженных единиц в словаре просторечной ЯЛ свидетельствует о важности в его языковой картине мира (предположительно и в картине мира носителей ГП в целом) категории приземлённого, «вещественного», отсутствие элементов высокого стиля – о малой актуальности возвышенной, духовной стороны жизни.

Из трёх групп сниженных лексем и фразеологизмов наиболее развитой в словаре и вместе с тем наиболее употребительной в речи является мат – наиболее сниженная, табуированная часть обценизмов. На использование мата информантом влияет целый ряд составляющих коммуникативной ситуации, как ограничивающих его употребление (официальность общения, присутствие незнакомцев, женщин и т.д.), так и располагающих к нему (неофициальное приятельское общение в мужском кругу).

Считающееся типичным для ГП использование мата – неэкспрессивное, неэмотивное, а также очень частое – зафиксировано в речи информанта именно в общении с собеседниками-мужчинами. Такой тип общения облигаторен в мужском просторечном коллективе и, имея глубокие культурные корни, является своеобразным стереотипом общения.

Употребление этих единиц в эмотивной и экспрессивной функциях возможно в любой ситуации, за исключением официальной, степень игнорирования составляющих коммуникативной ситуации, ограничивающих использование мата, обычно зависит от силы испытываемых эмоций.

Среди единиц мата важную роль играют обценные пустые частицы, использование которых на границах синтагм делает переход от необценного общения к обценному технически простым.

Настоящая работа представляет собой лишь первый опыт исследования просторечной ЯЛ. Из-за крайне малого количества сопоставительного материала некоторые выводы относительно типичности или индивидуальности выявленных особенностей ЯЛ информанта носят предположительный характер.

К чертам, **общим для всех типов ЯЛ**, можно отнести общую для всех подсистем национального языка основу идиолексикона; антропоцентричность

экспрессивной части идиолексикона, что свидетельствует об антропоцентрическом принципе устройства языковой картины мира в целом.

Диалектно-просторечными особенностями можно считать следующие: большой пласт экспрессивных единиц в идиолексиконе; преобладание мелиоративно-оценочных экспрессивов над пейоративно-оценочными; большое количество диминутивов в лексиконе и их активное функционирование в речи; использование диминутивов и экстенсивов с семантикой смягчительности в реализации категории вежливости.

К **типично просторечным** чертам могут быть отнесены: превалирование принципа понятности при выборе грамматических языковых средств над всеми другими принципами; большая доля просторечной, диалектно-просторечной и жаргонной составляющих в идиолексиконе; использование книжной лексики в ненормативном значении; развитость в идиолексиконе и активное использование сниженных средств; использование мата в этикетной функции; отсутствие в идиолекте высокого стиля; слабая развитость метаязыкового сознания носителя данного типа речевой культуры; наличие слов-паразитов в речи; малое количество прецедентных текстов, отражающих нормы поведения в обществе; к гендерно-просторечным особенностям можно отнести оценку преимущественно черт внешности при характеристике женщины.

Индивидуальными особенностями можно считать заочное использование негативных и очное – положительных характеристик человека; частотность шутивого употребления различных единиц; часто – правильное использование книжных единиц в речи.

Некоторые аспекты рассмотрения ЯЛ информанта (в частности, его речевое поведение, система жанров идиолекта и др.) намеренно оставлены за гранью настоящего описания, что дало возможность подробнее остановиться на анализе специфики исследуемого идиолексикона на уровне семантики. Перспективным представляется более глубокое многоаспектное изучение рассмотренной в работе ЯЛ носителя ГП: оценка активного и пассивного словарного запаса, использования выразительных средств, количественная характеристика

идиолексикона, специфика синтаксического уровня идиолекта и т.д. Важным представляется составление идиолектного словаря носителя ГП. Для получения более полной картины особенностей типичной ЯЛ носителя ГП необходимо исследовать другие реально существующие ЯЛ данного типа речевой культуры, а также ЯЛ пограничных типов. Это позволило бы выйти на рассмотрение гендерных, возрастных и т.д. черт просторечных ЯЛ, а также в целом на анализ типического и индивидуального для носителя просторечного типа речевой культуры.

Список литературы

1. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности: на материале творчества Л.Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. – 24 с.
2. Алпатов В.М. Японская социалингвистика // Социалингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Науч.-информ. исслед. отд. языкознания. – М., 2004. – С. 52–74.
3. Андреев В.К. Реалии молодёжных субкультур в текстах русского постфольклора // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2010. – №57. – С. 7–9.
4. Андреева Л.К., Горланова Н.В. Существительные с уменьшительными суффиксами в народно-разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1971. Вып. 2. – С. 71–78.
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсивности. – М., 1988. – С. 7–44.
6. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
7. Арутюнова Н.Д. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 385–386.
8. Астафьева Е.А. Факторы, определяющие выбор личных имен в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 407. – С. 5–10.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
10. Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой: дис ... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 234 с.
11. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: Дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2007. – 538 с.

12. Балахонова Л.И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. – 1982. – № 3. – С. 104–110.
13. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с фр. / Под ред. Е.Г. Эткинда. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.
14. Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1987а. – 18 с.
15. Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания): Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1987б. – 197 с.
16. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – 205 с.
17. Баранникова Л.И. Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. – Саратов, 1977. – С. 59–77.
18. Баранникова Л.И. К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне / Л.И. Баранникова // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. – М.: Наука, 1981. – С. 97–120.
19. Баранникова Л.И. Просторечие как особый компонент языка // Баранникова Л.И. Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М.: КомКнига, 2005. – С. 92–105.
20. Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990а. – С. 402.
21. Бельчиков Ю.А. Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990б. – С. 131–132.
22. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
23. Берестова Е.А. Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. 2015. №2 (19). – С. 141–155.
24. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Дис. ... канд. филол. наук: – Воронеж, 1994. – 217 с.
25. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. 2-е изд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – 258 с.

26. Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Баева Е.М., Ермолова О.Б., Рыко А.И. Звуковой корпус русского языка как база для социолингвистических исследований: [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27 — 30 мая 2015 г.). URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bogdanova-BeglarianNVetal.pdf> (дата обращения: 22.03.2016).
27. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1982. — 36 с.
28. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 1–2.
29. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. — М.: Высш. шк., 1967. — 375 с.
30. Букирева Т.А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000. — 145 с.
31. Булдаков В.А. Стилистически сниженная фразеология и методы её идентификации: (На материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1981. — 16 с.
32. Бурмакина Н.А. Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А.П. Степанова: Дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2007. — 237 с.
33. Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения ("Новые" слова и значения в современном русском языке) // Русистика. — Берлин, 1994. № 1-2. — С. 85–95.
34. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. — Изд. 3-е. — М.: URSS, 2009. — 229 с.
35. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. — М.: Высшая школа, 1990. — 176 с.

36. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
37. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
38. Воейкова М.В. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 353–373.
39. Войченко В.М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2012. – 208 с.
40. Волкова Т.Ф. К проблеме индивидуального в языке: изучение сравнений в речи диалектной личности // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000а. Ч. 1. – С. 122–125.
41. Волкова Т.Ф. Особенности употребления сравнений отдельной личностью на фоне языка социума // Филологические исследования. – Томск, 2000б. – С. 16–23.
42. Волкова Т.Ф. Семантика сравнений в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 148–152.
43. Волкова Т.Ф. Виды сравнений в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Лингвистика. – Томск, 2004а. Вып. 5, ч. 2. – С. 28–31.
44. Волкова Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004б. – 237 с.
45. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 229 с.
46. Всеобщее обучение // Российская педагогическая энциклопедия / Гл. ред. В.Г. Панов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – Т. 1. – С. 176.
47. Всероссийская перепись населения – 2010: [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 27.05.2016).

48. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995 – 92 с.
49. Гловинская М.Я. Слабообобщенная лексика в просторечии и разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 186–190.
50. Гнусина Е.В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия (на материале современной художественной литературы и других источников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. – 27 с.
51. Голанова Е.И. Устная публичная речь. Жанр публичной лекции // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 137–157.
52. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Изв. Алт. гос. ун-та, 2004а. № 4 (44). С. 41–45.
53. Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004б. – С. 15–16.
54. Голев Н.Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсонемы) // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. – Барнаул, 2005. – С. 81-86.
55. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Современные национальные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Вып. 25. – Саратов, 1993. – С. 9–19.
56. Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984. – 189 с.
57. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
58. Граудина Л.К. Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. – М., 1977. – С. 77–111.

59. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 67–99.
60. Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 591.
61. Грузберг Л.А., Егорьева М.П. О соотношении языка говоря и речи одного носителя говоря (на материале вводных элементов) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1969. Вып. 1. – С. 65–75.
62. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Под ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 397 с.
63. Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 40–48.
64. Гынгазова Л.Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // Язык и культура. – Томск, 1999. – С. 50–55.
65. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. – Томск, 2001. – С. 167–174.
66. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 78–109.
67. Гынгазова Л.Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2009. №1 (5). – С. 13–21.
68. Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2010. №1 (9). – С. 7–11.
69. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2012. №4 (20). – С. 12–23.

70. Гынгазова Л.Г. Сенсорные основания метафорического представления невещественных объектов (время, количество, речь) в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. №5 (25). – С. 31–36.
71. Дарьина Е.В. Лингво-риторическое описание языковой личности на примере публичных выступлений Петена и де Голля во время Второй мировой войны: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 177 с.
72. Девкин В.Д. Этическая и персонологическая характеристики разговорной речи // Вопросы строя немецкой речи. – Владимир, 1973. – С. 3–14.
73. Девкин В.Д. Ксенодотативная направленность лексических сем // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Вып. 7. Ч. 1. – Горький, 1976. – С. 139–145.
74. Девкин В.Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984. С. 12–21.
75. Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1986. – С. 69–77.
76. Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 67–69.
77. Демешкина Т.А. Модусные смыслы в диалектном высказывании // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: Материалы Всерос. науч. конф. (27-28 марта 1996 г.). – Томск, 1996. – Ч. 2. Язык в социально-культурном пространстве. – С. 37–39.
78. Демешкина Т.А. Жанровые формы диалектной речи (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1997. – С. 122–129.
79. Диановская О.В. Лексическое просторечие и двуязычная лексикография. – Вологда: Русь, 2003. – 78 с.

80. Добродомов И.Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie. – Warszawa, 2009. – С. 9–36.
81. Дьячок М.Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление // Гуманитарные науки. – Вып. 21. – М., 2003. – С. 102–113.
82. Дьячок М.Т., Моисеев С.В. Качественные методы в политической науке: [Электронный ресурс]: (социолингвистические и этнографические подходы) // Взаимодействие политической науки с органами государственной власти в формировании политических процессов в Российской Федерации и новых независимых государствах. Ч. 1. – Екатеринбург, 2002. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2002/moiseev-dyuachok.pdf>. (дата обращения: 04.04.2016).
83. Елистратов В.С. Арго и культура // Словарь московского арго. – М., 1994. – С. 592–674.
84. Ерёмин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 502 с.
85. Ермакова О.П. Номинации в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. – М.: Наука, 1984. – С. 130–140.
86. Ерофеева Е.В. Идиомы как вероятностные структуры: социолингвистический аспект: на материале фонетического уровня: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005а. – 500 с.
87. Ерофеева Е.В. Социолингвистический статус современной разговорной литературной речи и её взаимодействие с просторечием // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы междунар. конф., посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой. – Саратов: Научная книга, 2005б. – С 85–92.
88. Есперсен О. Философия грамматики [Электронный ресурс]: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/14.php. (дата обращения: 14.02.2016).
89. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 329 с.

90. Жельвис В.И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Междунар. научно-практич. конф., посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. – Москва – Кострома, 2008. – С. 71–76.
91. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: лексика, лексикология, фразеология, лексикография: словарь-справочник – Назрань; с. Кантышево: Пилигрим, 2012. – 126 с.
92. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М.-Л., Изд-во АН. – 1956. – 636 с.
93. Журавлёв А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетическая, морфологическая, лексическая семантика) / А.Ф. Журавлёв // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелёв. – М., 1984. – С. 102–124.
94. Земичева С.С. Обозначения тактильных свойств в лексиконе диалектной языковой личности // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 162–174.
95. Земская Е.А. Русское просторечие как лингвистический феномен / Е.А. Земская // Ceskoslovenska rusistika: журнал по изучению языков и литератур славянских народов СССР. Т. XXVIII, вып. 5. – Октябрь, 1983. – С. 201–207.
96. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
97. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 240 с.
98. Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелёв. – М., 1984. С. 66–102.
99. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

100. Земская Е.А., Розина Р.И. О словаре современного русского сленга: принципы составления и образцы словарных статей // Russistik / Русистика. Berlin, 1994. № 1–2. – С. 96–112.
101. Зорин А.Л. Легализация обсценной лексики и её культурные последствия // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н.А. Богомолов. – М.: НИЦ «Ладомир», 1996. – С. 121–142.
102. Иванова Л.А. Идеографическое представление поля «Время» в идиолекте сибирского старожила // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых. Вып. 13. Томск, 2012. Т. 1: Лингвистика. С. 122–125.
103. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002а. – 312 с.
104. Иванцова Е.В. О скрытых показаниях языкового сознания говорящего субъекта // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – Кемерово, 2002б. Сер. Филология. Вып. 4 (12). – С. 66–71.
105. Иванцова Е.В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2. Ч. 1. – С. 135–146.
106. Иванцова Е.В. О полисемии в идиолекте носителя говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VII). – М., 2004а. – С. 316–326.
107. Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2004б. – С. 141–145.
108. Иванцова Е.В. Языковая личность сибирского старожила: лексикографическое представление // Русский язык и литература в Сибири. – Красноярск, 2004в. – С. 6–23.
109. Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2006. Т. 291. – С. 5–11.

110. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010а. – 160 с.
111. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск, 2010б. № 4 (12). С. 24–32.
112. Иванцова Е.В. Концепция идиолектного словаря паремий сибирского старожила // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2011. – №3 (15). – С. 45–53.
113. Иванцова Е.В., Соломина Е.В. Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. №3 (29). – С. 14-27.
114. Искандарова Г.Р. К вопросу об экспрессивности в словообразовании (на материале современного немецкого языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. № 10. – С. 280–285.
115. Казакова О.А. Жанровая характеристика речи языковой личности // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000а. Ч. 1. – С. 118–122.
116. Казакова О.А. Информативные жанры в языке личности (опыт составления типологии) // Филологические исследования. – Томск, 2000б. – С. 49–55.
117. Казакова О.А. Диалогические единства в речи языковой личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001а. – С. 161–166.
118. Казакова О.А. Формальная организация речевых жанров в языке личности // Межкультурная коммуникация: теория и практика. – Томск, 2001б. – С. 262–268.
119. Казакова О.А. Диктумное содержание речевых жанров как источник описания фрагментов картины мира языковой личности // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – Томск, 2002. – С. 347–350.
120. Казакова О.А. Жанр рассказа в языке диалектной личности: стратегии и тактики речевого поведения // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. – Томск, 2003а. – С. 27–30.

121. Казакова О.А. Жанровое образование как средство организации дискурса говорящего // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2003б. – С. 58–64.
122. Казакова О.А. Изучение диалектной языковой личности: жанровый аспект // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2003в. Вып. 2, ч. 2. – С. 130–137.
123. Казакова О.А. Типология элементарных информативных жанров (на материале языка личности) // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. – Томск, 2003г. – С. 116–117.
124. Казакова О.А. Элементарные речевые жанры в языке диалектной личности // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – Томск, 2003д. – С. 36–40.
125. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005а. – 23 с.
126. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005б. – 241 с.
127. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007а. – 200 с.
128. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя: жанровый аспект // Вопросы лингвоперсонологии: Межвуз. сб. науч. трудов. Ч. 1. – Барнаул, 2007б. – С. 126–135.
129. Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67–89.
130. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках рус риторич этоса: На материале игровых программ: Дис. ... канд. филол. наук: – Екатеринбург, 2002. – 174 с.
131. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык / Л.А. Капанадзе // Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984а. – С. 5–12.

132. Капанадзе Л.А. Современная просторечная лексика (московское просторечие) / Л.А. Капанадзе // Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984б. – С. 125–129.
133. Капранова Н.А. Функционально-семантическая специфика ненормативных форм языка: просторечие и жаргон: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 172 с.
134. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: Лексический аспект. На материале русскоязычной прозы: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 247 с.
135. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. 1994. №3. – С. 2–7.
136. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 96–105.
137. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура». – М., 2003. – С. 362–363.
138. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
139. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
140. Кац Е.А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова. – Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 267 с.
141. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт : [Электронный ресурс] // Русистика. – Берлин, 1993. № 2. – С. 15-31. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
142. Китайгородская М.В. Наблюдения над построением устного просторечного текста / М.В. Китайгородская // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д.Н. Шмелёв, Е.А. Земская. – М.: Наука, 1988. – С. 156–182.
143. Князькова Г.П.. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. – 253 с.

144. Коготкова Т.С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературная норма и просторечие / Отв. ред. Л.И. Скворцов. – М.: Наука, 1977. – С. 58–76.
145. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. – М.: ГНОЗИС, 1996. – 255 с.
146. Козырева М.М. Общенная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. – 21 с.
147. Крапивец Е.А. Оценка диалектоносителем поведения человека в труде и в быту // *Juvenilia*. – Томск, 1998. – Вып. 2. – С. 95–98.
148. Крапивец Е.А. Языковое сознание диалектной личности как важнейший источник информации о семантике экспрессивного слова // *Juvenilia*. – Томск, 1999. – Вып. 4. – С. 15-17.
149. Крапивец Е.А. О семантических типах экспрессивных лексических единиц в языке диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 2000а. Вып. 5. С. 46–48.
150. Крапивец Е.А. Ценностная картина мира диалектной личности (на материале экспрессивных лексических единиц) // *Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. науч. конф.* – Омск, 2000б. – Ч. 1. – С. 114–118.
151. Крапивец Е.А. Специфика употребления языковой личностью экспрессивных лексических единиц в речевых жанрах // *Филологические исследования*. – Томск, 2000в. – С. 87–94.
152. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 172 с.
153. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 188 с.
154. Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике / Л.П. Крысин // *Русистика*. – Берлин, 1992а. №2. – С. 96–106.

155. Крысин Л.П. Оценочный компонент в семантике иноязычного слова // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке (Виноградовские чтения XIX–XX). – М.: Наука, 1992б. – С. 64–70.
156. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века: [Электронный ресурс] : // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91. – Электрон. версия печат. публ. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm> (дата обращения: 20.12. 2015).
157. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
158. Крючкова Т.Б. Развитие отечественной социолингвистики // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров / Отв. ред. Н.Н. Трошина. – М., 2004. – С. 8–51.
159. Кудинова Т.А. Просторечие и диалект в языке А.П. Чехова: К характеристике языковой личности писателя. – Ростов-на-Дону, 2000. – 239 с.
160. Кузневич З.А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1999. – 154 с.
161. Кузнецова С.С. Эстетическая оценка в идиолексиконе сибирского старожила // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. ст. 10-й Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Ч. 1. Томск, 2010. С. 191–196.
162. Кузнецова С.С. Образные звукообозначения в диалектном идиолексиконе (когнитивный аспект) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых. Вып. 12. Томск, 2011. Т. 1: Лингвистика. С. 168–170.
163. Кузнецова С.С. Базовые глаголы восприятия в речи диалектной языковой личности // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 16–23.
164. Кузнецова С.С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2015.– 227 с.

165. Кузьмина Г.Ш. Синергетика концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности в диалогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 267 с.
166. Кулаков А.Е. Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии / Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. – 2011. – С 32–34.
167. Купина Н.А., Шалина И.В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. – 2004. №1 (7). – С. 23–62.
168. Купина Н.А., Шалина И.В. Просторечие и вопросы ортологии // Вопросы культуры речи / Под ред. А.Д. Шмелёва. – М., 2007. – С. 73–93.
169. Куроедова М.А. Речевой портрет публициста: На примере очерков В.М. Пескова: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 235 с.
170. Лаптева О.А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 407–408.
171. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М., 1977а. – С. 175–189.
172. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М., 1977б. – С. 163–175.
173. Лебедева Н.Б. Речевая личность: параметры типологизации // Вопросы лингвоперсонологии. – Барнаул, 2007. Ч. 1. – С. 110–114.
174. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 809–819.
175. Лихачёв Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Лихачев Д.С. Статьи ранних лет: [сборник]. – Тверь: Рос. фонд культуры, Твер. обл. отделение, 1993. – 146 с.
176. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 228 с.

177. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре, речи // Человеческий фактор в языке. Механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991а. С. 157–178.
178. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991б. – С. 3–22.
179. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2009. Вып. № 1. – С. 211–215.
180. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 188 с.
181. Малова Н.Е. Лингвокогнитивная природа концепта «искусство» языковой личности автора: Дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2012. – 165 с.
182. Мартынова С.Э. Народно-поэтический стиль диалекта: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1992. – 257 с.
183. Маслова А.В. Реализация установки на гармоничное общение в речи диалектной языковой личности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. – С. 143–149.
184. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
185. Матвеева Т.В. О семантической структуре многозначных экспресsem (на материале диалектных глаголов) // Русские говоры Сибири. – Томск, 1981. – С. 30–36.
186. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
187. Менькова Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: По материалам произведений Б. Акунина: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 175 с.

188. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
189. Митрофанов Г.Ф. К вопросу о понятии просторечие в современном русском языке // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1960. Т. 138. – С. 82–97.
190. Михайлин В.Ю. Русский мат как мужской obscene код: проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. 2000. – №43. – С. 347–393.
191. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное: [Электронный ресурс] // Русистика. №1/2. – Берлин, 1994. – С. 50–73. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>. (дата обращения: 23.11 2015).
192. Мордовин А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика: На материале дискурса Г. Киссинджера : дис. ... канд. филол. наук: – Иркутск, 2004. – 239 с.
193. Морозова О.Е. Мир человека и его речь. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – 256 с.
194. Морозова Т.С. Некоторые особенности построения высказывания в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелёв. – М., 1984. С. 141–162.
195. Навицкайте Э.А. Выражение семантической категории экспрессивности в публицистике, посвящённой исламу // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. 2011. Вып. 2. С. 49–55.
196. Надель-Червинская М. Проблемы obscene лексики в лексикографическом описании: [Электронный ресурс]: URL: http://plutser.ru/nauka/M_Nadel_Czerwinska_Problemy_mata/ (дата обращения: 05.04.2016).
197. Народное образование в СССР / Под ред. М.А. Прокофьева. – М.: Педагогика, 1985. – 448 с.

198. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 5–24.
199. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
200. Оленёв С.В. Моделирование динамики русской языковой личности. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 220 с.
201. Опарина Е.О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров. – М., 2004. – С. 163–183.
202. Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных территориальных говорах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. – 43 с.
203. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 43–62.
204. Парсамова В.Я. Языковая личность учёного в эпистолярных текстах: На материале писем Ю.М. Лотмана: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 223 с.
205. Петрищева Е.Ф. Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования. М., 1972. С. 110–111.
206. Петрухина О. П. Аргументативные стратегии британского политика: Дис. ... канд. фил. наук. – Абакан, 2009. – 200 с.
207. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. – М.: URSS, 2010. – 187 с.
208. Пирко В.В. Просторечие Приамурья: лексикологический и лексикографический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. – 326 с.
209. Плущер-Сарно А.Ю. О семантике слова «мат»: [Электронный ресурс]: http://www.e-reading.club/chapter.php/45309/28/Plucher-Sarno_-_Bol%27shoi_slovar%27_mata._Tom_1.html. (дата обращения: 14.01.2015).

210. Полевая лингвистическая практика: Учебно-методич. комплекс сложной структуры. Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка. СПб., 2006. – 98 с.

211. Попова З.Д. Просторечное употребление падежных форм и литературная норма. // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – С. 176–186.

212. Порядина Р.Н. Функционирование имён существительных с деминутивными суффиксами в речевых жанрах (на материале среднеобских говоров) // Явление вариативности в языке: Материалы Всерос. конф. (13–15 декабря 1994 г.). – Кемерово, 1997. – С. 310–318.

213. Прияткина А.Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба (К определению внутренних свойств просторечия) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 231–239.

214. Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале т. Ижевска. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. – 228 с.

215. Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 294 с.

216. Рахманова Л.И. О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях // Вопросы стилистики. – М., 1966. С. 100–112.

217. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 2 (24). – С. 200–205.

218. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 218 с.

219. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. – 136 с.

220. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 5–79.

221. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь лингвистических терминов. Пособие для учителей. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

222. Розина Р.И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и сленге // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 100–166.
223. Ромашова И.П. Корпоративная языковая политика // Вестник Пермского ун-та. Вып. 3(15). 2011. – С. 63–70.
224. Российская педагогическая энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. В.Г. Панов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – Т. 1. – 608 с.
225. Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. – М., 1998. – С. 315–326.
226. Русаков А.Ю., Русакова М.В. Русские диминутивы: сочетаемость, функционирование, семантика // Материалы конф., посвящённой 90-летию со дня рождения А.В. Десницкой. – СПб., 2002. – С. 267–275.
227. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
228. Русский язык и советское общество: В 4 кн. / Под ред. М.В. Панова. Кн. 1. Лексика современного русского литературного языка / Авт. И.П. Мучник, М.В. Панов, Д.Н. Шмелев и др. – М.: Наука, 1968. – 184 с.
229. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
230. Салимова Л.М. Языковая картина мира А.С. Пушкина как русской языковой личности в романе «Евгений Онегин»: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 198 с.
231. Свешникова Н.В. Модели диминутивного словообразования в русских говорах (функциональный аспект): [Электронный ресурс]: URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/diminutiv.html#ftn0>. (дата обращения: 20.07.2015).
232. Свешникова Н.В. Экспрессивная функция диминутивов в диалектной речи // Предложение и слово / Отв. ред. Э.П. Кадькалова. – Саратов, 2002. – С. 669–673.

233. Сдобников В.В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 238 с.
234. Седов К.Ф. Становление языковой личности в онтогенезе // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994а. – С. 104–105.
235. Седов К.Ф. Русский мат и уровни развития языковой личности // Дом бытия. Лингвофилософский альманах. Вып. 1. – М., 1994б. – С. 31–40.
236. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26. Язык и человек. – С. 8–14.
237. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–311.
238. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 655 с.
239. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и её особенности – М.: Просвещение, 1974. – 143 с.
240. Сиротинина О.Б. Узуальная норма и её роль в развитии языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. – М., 2006. – С. 490–499.
241. Сичинава Ю.Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве: на материале текстов В. Маяковского и И. Северянина: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 192 с.
242. Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргон в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. Отв. ред. Л.И. Скворцов. – М., 1977. – С. 29–57.
243. Скитова Ф.Л., Огиенко Е.А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1971. Вып. 2. – С. 26–39.

244. Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификации // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – С. 60–65.

245. Скребнева А.А. К вопросу об общих и различительных явлениях в устной речи (на материале грамматики) // Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1984. – С. 173–178.

246. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

247. Собинникова В.И. Диалекты и просторечие в составе национального языка (по данным исторического языкознания). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 112 с.

248. Соколовская Т.Б. Языковая личность политического лидера: На материале газет новейшего времени: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 156 с.

249. Соломина Е.В. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия // Вестник Том. гос. ун-та, № 374. - Томск, 2013. - С. 37 – 41.

250. Соломина Е.В. О стилевой дифференциации речи носителя городского просторечия // Сибирский филологический журнал. – 2016. – №2. – С. 134-143.

251. Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия: к обоснованию объекта исследования // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 11. – Томск: Изд-во ТГУ, 2010. – Т. 1: Лингвистика. - С. 224-228.

252. Соломина Е.В. Функции деминутивов в текстах носителя городского просторечия // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых, 1 апр. 2011 г. / ред. А. А. Казаков. Вып. 12. – Томск: Изд-во ТГУ, 2011. – Т. 1: Лингвистика. С. 260-265.

253. Соломина Е.В. Прецедентные тексты в дискурсе носителя городского просторечия // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики:

Материалы конф. молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 13. — Томск: Издание ТГУ, 2012. — Том 1: Лингвистика. — 304 с. С. 244 – 248.

254. Соломина Е.В. Средства выражения мелиоративной оценки в идиолексиконе носителя просторечия-2: [Электронный ресурс] // Siberia_Lingua: Научный журнал Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального ун-та. – 2013, № 3 [сайт]: URL: http://ifiyak.sfu-kras.ru/images/1S_L_2013_3.pdf (дата обращения: 05.05.2015).

255. Соломина Е.В. Книжная лексика в речи носителя городского просторечия // Русская речевая культура и текст: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (15-16 апреля 2016 г.) / Под общ. ред. Проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 39-44.

256. Сорокин Ю.С. "Просторечие" как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института. Л., 1949. Вып. 1. – С. 124–137.

257. Спиридонова Н.Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия АН. Серия литературы и языка — 1990. Т. 58. – №2. – С. 13–22.

258. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.

259. Стернин И.А. Типы речевых культур: Учеб. пособие. – Воронеж: Истоки, 2013. – 23 с.

260. Телия В.Н. Коннотативный компонент семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

261. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 403–404.

262. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: Учеб. пособие. – Шадринск, 1971. – 122 с.

263. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999а. – 437 с.

264. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999б. – 166 с.

265. Усачёва С.П. Степень устойчивости локальных фонетических элементов в тверском городском просторечии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998. – 19 с.
266. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура:– М.: Гнозис, 1994. – С. 53 -128.
267. Федеральный закон от 21.07.2007 №194-ФЗ (ред. От 24.04.2008) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования»: [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/popular/edu/43_2.htm. (дата обращения: 29.03.2016).
268. Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова: Дис. ... канд. филол. наук: – Новосибирск, 2002. – 246 с.
269. Федотова О.В. Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А.А. Вознесенского: Дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 216 с.
270. Федянина О.Н. Некодифицированная лексика города Кирова (на материале просторечия и жаргона): Дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 1997. – 285 с.
271. Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // Вопросы языкознания. 1966. №4. – С. 32–44.
272. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. №2. – С. 3–12.
273. Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в литературном языке // Филологические науки. – 1979а. – №2. – С. 28–40.
274. Филин Ф.П. Просторечие // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979б. – С. 239.
275. Филиппов А.В. К проблеме коннотации // Вопросы языкознания. 1978. №1. С. 57–63.

276. Фокина К.В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе: на материале писем швейцарского писателя 20 в. Макса Фриша: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2010. – 202 с.
277. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
278. Функ Д.А. Шаманская и эпическая традиции тюрков юга Западной Сибири: Историкоэтнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. – 365 с.
279. Фунтова И.Л. Интонационные конструкции эмфатической речи и изменения в интонации современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 4. – С. 46–50.
280. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. №3. – С. 66–71.
281. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
282. Химик В.В. Предисловие // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – С. 5–12.
283. Химик В.В. Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении // Филологический класс. 2014. № 1(35).– С. 58-64.
284. Холодкова М.В. Просторечная лексика в системе современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 24 с.
285. Цой А.С. Лексикография русских служебных слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008-а. – 33 с.
286. Цой А.С. Служебные слова как объект русской лексикографии. – М.: Изд-во Литературного ин-та, 2008. – 280 с.

287. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. 1998. №4. С. 76–83.
288. Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / РАН: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497–515.
289. Шалина И.В. К вопросу о культурно-языковой специфичности речи носителя просторечия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Междунар. конф., посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой. – Саратов, 2005. – С. 132–136.
290. Шалина И.В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 43 с.
291. Шаповалова Н.Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса: на материале радио, телевидения и Интернета: Дис. ... канд. филол. наук: – Саратов, 2008. – 200 с.
292. Шапошников В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 176 с.
293. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города [Электронный ресурс] // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Вып. 5. – Красноярск, 1997. – С. 8–26. // Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-97.htm>. (дата обращения 02.11.2015).
294. Шарифуллин Б.Я. Общенная лексика: терминологические заметки // Речевое общение. – Вып. 1(9). – Красноярск, 2000. – С. 108–111.
295. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
296. Шаховский В.И. Эмотивная лингвозкология русского мата: [Электронный ресурс]: URL: http://tverlingua.ru/archive/023/1_23.pdf. (дата обращения 15.09.2014).

297. Шаховский В.И. Семантика и семиотика оскорбления [Электронный ресурс]: URL: http://tverlingua.ru/archive/026/01_26.pdf. (дата обращения 19.03.2016).
298. Шилина С. А. Языковая личность Ивана IV: На материале документов XVI – XVII веков: Дис. ... канд. филол. наук. – Брянск, 2003. – 232 с.
299. Ширина Е.В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века. Историко-дискурсивное исследование: Дис. ... д-ра филол. наук. – Р-н/Д, 2010. – 441 с.
300. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. – М.: Форум, 2012. – 400 с.
301. Школа В.Д. Девкина. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы. – 2-е изд., перераб. и доп. – Абакан, 2010. – 215 с.
302. Юнаковская А.А. Омское городское просторечие: Лексико-фразеологический состав. Функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.
303. Юнаковская А.А. Просторечие, «просторечники», степень просторечности высказывания // Славянские чтения. Духовная культура и история русского народа. Мат-лы докладов научно-практич. конф. Вып. IV.– Омск, 1995. – С. 95–100.
304. Юнаковская А.А. Экспрессивно-стилистическая дифференциация просторечной лексики (на материале г. Омска) // Городская разговорная речь и проблемы её изучения – Омск, 1997. Вып. 1. – С. 80–87.
305. Юнаковская А.А. Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы) // Филологический ежегодник. – Омск, 2000. – Вып. 3. – С. 80–85.
306. Юшкина Р.П. Взаимоотношения коммуникативных подсистем языка: На материале русских глаголов, передающих крики животных, в литературном языке, просторечии и территориальных диалектах: Дис ... канд. филол. наук: М., 2000. – 222 с.

307. Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 130 с.

Словари:

308. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний / В.М. Мокиенко; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словарный кабинет им. Б.А. Ларина. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с. – БСРЖ

309. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик; С.-Петерб. гос. ун-т, Филол. фак. – СПб.: Норинт, 2004. – 762 с.

310. Большой толковый словарь русского языка. [Авт., рук. проекта, сост., гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с. – БТСК.

311. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.): Ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. – МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Русские словари, 2000. – 693 с.

312. Квеселевич Д.И. Самый полный словарь ненормативной лексики. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – 1021 с.

313. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

314. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: ок. 20000 тыс. слов и фразеологизмов / Т.Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1102, [2] с.

315. Ожегов С.И. Словарь русского языка : 70 000 слов. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 916 с. – СОЖ.

316. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012. Т. 1-4. – ПСДЯЛ.

317. Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992-1995. – Т. 1-4. – ПССГ

318. Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 370 с. – СДПСР

319. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. – 605 с. – СРГНСО.
320. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1-46. – М.-Л. (СПб.): Наука, 1965-2013. – СРНГ.
321. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – МАС.
322. Словарь современного русского города: Ок. 11000 слов, ок. 1000 идиомат. выражений / Под ред. Б.И. Осипова; [Авт.-сост. Н.А. Гайдамак и др.]. – М.: Рус. словари [и др.], 2003. – 566 с.
323. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991-1994. Т. 1-6.
324. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. – М.; Л.: 1948–1965.
325. Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – СУШ.
326. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т.: более 12000 фразеол. единиц / Рос. акад. наук, Ин-т филологии; сост. А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995. Т. 1–2.
327. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 943 с.

Приложение А

Фрагмент записей спонтанной речи носителя городского просторечия

Июль 2010 г. В общей квартире Л.Л. и дочери: Л.Л. (Л), Настя (дочь, Н), Света (подруга, С). Продолжительность диалога – 1 час 28 мин.

Л: Давайте, давайте, давайте, говорите, прите на меня.

С: Как у меня эта говорит: «Ты, говорит, его напой – хорошо-хорошо-о выпьет. А ты и так, чтобы... потом, говорит, ты узнаешь, что он за человек» (смех).

Л: Меня, что ли?

С: Конечно, тебя.

Л: Ты тогда сразу со мной расстанешься. Это сто процентов.

С: Что? Я одна останусь?

Л: Расстанешься со мной сразу, если меня напоишь.

С: Значит, ты говнистый человек?

Л: Почему говнистый?

С: А чё ты говоришь...

Л: Чё, если расстаться, нужно обязательно быть говнистым, да?

Н: Начинается, блин. (Общий смех)

Л: Вот, сразу – если расстались, значит, говно, да?

С: Ну, значит и... значит и... – ну если расстанусь...

Л: Ну почему сразу говно?! Ну, может, (нрзб.) не сошлись, но, может, характерами не сошлись, ну? – по разговору.

Н: Ты не прав.

Л: И сразу – говно, да?

Н: Речь щас не об этом идёт: вы не просто расстались, а говорится про пьянку именно.

Л: Вот и именно – вот уже всё, расстались.

Н: Ну если ты пьяный говоришь «расстанемся» – значит, ты говнистый пьяный. Не трезвый, а пьяный. Про это речь идёт.

Л: Ты! По башке бутылкой получишь, а!

С: (смех)

Л: (смех)

Н: Я тебе разъясняю.

Л: Да не надо, понятия – вишь – понятия разные. Может, знаешь, в чём-нибудь разговор не сойдётся – да, да.

Н: Ну это так. Это в общем.

Л: А почему она мне... почему должен быть я говнистый, а не она?! В любом случае...

Н: И она говнистая.

Л: Вот. (Нрзб) обязательно, да? А так просто (нрзб.) разойтись нельзя, да?

Н: Почему, можно.

Л: Обязательно нужно быть говном, да? Я так понимаю.
Н: Да ты вообще ни хрена не понимаешь, чё тебе говорят.
С: Ты не понял. Ты нас не понял.
Н: Мы про Федю, он про Васю.
С: (смех)
Л: Ну всё, всё. Всё. Вас так легко завести, дамы.
Н: А тебя так трудно.
С: (смех)
Н: ... шары сразу выпучит, орёт сидит.
Л: О, сёдня я как психанул возле магазина: ну нету – я стою...
С: А я оттуда иду, сморю – чё-то его нету.
Л: ... да что ты, блин! Я уже, слушай, трубку...
Н: Щас, что ли?
Л: Да!
Н: Да тут прошло – тебя пять минут не было.
Л: Набираю, блин – тишина, блин. Ты хоть сбрось, чтоб я знал...
С: В следующий раз так и делаем: раз, сбросила, и всё.
Л: ... то ли не уважает, то ли не хочет базарить...
С: Знаешь, ты меня обижаешь – не надо такое делать. Еси бы.... Еси бы я тебя не уважала, я никогда сюда бы не пришла.
Л: Дай поцелую.
С: Нет, не дам. (смех) Не надо.
Л: А чё... а чё ты покраснела, Свет?
С: Не знаю (смех).
Н: Засмушалась.
Л: И поцеловать не дашь. Не да-ашь, не да-ашь (общий смех)!
Н: Это как Танька вот эта – ну помнишь, с которой я разговаривала – полненькая...
Л: Ну-ну-ну-ну-ну.
Н: Вот она до того смущается...
Л: Да ты чё.
Н: А Борька – он такой – ну, работает у нас водителем. Постоянно – встретимся там чё-нибудь – ну, обнимемся, там в щёчку поцелуемся. Она подойдёт – он если её в щёчку чмокнет – она как помидор стоит.
Л: Да ты чё! (смех)
Н: Всё – у-у-у – лицо закрывает – вся крас-ная такая! Я говорю: «Танька, чё такого?»
Л: Чё такого-то, ну! Боже мой, ну!
Н: Вот такая есть. Я тут с бабой рамси'ла – рассказывала тебе, нет?
Л: Нет, не рассказывала, а чё случилось?
Н: Подметаю вчера...
Л: Где подмет... – а, в этом, в трамвае?
Н: В троллейбусе. Вылетает – аж там, из магазина – орёт уже: «Ты чё метёшь?» Я говорю: «А чё, нельзя?» – «Нельзя!»
Л: А-а, это, наверно – это дворничиха, наверно.

Н: Не дворничиха, а с того дома. Не с этого, а с того.

Л: А ей-то какое дело – она чё, убирает, что ли?!

Н: Ну возле дома там у них насрали, бардак. Я грю: «Ты видишь, грю, что я, грю – тут пыль!» – «Ну чё – пыль?»

Л: Да послала бы её подальше! Она чё, дворник или чё?!

Н: Я подметаю, это, она как взбесилась – я спокойно с ней разговариваю – а она орё-ёт! «Ты посмотри на неё! Я говорю, а она всё равно подметает!» – Я говорю: «Ну ты в троллейбусах ездиишь?» – «Ездию». – Я говорю: «Там чисто?» – «Чисто». – Я говорю: «В чём дело тогда?»

Л.: Обезьяна, блин.

Н. Она: «Чё так со мной разговариваешь?! Я буду жаловаться!» Я говорю: «Номер директора дать?» – «Не надо, я сама знаю» – убежала, короче. А Лёнька как раз там воду набирал. Грит: «Слышу, – говорит – звонит...

Л.: Да ты чё!

Н.: ...Орёт в трубку, номер троллейбуса назвала» – назад летит. «Надо будет – буешь...» – опять, короче, прилетела чё-то там, давай про эту пыль. Я: «Ну чё мне, в карманы её, что ли, складывать?» – «Надо, – говорит, – будет – будешь в карманы складывать!»

Л: Она говорит?

Н: Я говорю: «Отдыхай! Иди отсюда!» – и всё, она убежала (смех). Знаешь, вот так – подпрыгивает вся.

Л: А это всё... вот знаешь, это психология: если вот спокойно себя ведёшь – вообще – ну, да соглаша-айся, там – только свой дело делай, не прекращай своё дело – они всё. Они всё, они готовы на тее рубашку рвать. Это вот – вот Настя праильно делает.

С: Я точно такая же, Настя.

Н: Я говорю: Максимыч токо вызовет, директор – я говорю: «Я вообще в троллейбусе убираться не буду».

Л: Да чё б он вызвал?

Н: Пускай там будет срач.

Л: Не, ну а где ты должна убирать его?

Н: Ну. Она грит: «В парке». Я грю: «Пока я в парк приеду, говорю, все от пыли там задыхаются».

Л: Какая умная, да? Эх, меня там не было...

Н: Не, ну ладно мусор бы там...

С: Да.

Л: За шкварки бы, на х**.

Н: Мусор бы там выметала, бумаги – другое дело, – пыль! Она вот она, на дороге – пыль.

Л: Она кругом, пылью даже дышим. Вот зесь – вот зесь – мы пылью дышим, понимаешь?

Н: Дура душой. До этого бабка ходила орала. К одной подходит бабе – помнишь, я тее рассказывала – сидевшая-то, Светка – коврик вытряхает. Той вообще пальцы в рот не ложи...

Л: Ты рассказывала мне про неё – я-то её не видел. Она рыжая, да, у тебя?

Н: Нет, чёрная, чёрная.

Л: А, не-ет, не-ет, (нрзб.) рыжая...

Н: Подходит – это, к ней, грит: «Чё ты коврик здесь выметаешь?» – Она говорит: «А ты, грит, где вытряхаешь – в область ездиишь вытряхать?» (смех – общий, громкий)

Л: Молодчина!

Н: Грит: «Ты, старая, коврик где вытряхаешь?» – она развернулась и пошла.

Л: (смех) Ловко она её отрубила! Молодец! (смех) «А ты где свой вытряхаешь?» – да?

Н: «В область, грит, ездиишь вытряхать?»

Л: (смех) Молодчина! (смех) Чё ты, Света, давай...

Н: Там вообще такая баба – у-у-уй – страшная.

Л: Крутая, да?

Н: Девять лет отсидела.

Л: Ну ты рассказывала, но. Ну муж-то её, слушай, дембельнулся, нет?

Н: Ну вроде отпускают его, да.

Л: Отпускают, да?

Н: Ну чё-то по её косяку он засел – чё-то там какой-то рамс произошёл...

Л: А-а-а...

Н: Они прошлый год гуляли – во, это она с другой смены – гуляли – вот этого посадили; а этот год гуляли – на какой праздник? – не помню – тоже собирались гуляли, короче – и один другого пырнул вот сюда.

Л: Ну, короче он взял... взял на себя – по ходу она его ё*нула.

Н: Не-ет.

Л: Нет, не она?

Н: Нет, не на себя взял, а чё-то из-за неё там рамс произошёл.

Л: А, из-за неё...

Н: Но.

Л: А, ну это уже, слушай...

Н: Ну он вообще не виноват – его, короче, оправдали.

Л: Ну это, слушай, уже – из-за дамы – она зесь ни при чём, слушай.

Н: Да она такая, что замутит-закрутит, что...

Л: Замутит, да?

Н: Конечно.

Л: Ничё себе.

Н: Ой, а матерится – слово за.... – вот у нас таких три бабы в парке. Невозможно слушать.

Л: Давайте дверь туда закроем, а?

Н: А чё?

Л: Да дым туда идёт.

С: Ну она сказала – балкон открытый.

Н: Пускай протягивает – сквознячком вынесет.

Л: Да чтоб обои дымом не пропитались.

Н: Ой, да брось ты. Иногда хоть топор вешай.

Л: Где-е? В зале, что ли?

Н: ...а тут забеспокоились.

С: (смех)

Л: (Нрзб.) О! Вот щас глазки другие стали! (о Свете) А?

Н: У меня девка тут знакомая...

Л: Она такая сердитая, слушай [о дочери]. Я-то её не боюсь.

С: Да?

Л: А другие боятся, слушай. Яха [о брате Насти] её вообще боится. Он вообще шугается её. Особенно так в детстве (нрзб.).

Н: ...Знакомая где-то (нрзб.) я её не видела уже лет пять – Настя зовут её.

Л: М-гм.

Н: Тоже девятку оттарабанила.

Л: «Оттарабанила» грит! (смех)

Н: Лоб в татуировках...

Л: Да ты чё! На глазах – «Хочу спать», да? Здесь – «Устань», да?

Н: Она за убийство сидела.

Л: А ты мне рассказывала как раз, про неё.

Н: Ну, она тоже такая это, тараторка. А может быть, её и посадили, кстати.

С: (смех)

Л: Такие долго не ходят на воле, да?

Н: Почему-у? Она сама по сее девка нормальная – по чистой случайности там кто-то башкой трахнулся насмерть. А такая сама здоровенькая.

Л: Ну, может, она стукнула – он там ударился, и всё. Ну понятно, есть такие случаи. Это, это, это, это убийство это... по неосторожности... по неосторожности...

Н: Такая, это, нормальная девчонка...

Л: Ты заметила – я левую руку чешу – и она тоже – заметила, да?

Н: ... семейка у неё придурошная. Вот у них четырёхкомнатная квартира, две сдают, в одной она жила, короче, с мужем и с ребёнком – там комнатуха маленькая. А в другой – мамаша с младшей сестрой. Вот они не общаются вообще.

Л: Да ты чё. Жё-ёстко.

Н: Вот у них рамси'ли, рамси'ли, короче – сеструха там чё-то – ну, мамаша всё хотела её выселить оттуда – ну и рамс произошёл – она сестру толкнула – сестра поломала два ребра.

Л: Ну и чё – ой, два ребра!

Н: Накатала заявление.

Л: Два ребра – ну и что с этого – два ребра.

Н: А ребёнку тогда было полтора, по-моему, года еёшному. И вот суд приговор вынес – по истечению – ну, короче, когда ребёнку будет три года – то её на полторашку посадят.

Л: Ни х*я себе! Вот это сестра, б**дь!

Н: Сестра.

Л: Ё-ё**ный в рот, б**дь!

Н: Накатала – она мне даже показывала, и это – ну, судебное решение вот это, что...

Л: Сука, б**дь! Сука, сука. Сука.

Н: А так девка вообще нормальная. Она, мож, уже и отсидела.

Л: Ни ху... ни ху... – извини – ни хрена себе!

Н: Ну, рассказывала, как сидела – поначалу гнобить начали.

Л: Ну, как всегда.

Н: А потом, грит, как взяла в оборот. А там у них, у баб, короче – у мужиков пидоры позор, а у баб налысо бреют. Налысо побрили – всё, грит. Ты уже не досидишь, можно сказать.

Л: Ну у женщин, вот, в женской зоне намного жёстче, чем в мужской. Там хуже.

Н: Ой, там жестоко вообще.

Л: Там жестоко. Женщины – они звереют – мужиков нету – они з... Рассказывали о женской зоне... Может быть, слушай, тему сменим, Насть?

Н: Да можно.

Л: Да тоже так думаю, слушай. Чё-то не по теме пошла... разговор. Чё ты пиво не пьёшь сидишь?

С: Да пью я пиво.

Л: А чё ты...

С: Да отстань от меня.

Л: Чё ты спотыкаешься? Скажи – (нрзб), да? Пуська! (кошке) Чё у неё, хавки, что ли, нету?

С: Да есть у неё.

Л: Слушай, я вот каждое утро прихожу – ей свою хавку отдаю.

Н: Ну вот видишь, как ты отдаёшь – плесенью уже покрылось.

Л: Не, ну там-то у меня суп остался.

Н: Надо выловить.

Л: Знаешь, вот деревенские уже всё схавали и (нрзб.) вылизали бы.

С: Я тоже ей сегодня привезла-а эти, три рыбы – караси. Не знаю, почему-то на даче – кто ел...

Н: В рыбе разбираетесь?

С: Нет. Я не рыбная душа. Я честно говорю.

Л: А чё тее, в рыбе, что ли, надо разобраться?

Н: Ну я с тобой спорила, что у сазана усы есть.

Л: Нету. Я тее говорю – нет-ту!

Н: Я тее говорю – есть.

Л: Не-ту!

Н: Всё, не начинай.

Л: Да нету у сазана усов. И никогда у них не было, у сазанов.

Н: Есть у них усы.

Л: У молодого сома – да. Он как сазан – как сазан – у него такие маленькие, он – с кожи. Но только не сазан. Никогда у сазанов не было усов, ты чё!

Н: Пап, ну мы с тобой спорили на чё – на ящик пива, по-моему.

Л: Да-а, если я не прав, (нрзб.) морду набьют, если скажут – потому что у сазана нет усов!

Н: Да мы не будем морду никому бить – мы пойдём в магазин – в рыбный...

Л: Да мне наплевать – давай книгу купим!

Н: Давай! Давай.

Л: Да – вот всё, ну! У сазана – усы!

Н: Усы. У них есть такие усики маленькие.

Л: Да не-ет у сазана!

С: Есть. У рыбы есть.

Л: У сазана?!

Н: Я тебе сейчас даже скажу: у сазана усы идут – на морде прямо – вот зесь вот.

Усы.

С: Как у сома.

Н: Как у сома, а у сазана – вот зесь усики.

С: Вспоминай!

Н: У сома впереди усы идут.

Л: Ты хоть бы молчала у, б...!

С: Чё мне молчать-то! (смех)!

Н: Да ты сам вспомни!

Л: Они разные, слушай – нет у сазана никаких усов!

Н: Ты не приглядывался.

С: Вот именно, ты не приглядывался.

Н: У сома, вот я вспомнила...

Л: Ты почему предаёшь, а?!

(крик общий)

Н: Вспомнила сома – как он выглядит – у него впереди усы.

Л: Да.

Н: У сазана вот здесь, по бокам усики.

Л: Ни разу не видел у сазана. Я вот таких вытаскивал.

Н: Вот я и говорю – присмотришься...

Л: Да нет.

С: Потом вот будет время – ты глянешь.

Л: Ты чё меня предаёшь, а?

С: (смех)

Л: Блин – вот ё-моё!

С: Чё мне, молчать? Давай я молчать буду.

Л: Мужа-то нельзя подставлять!

С: (смех)

Л: Скажи: «нету» – и всё, ну!

С: (смех) За тебя, да?

Л: Конечно! (смех)

Н: Не, мы потом докажем, что есть.

С: Конечно.

Н: Будем вдвоём пиво пить – ящик.

Л: И чё, мне даже бутылочку не дадите?

Н: Ну, бутылочку, может, дадим.

Л: Так это чё оно – по двадцать пять рублей, да? – «Жигулёвское».

Н: Пятьсот рублей.

Л: Пятихатка.

Н: Двадцать бутылок.

Л: Ну ладно, с получки возьму. Куда деваться?

С: Нет, сначала ты посмотришь, мы тебе покажем...

Л: Э-э-эй, подожди.

С: Потом ты...

Л: Подожди, какая разница – тихо, тихо, тихо – есть усы, нет усов – есть ящик пива – главное, понимаешь? (смех)

Н: А для меня не главное – ящик. Для меня главное, что спор выиграл.

Л: Да не выиграла ты спор. Да я его побрею, слушай. В магазине сразу куплю, побрею, и (нрзб.).

Н: Туши бычки свои. Воняет.

Л: Не воняют, а пахнут.

Н: Да что ты – бычки воняют, вообще-то.

Л: Ты чё пиво-то не пьёшь?

С: Я пиво мало пью. Ну, конечно, я выпью. Пускай стоит.

Л: «Пасть порву. Моргала выколю. Бритвой по горлу – в колодец!»

С: О-ой!

Л: Гыт – «Век воли не видать»...

С: Это какая?

Л: «Джентльмены». «Век воли не видать» – (нрзб.) «Век воли не видать».

С: Как это кино называется?

Л: «Джентльмены удачи».

С: А, вот, точно. (пауза) О-ой!

Л: Чё ты ойкаешь – чё ты всё... всё время ойкаешь?

С: Да устала я уже – честное слово. Туда – сюда. Вот, казалось бы, утром – я вчера думаю: Ну всё. Всё, на дачу не поеду. Звонок. Ему звоню, короче... (смех)

Л: Я вчера вечером ей звонил.

С: А-га. Ну всё! Я и так думаю, может – всё!

Л: Она думала, слышь, щас опять психанёт чё-нибудь, (нрзб.), слышь? (смех)

С: Ага. Я ему звоню, гру – так, это – пришла – мать говорит: «Не переодевайся». Ему звоню, он: «А-а-а-а!» – И знаешь, мне так обидно – думаю – да и бог с тобой. Думаю: Ну и бог с тобой. Если ты не понимаешь – я же не могу разорваться. Понимаешь? Если была бы я свободная женщина, у меня бы не было матери бы, и это – была бы я одна бы – это было бы другое дело. А я же не могу разорваться – как Зоя Космодемьянская – туда – сюда, знаешь, бегаю» (смех).

Л: Слушай, нет, она бы порвалась бы, я понимаю – у неё мать, вишь...

С: Да. Понимаешь, я вот...

Л: ...В корсете хоит.

С: Вот она как снимет корсет, сядет – уже всё нормально – тогда уже всё, я буду уже тогда вот... А то начинает: то на часы смотрю, то ещё чё-нибудь. Знаешь, начинаю дёргаться это – ни к чему.

Л: Ну что ты опять расстраиваешься?

С: Да что ты – вот это знаешь – мне вот это не нравится.

Н: Чё дёргаться – сварила ей, наготовила – пускай сидит. А чё дёргаться?

С: Коне-ечно, да я, понимаешь – она не может нагнуться, не может помыться, а у ей вечно – то причина, то ещё чё-нибудь.

Н: Не, ну это ве-ечером – на два – на три часа – на дачу же ездите – наклоняется и нагибается.

Л: И по суткам не бываешь, ну!

Н: Ну. Нет, вот так рассудить – когда на даче – она и наклоняется, и нагибается.

С: Так она ничё дома не делает.

Н: Так пускай не делает.

Л: Пускай не делает. Ну и что? Вот ей, слушай, вбиваешь в голову, ну.

С: И чё-то переживаю. Как она там и чё?

Н: И здесь так же самое – ну ушла на три – четыре часа – ничё с ней за это время не станет. Не надо ей ни наклоняться, ни нагибаться.

С: Короче, пошла щас. Она гыт. Она поняла, что к нему иду. «Ты заberi мусор, выкини. Если можно – заberi мусор» (смех). Я грю: «Можно». (смех)

Л: Приучай её потихонечку. Ты чё, будешь всё время (нрзб.) сидеть?

С: Ну конечно, она привыкла, что я рядом. Она где-то нагнётся, где-то чё-то...

Л: Ну ничё – ты уежжяешь на дачу – ничё с ней не (нрзб.), праильно?

С: Я уезжаю на дачу – она говорит: «Я с тобой поеду!». Она вот так. Она не это...

Л: Да сама приучила, короче.

С: Ну вот, да – и именно.

Л: Сама приучила.

С: Да. Понимаешь, чё-нибудь начинает – чё-нибудь: «Иди в ванне пополоскай» – у нас хоть и автомат машина – но всё равно чё-нить такое, знаешь – «Иди, нагнись там, иди ванну помой, я пойду помоюсь», туда-сюда.

Л: Короче, командует.

С: Да, позавчера: поехала на дачу – она звонит. Я говорю: «В одиннадцать часов, короче, ты позвонишь мне». Ну, потому что с огоро-ода, туда-сюда-а, пока помоемся, туда... Я говорю, помы-ылась в ванне, туда-сюда, ну, короче, с ним поговорили, потом (нрзб.) – звонит мать: «Ты знаешь, что тебе в больницу надо идти?» А я уехала и заб-была, что в больницу надо. Ё-моё – и утром пришлось ехать. С больницы сразу к нему поехала. Потоушто это, знаешь – она всё! А я бы – если бы она не проверила бы – ну подумаешь – не сходила в больницу бы. Ну, она же всё прове-ерит – документы, всё. Вот – паспорт – я с собой ношу.

Л: Короче, контролёр.

С: И документы, и всё – всё с собой ношу.

Л: Это моя тёща – твоя баба, слышь?

С: Это кошмар какой-то, это ужас! (смех) Я удивляюсь, как она...

Л: Даже ещё ху-уже, слушай. (смех)

Н: Да брось ты.

Л: Ещё хуже.

Н: М-м.

Л: У ней ещё хуже, чем...

Н: М-м-м.

Л: Не моя тёща, а у ней ещё хуже в миллион раз.

Н: Вообще бабушка самая лучшая в мире. Понятно?

С: Да...

Л: Я знаю, что у тебя лучшая. У тебя и мама лучшая. Да и папа тоже неплохой.

Н: Да? Ну вот и всё. Договорились.

Л: (смех)

С: (смех)

Л: Всё, слышь – вчера купила [фотоаппарат, дочь] – и звонит – обычно на работу не звонит – редко – редко когда. Тут звонит. А я... а я как раз тебя провожал. «Ты чё, грит, па, трубку не берёшь?» – «Да я Свету провожал». – «Ну, – грит, – понятно». «Я, грит, всё-таки фотик взяла». Я говорю: «Ну молодец взяла – что взяла».

С: А я на работе спрашиваю: «Чё, она не взяла?» – он грит: «Да вот так, вот так». Я грю: «Ну, наверно, документы (нрзб.)».

Л: Звонит мне...

Н: Мне там не дали кредит, короче.

С: А-га.

Н: За учёбу так я и не заплатила. Так и нет, нету денег.

С: Слу-ушай, Светик! Миленькая Светик!

С: Чё?

Л: У нас к тебе есть предложение с Настей.

С: Чё?

Л: Я не знаю, как ты его воспримешь... лапушка.

С: Ты мне скажи.

Л: Ты помнишь, ты мне говорила, что кредиты этим, пенсионерам...

С: Ну. Надо в ЖЭУ сходить и почитать.

Л: В ЖЭУ... Ты – ты почитай, слушай. Давай мы с тобой типа как типа договора...

С: Сходи почитай.

Л: Типа догово-ора...

С: Я не знаю там...

Н: Там в этот, в Левобережный дают.

Л: Ну я н... Тебе сколько нужно за учёбу, дочка?

Н: Девять с половиной.

Л: Девять с половиной.

Н: Да хотя бы взять уже на три месяца – думаю – хрен с ним! За три месяца и рассчитаемся по трёшке.

Л: Ну мы вдвоём работаем же, ну!

Н: Ну. И Яшка приеет.

Л: Да Яшку ты не бери во внимание, на х**!

Н: Да даже смотри: за квартиру нечем ему будет за квартиру заплатить – мама хоть как перешлёт!

Л: Ну бабка хоть как перешлёт.

Н: Ну.

- Л: А ей щас за учёбу надо сдать.
- Н: По три тыщи...
- Л: Вот мы хотели к тебе, слышь – мы хотели к тебе за помощью обратиться.
- С: Надо сходить, посмотреть...
- Л: Ну вот вы её – вдвоём сходите...
- Н: Скоко у вас пенсия?
- С: Ой, у меня пятёрка. Считай.
- Л: Нет, нет, чистыми, солнышко.
- Л: Четы-ыре семьсот с чем-то.
- Н: Ну это нормально.
- Л: Ну а сколько тебе нужно – девять с половиной, да? Не бери лишнего, слушай – на хер оно нужно!
- Н: Да зачем лишнее? Я фотик взяла.
- Л: Ну, за фотик там постепенно рассчитываться.
- Н: (нрзб.)
- Л: Почему «самой» – мне тоже пригодится!
- С: Надо сходить и почитать...
- Л: А я (нрзб.) – ты чё, не дашь, что ли?
- С: Почитать – и чё к чему и – я же не говорю (нрзб.) – очки ему отдала.
- Н: Ну вот я щас съезжу домой, приеду – давайте сходим.
- С: Когда ты приедешь?
- Н: Приеду я кода? Кода я приеду – в среду.
- С: А я в среду ложусь в больницу.
- Л: Она в больницу – она тридцатого в больницу – с ножкой – видишь, у ней.
- Ну да я ж тебе показывал.
- Н: Ну там, мож, анализы возьмут да отпустят.
- Л: Нет, нет, уже взяли, уже взяли.
- С: Но. Поэтому...
- Л: Надо раньше...
- Н: Ну как ложат – а диагноз-то какой говорят? С чем ложат они?
- С: О там – с ногой тут, туда-сюда – и не знаю. Обследование. Не знаю. Не знаю.
- Л: Да с кровью, слушай.
- Н: С кровью – вот именно...
- Л: У меня тоже – помнишь, да? – ноги, всё это было. Тоже весь...
- С: Вот зесь всё нормально. Всё тело нормально. И всё.
- Л: Это с кровью, это с кровью.
- С: Вот нога...
- Н: Взять бы вот кровь – да? – кажется, заражена по всему телу тоже. У меня руки вот посюда. Вот ровно: не да-альше там, ничё. Посюда, вот только, кисти. Вот так же гнили.
- С: У меня началось чесаться – нога. Ты знаешь вот – чешется и чешется, думаю: да чё за дела? До крови, понимаешь?
- Л: Ну ясно, ясно, ясно.
- С: Потом – бац!..

Л: Это...это... это всё, знаешь, Света, всё, это, с Китая пришло. Пока Китая не было здесь – все были здоровые. Я тебе серьёзно говорю. Как Китай появился – и...

С: Ой, осподи.

Л: ...так оно пошло.

С: Конец мне.

Л: Ты прекрати-и! Прекрати, ты чё, Свет!

Н: Вот сходить, узнать, если чё дадут – на три месяца взять...

С: В понедельник мы с тобой подём в ЖЭУ – ты сам считаешь...

Л: Это нужно Насте читать.

С: А ты чё?

Н: А ты чё?

С: Да.

Н: Меня ж не будет дома.

С: После комиссии – вот, у меня (нрзб.) вот, двадцать девятого, в понедельник.

Л: Так но нужно там какие-то докуме-енты, (нрзб.), я не знаю.

С: А?

Н: Не, ну ты читаешь...

С: Да.

Н: Просто...

С: И Насте скажешь.

Л: Какие проценты... Ну я ей позвоню.

Н: Да. Какое чё там.

С: Чё почём – потому что очки же ему же отдала – он же машину там – чё-то...

Л: Не надо, у тебя очки вторые есть.

С: Очки тебе же отдала.

Л: У тебя очки, ты чё!

С: Отдала!

Н: Вот они!

Л: А, да, да, да. Да, ты мне отдавала...

С: Ну вот. Не могла прочитать. Я поэтому отказалась.

Л: А там, слышь, слышь, это, Света, а там посмотреть – где лучше – там, или сходить в Левобережный или здесь, да?

Н: В Левобережке восемнадцать процентов.

С: Ты читаешь – и как и чё, и мы с тобой осмыслим, чё, и ты Насте скажешь...

Л: Токо... токо знаешь, Света, не подумай, что там тебя кинуть или что-то это – даже об этом забудь!

Н: Не, можем в залог даже чё-нибудь оставить. Паспорта там...

С: Да ну тебя!

Л: Да не-ет, нет. Да ну – ты чё – даже – я даже об этом думать не хочу.

С: Короче, я не буду говорить сейчас «да – нет» – мы ходим, как – всё считаем – как и чё...

Н: Ну у вас задолженности по квартплате нет, ничё?

С: Нет.

Л: Как, как ты сказала?

Н: Ну, за квартплату.

Л: А, задолженности. Нет, Света...

Н: Вот у нас есть за свет (смех).

С: Вот.

Л: Ну я не знаю, счас, слушай, у меня у концу месяца у меня будет наработано – уже будет шестнадцать смен наработано – это уже, уже одиннадцать тыщ у меня бует. Ну так, когда они дадут, слушай, – именно поэтому или можт, на пять (нрзб.) позже – вот...

Н: Вот как-то вот у тея тоже непонятно на работе. Давали бы вот – число в число. Чтоб точно знать.

Л: Ты понимаешь – он мне пошёл навстречу.

Н: (нрзб.)

Л: Да, комиссию надо было проходить – я не прошёл же, понимаешь? Ну, правда, ещё (нрзб.). Он вчера был, да вот?

С: Да.

Л: Шеф с сыном. Я аж как соскочил...

Н: Сын женатый там у него?

С: (смех)

Л: Да там сын – больше чем батя – слон такой, блин. Сергей Николаич. Я аж соскочил, да – я не ожидал (нрзб.). Ну и правда – и чё на меня, да? Как-то так неожиданно, так рано пришли они – ёлки-палки. Я сижу – на телефон там музыку подбираю – у (нрзб.) кстати, «Самсунг», как у нас, валяется такой же. Ну правда, наш (нрзб.). И тут на' тебе – Николай Василич заходит – ё-ёлки-палки! Вот на' тебе, неожиданность – там (нрзб.), туда-сюда, поставили – ну, так, конечно. Ну ничё, нормально всё, да? Не ругался, ничё.

С: Короче, слушай меня. Давай сходим, так: в понедельник в двенадцать - тридцать у меня комиссия, я еду... съезжаю туда, отдам документы...

Л: А в понедельник я не успею на медкомиссию – у тея денег нет на медкомиссию, да?

Н: Почему – я тее дам.

Л: Дашь, да? Я не успею подъехать – если я буду с этим кредитом бегать...

Н: А чё тее бегать?

С: А чё какой кредит? Мы сначала почитаем.

Н: Ну.

С: Если кредиты, значит...

Л: Мне нужно медкомиссию хоть как проходить, слышь?

Н: Ну это понятно.

С: ... заранее не говори. Если «да», значит, (нрзб.). Мы сначала почитаем, я ж не могу говорить точно. Я сначала почитаем...

Н: Я чё говорю: даже в ЖЭУ, мне кажется, туда идти и не надо, потоушто в Левобережке взять проще. С пенсионного справку принёс – пенсион...

Л: Ты всё уже знаешь, видишь...

Н: Я всё это знаю. На три месяца они не дадут. Дадут там на де-есять. На двенадцать.

С: Ну на полгода.

Н: Выплатить раньше можно.

Л: ... можно – во! – это ещё лучше, слушай!

Н: Процент идёт вообще маленький.

Л: Это ещё лучше, слушай!

Н: Чем на меньший срок берёшь, тем меньше процент.

Л: Это ещё лучше!

Н: То есть, допустим, десятку мы – ну, я образно говорю...

Л: Ну!

Н: ...Десятку там заплатили за три месяца, за четыре. Вот они десятку положили – са-ами уже растягивают как им надо...

С: Ну-ну-ну-ну, я ...

Н: Кредит уже погашенный. То есть, мне кажется, это са-амый простой вариант.

С: Я знаю.

Л: Да я-то – чёрт её знает – я-то вообще хотел в этом брать...

Н: Я вчера вообще взяла фотик в этом – Альфа-банк.

Л: По какой ты... Ты в Альфа-банке взяла?!

С: (нрзб.).

Л: (нрзб.) Альфа-банк. И какой процент? Я знаю этот банк.

Н: Там, короче, тоже заму'та такая – непростая.

Л: Там вообще сложно – Альфа-банк.

Н: Там как заходишь, короче, в этот Эльдорадо долбанный. Токо я сказала – мне в кредит фотоаппарат надо – их выстроилось уже пять штук, все с разных банков. «Ой, там пойдёте в нашем банке». Хоум-кредит, короче, я хотела – Хоум-кредит – центр, вс...

Л: Ты мне рассказывала...

Н: ...но там у них большая идёт страховка.

Л: Но, страховка есть такая, но.

Н: Страховка там чё-то около полторашки, короче – все данные проверяют, там докуме-енты нужны. В этот, в Русский Стандарт потом я пересела. В Стандарте, короче, всё (нрзб.), туда-сюда – не разрешили. Не дали. Кредит. В третий банк – в этот Альфа-банк пересела...

Л: Ну Альфа-банк – там (нрзб.) дают.

Н: Ну я говорю: раз вам ни справок, ничё не надо – я же могу другие данные назвать? Он: «Ну конечно».

Л: (смех)

Н: Зарплата у меня – шестнадцать тысяч, ребёнка у меня на иждивении нету, короче – она только заявку подала, токо проговорила – грит, «Телефон не занимай – могут перезвонить». И всё, короче. Уже приходит ответ, что можно.

Л: (смех)

Н: Она, правда, тоже меня надурила.

Л: Естественно – как ты думаешь. Ей тоже надо.

Н: На шесть с копейками. Потому что флешка – шестьсот рублей – на четыре гига я взяла.

Л: На четыре? А не мало – четыре?

Н: Триста снимков.

Л: Триста, да? В принципе, триста...

Н: Да конечно – куда их?

Л: Маловато, конечно.

Н: Почему маловато?

Л: Если, например, куда-то ехать работать – триста – мало. Куда-то ехать, отснимать – триста – мало.

Н: Да ты брось.

Л: Да чё брось?

Н: Если ты куда-нибудь соберёшься ехать снимать, купишь себе больше флешку.

Л: Я тебе щас (нрзб.) скину.

Н: Вот так вот. А мне и триста хватит.

Л: Вот чё ты – вот чё ты вот – вечно о себе думаешь – не могла взять на шестьсот – на семьсот, ну?

Н: Пап, я брала фотоапарат – не это...

Л: Токо для себя – вот единоличница, а?

Н: Не токо для себя. Да, я не спору, я брала себе.

Л: Ну и забирай его себе, и работай, ну!

Н: Он в любом случае мне остаётся. Я тебе говорю о чём?

Л: Кто тебе его забирает?

Н: Я тебе говорю о чём?

Л: Надо было флешку побольше взять.

Н: Даже если ты будешь, допустим...

Л: Триста! Чё такое триста, ну?!

Н: ...снимать где-нибудь – ты просто отснял, на диск перекинул – и всё.

Л: Ну а (нрзб.) диск? Качество теряется – какой диск? Ты чё, о чём ты говоришь?

Н: Какое качество?

Л: Да ещё какой диск попадётся.

Н: Какое качество тее теряется – ты чё? Или это у тебя уже отмазки пошли? Какое качество теряется?

С: У тебя качество потерялось – ты вот там – всё хотел показать. А?

Л: Что я хотел показать?

С: Как там? Видик-то или как там?

Л: А, свой фильм, что ли?

С: Да. Чё, качество ...

Л: Да не-ет, нет, нет.

Н: Теря-ялось, коне-ечно...

С: Вот о чём... Праильно?

Н: Да просто он не рубит ни фига.

С: Праильно? Праильно я говорю?

Л: Я не рублю, да? Ну конечно.

Н: На диск скачал – так же самое, и всё.

Л: А диск уже – всё! Цифры теряются – ну чё ты мне рассказываешь! Уже, уже истирается...

Н: Ладно, пойдём другим путём. Ты поехал в деревню.

Л: Ну.

Н: Ты триста... Ты снимаешь, допустим, пять садилов. Триста групп ты снимешь? Даже делая по два снимка.

Л: Ну а вдруг я буду портреты делать? (Нрзб.) буду делать?

Н: И чё?

Л: И чё. Если в садике по сто человек – (нрзб.) из одного садика. Там жить, да? Там на дорогу больше уйдёт.

Н: Зачем там жить?

С: Да, не говори. Зачем?

Л: Она хоть не знает – но ты-то чё?! За день всё не делается! Это минимум три – четыре дня жить там надо будет. Ты чё? Приехать договориться, а потом...

Н: У нас приезжают в садики – два часа – садик готов.

Л: Так слушай, они приезжают заранее договариваются, детей на второй день одевают, красиво, полностью. Они снимают только на второй де-ень. Не в первый день их снимают.

Н: Ну а как...

Л: Только на второй день их снимают.

Н: Ну а как ты хотел?

Л: Как хотел...

С: Ну, допустим, пускай – пускай Настя тебе говорит. А теперь мои мысли – подумай.

Л: Два садика – не больше.

С: Не, подожди, подожди. Вот ты приехал, договорился, вот – да?

Л: Я там живу-у.

С: С группой. Договорился.

Н: Зачем тебе там...

С: Подожди. Подожди. Это. Вот – договорился – я такого мнения – не знаю, как это... Вот. Ты договорился – в этот день ты не будешь снимать. Тебе сказали: Вот, ты завтра – послезавтра приедешь – да, придешь.

Л: Они мне не скажут – это я говорю, когда снимать.

Н: Ну вот.

С: Ну вот – ты приедешь, и снимешь, и уедешь. Зачем там жить-то?

Л: Я понимаю, но...

Н: Делается всё...

Л: Но всего триста человек! В садике – сто человек!

С: Ну пускай.

Л: В деревенском – у нас в районе сто человек.

С: Но пускай.

Л: Три садика, но...

С: Ну что ты – два-три дня будешь снимать?

Н: Как раз тебе.

С: Не говори.

Л: На флешку...

С: Не знаю – чё к чему?

Н: Ты – во-первых, делается так: приежжяешь за неделю, заранее. Привозишь образцы...

Л: Ну не за неде-елю – можно и раньше.

Н: Ну за две недели... Ну вот как у нас в садике – я тее пример приведу. Выставляют образцы в садике, и родителя записываются.

Л: Обычно два – три дня, не больше. Два – три дня – запи-исываются – я знаю эту...

Н: Запи-исываются – какой образец, какая фотография там – все делать не будут. Будет делать тебе с группы – допустим, группа двадцать человек – сделают – это максимум человек там десять. Максимум.

Л: Группа – они полностью не делают никогда.

Н: Это максимум – потому что они ездют очень часто. Вот как у нас в садике – я первое время кИдалась на это фото. А приежжяют все очень часто и у всех разные фотографии. Потом родители – у нас последний раз вообще, наверно, штуки четыре записалось.

Л: И все стараются сделать чё-то такое но-овое.

Н: А нового-то нету.

Л: Худо-ожественное, знаешь, чё-нибудь такое, интересное. Если фантазия есть в голове у фотографа – он старается такое чё-нть такое – ну, необычное сделать. Если есть необычное – значит, есть деньги. Нет необычного – есть стандарт – значит, денег нету. Праильно я говорю?

Н: Праильно. Если ты куда-то там соберёшься, если у тебя деньги будут собраться. Если ты соберёшься, значит, у тебя есть деньги. Значит, ты купишь себе флешку.

Л: Да вот хрен его знает – как вот – и работа – и хочется аппаратуру взять. Я тоже, слушай, болею по этой фотографии, как и ты, слушай. Вот мы два... Света, мы два фотографа, мы без этого вот – я уже скучаю. То есть куда-нибудь душу... душу...

С: Сразу по глазам видно. Вчера...

Л: Душу отвести...

С: ... даже трезвый был – когда встречал меня – ты знаешь...

Н: Чё, нету там больше?

Л: (нрзб.)

Н: Наливай, щас будем есть.

С: Я поела только что.

Л: Я есть не хочу, слышь. Куда есть – ты чё. Ну ты сама покушай, лапка.

С: Я говорю – вот две рыбы привезла – мать у меня рыбная душа – скорее – сковородку – и туда-сюда их жарить. «Будешь рыбу?» – я говорю: «Не хочу». (смех)

Л: Не, фотография для нас с Настей – это, бли-ин!

С: Дак, короче, слушай.

Л: Ну?

С: Так... Как же мне сделать-то? Час – так, если двенадцать – тридцать, час, два – в два часа дома будь...

Л: Хорошо.

С: Мы съездим на Левобережку, чё к чему, чё по чём, и возьму...

Л: Так, а где ж мне деньги взять?

С: Что?

Л: У меня денег-то мало. Насть, ты мне денег оставишь?

Н: (нрзб.) – что там оставлять?

С: Что?

Л: Ну, на билеты, Настя. Ладно, это мы сами решим, это не твоё дело.

Н: До Левобережки доехать, что ли?

С: Там бесплатный автобус.

Л: Ладно, ладно, ладно, ладно.

С: Туда и обратно.

Л: Ну ладно, ладно.

Н: Нету бесплатного автобуса – вот, левобережный банк, на это, на...

Л: Тут пешком пройти-то – ты чё!

С: Ну вот тем более.

Л: Вот, вот, напрямую, ну.

С: Ну сходим, чё к чему, я возьму паспорт, как и чё, какие документы..

Л: Токо это ничё там не думай там – где-то чё-то...

С: Я знаю...

Н: Там только с пенсионного надо справку – и всё.

С: Ну вот. Во-от таки дела. Съездим – как и чё почём...

Л: У тебя такие поговорки – «Вот таки дела-а», «а всё поня-ятно»...

Н: Туши бычки свои!

Л: Чё ты – щас затушу.

Н: Так он воняет, пап!

Л: Всё, всё, доча, всё – виишь – всё, всё, всё, всё. Всё так смотрят на него (смех).

Н: Все тушат – он не тушит, (нрзб.). И крышкой накрой.

Л: Ну затушил же уже – чё ты – я щас опять закурю, лапка.

Н: Хватит уже курить.

С: Да-а. Короче, можешь и раньше. Если в двенадцать-тридцать у меня комиссия... Так, слушай меня внимательно.

Л: Говори, Свет.

С: ...так лучше будет. После комиссии я сюда дойду...

Л: А чё у тебя лицо покраснело – давление поднялось, что ли?

С: Не знаю. Господи – я потому что пиво пью.

Н: Пивка дерябнула – и...

С: Не говори. А вот я пила и не краснела, да?

Л: Не видел.

Н: Сразу видно: рюмку выпила – и сиди-ит тода...

Л: Да? (смех)

Н: ... всё уже! (нрзб.) стало заметно – ну вот, когда Костя был – мы сидели.
 Л: Ну чё ты хочешь – года же! Я тоже (нрзб.).
 С: Не-ет, если бы я алкашка была бы...
 Л: Да перестань ты!
 С: ... а то я пью – токо-токо. (смех)
 Л: Све-ет, Свет, ну перестань – ну чё ты наговариваешь.
 С: Поэтому я и говорю: давай заканчивать.
 Н: Я вот – сколько у меня компании все – вот та-ам, в Чистоозёрке, где-есть вот мы пиво пили – я быстрее всех пьянею.
 С: Да?
 Л: Алкашка?
 Н: Я говорю (нрзб.) охота спать. И всё, иду и сплю.
 С: (смех)
 Н: Они там обижаются. То ли устаю, то ли чё.
 Л: Да ты весь день в трамвае, ёлки-палки.
 Н: То я пока туда-сюда – вот каждый день пересмены начинаются...
 Л: В четыре – в четыре встаёт, ну!
 Н: С Лёшкой я такая грю: «Сёдня вот раньше ляжем спать!» Сонька вообще вчера допоздна...
 Л: Так не получается.
 Н: Не получается.
 Л: Не получается, не получается.
 Н: Никого дома у тех не было – я только отвела в одиннадцать, пока пришла, умылась, туда-сюда – двенадцать.
 Л: Всё. В четыре часа вставать надо.
 Н: Пока уснёшь – час. В четыре вставать – и так весь день полазий.
 Л: Я тоже, слушай. Я же в шесть, да? Теперь уже Насте говорю. Вот Настя уйдёт, да? Я (нрзб.). Я уже раньше просыпаюсь, думаю: когда ж он заиграет, слушай? Включишь – «Ой, ещё час», слышь...
 Н: Да если бы он играл – а то он же орёт.
 С: А-га.
 Н: А как я, главное, на телевизор не реагирую!
 Л: Ты?
 Н: Да.
 Л: Ну я знаю, ну.
 Н: Он как бы когда включается, орёт...
 Л: Он включается – ты просыпаешься – «Настя, Настя!»
 Н: Мне вообще насрать. У нас проходит минут десять...
 Л: Я говорю (нрзб.) не отдыхаю, слушай (смех).
 Н: Проходит минут десять, допустим – меня уже начинает бесить, что он орёт – тогда я только встаю.
 Л: (смех)
 Н: Но. А так вот – у Лёньки будильник – ты слышал?
 Л: А эт... ну, ну – а я говорю – я каждое утро слышу его!

Н: Невыносимо вообще – вот он только запищит – всё, я сразу подскакиваю. Он ставит его на несколько раз – его только выключаешь – он опять пищит. У меня прямо аж нервоз действует.

Л: (нрзб.)

Н: «Лёня! Лёня, вставай!»

Л: Я слышал, слышь?

Н: «Лёня!» (смех)

С: Когда я у вас ночевала – тоже – напилась – первый раз (смех)

Л: А чё напилась?

С: А-а! Ну конечно! Напилася. Конкретно напилась.

Л: Признаётся, да?

С: А ну а чё такого – чё я буду стесняться! Так оно и... так оно и получилось. Я бы ушла бы...

Л: Чья зажигалка?

С: Моя.

Л: Ну сразу видать, что твоя (смех)! Зажигаю, зажигаю... (смех)

С: Она не зажигается (смех).

Н: Ну и чё перебиваешь – человек рассказывает.

Л: Ну ладно, ладно, чё.

С: И-и утром, короче, ты лежишь – а он уже: «Настя, вставай! Настя, вставай!» – Настя уже ушла, уже и это, одевается, умывается, а он опять: «Настя, вставай!» (смех)

Л: Да я знаю, что вставать ей надо.

С: Настя кричит: «Я пошла!» (смех) «Настя, вставай! Настя, вставай!» (смех)

Л: А я как – (нрзб.): «Настя-я!»

Н: Ой, ну это было всего раза два, наверно.

Л: Да постоянно, чё ты.

Н: Не надо, Лёня. Я просыпа... я вообще крепко сплю – что я, что Лёнька. Очень крепко.

Л: Крепко. Утром уходишь, да? – дверь закрыть – вот разбудить – это всё. Глаза откроет: «Щас, папа». Вышел в коридор, ждёшь. Тишин-на, слушай. Пойдёшь её за пятку – чх-х – за ногу подёргаешь: «Настя, вставай!» – «А? Щас, папа щас». – чик! – оп-пять спит! (смех)

С: (смех)

Н: А я иногда...

Л: ... такая злая, слышь? (смех)

Н: ...иногда не могу врубиться просто – зачем (нрзб.). До меня не дохоит. Если бы он сказал там «Дверь закройте» – я бы сразу подскочила.

С: М-гм.

Н: А он «Вставай!», а я понять не могу, зачем он меня будит. Думаю: ещё поспать можно, чё он.

Л: А я её через день бужу так вот.

Н: И так же вот – будильник ставлю – если я рядом его поставила, я обязательно спросонья его выключу – дальше спать.

С: (смех)

Л: Да-да-да-да-да-да.

Н: Так чтобы я встала, пошла куда-нибудь, я пульт – выключаю телевизор и выкидываю (общий смех) – далеко, чтобы он заорал, я утром его искала по всему...

Л: (нрзб.) проснулась (смех). Это я знаю, ну. (смех)

Н: У меня от него передалось во сне это глю'канье. Что он, короче – что я.

С: Короче, я думала – он, короче, по телефону звонит, потом...

Л: Какие глюки! О чём ты говоришь?

Н: Спросонья у тебя бывает – то разговариваешь, то ещё чё-нибудь.

Л: А, то вскакиваю.

Н: То вскакиваешь – так же и я.

Л: (нрзб.) дёрнусь...

Н: Или будить его – я боюсь его будить, когда он спит. Его подходишь, только (нрзб.) – вот так!

С: (смех)

Н: Всегда я пугаюсь.

Л: Аж подпрыгиваю. Испуг такой.

С: (смех)

Л: Не, серьёзно.

Н: Я так же во сне – вот у меня такая же фигня.

Л: Не, ну я тебя когда будил, ты не это, не вздрагиваешь.

Н: Не вздрагиваю, а ночью я могу встать.

Л: Вздёрнуться, да? Лёхе в пятак заехать.

Н: Не, у меня давно такого не было, а вот с бывшим жила когда вот...

Л: А, с этим придурком.

Н: ...до этого даже.

Л: Ой, эти кошмары – даже не говори!

Н: Встану чё-нибудь...

Л: Как (нрзб.) меня мучили в молодости – я не мог одну ночь пройти нормально, слышь? Я не мог спать, понимаешь? Я просыпался – я вот – от кошмаров – я не знаю сколько лет.

Н: У меня кошмары...

Л: Я боялся спать ложиться, представляешь? Боялся ложиться спа-ать. Это стра... Вот спать – это страшно было (нрзб.). Там такие кошмары – о-о-ой.

Н: Не, вот именно, у меня кошмары не снятся.

Л: О-о-ой, не дай бог.

Н: ... а у меня вот именно спросонья.

Л: Ну спросонья я тоже вздрагиваю.

Н: И если, допустим, нигде света нету...

С: Я с похмелья (смех) вздрагиваю.

Л: Нет, нет, нет.

Н: ...вот здесь вот светло – фонарь горит. А вот там, в деревне – там же фонари выключат – глаза открываешь – темно. Всё, тогда я начинаю гнать.

С: М-м-м.

Л: Короче, второй папа.

Н: С бывшим спим – вот так кровать, напротив кроватка – ну вот она, рядом. Сонька проснулась маленькая, орёт. Я подскочила – где-то ребёнок плачет.

Л: А где – не пойму.

Н: А мне сон снится, что где-то я в лесу вообще. Мне муж говорит: «Соня плачет». А я – типа это не Соня, а ребёнок где-то там. Я: «Где-то ребёнок плачет». Не могу врубиться. Темно, по стенам – пошла-пошла – ни конца им, ни краю нету, она разрывается, он уже сам встал...

Л: Псих тоже, слышь?

Н: ...грит: «Чё ты это?»

Л: ...как папаня, такой же.

Н: Нашла, взяла её на руки – потом (нрзб.): это мой ребёнок же плачет.

Л: У тебя такого не было?

С: Нет.

Л: Это... это знаешь как страшно? (нрзб.) – О-о-ой!

Н: Ой, а потому же когда проснёшься – мурашки по коже такие.

Л: Так (нрзб.), чё.

Н: Так это мерзко – допустим...

Л: Я говорю – я спать – я спать боялся – боялся спать ложиться.

С: У меня не было такого, как у вас. Но когда мне муж изменил – тогда когда я его видела – о-ой – ты знаешь, это вообще кошмар был: и всякая ерунда снится, и куда-то какой-то дом, какая-то квартира, и куда-то иду, у меня...

Л: Это лёгкое.

Н: Это сон.

Л: А это прохочит наяву. Натур-рально, понимаешь?

Н: Испытываешь это по-настоящему.

Л: Натур-рально, натурально.

С: Такого не было у меня.

Л: Расскажи, расскажи ей!

Н: Мы тогда – щас, подожди, не перебивай!

Л: Когда ты была маленькая.

Н: ...это, с бывшим лежим – а у нас двуспальная постель такая – огромная.

Л: Ну это жутики, слышь?

Н: Так: бывший, я и Сонька. Ой: бывший, Сонька и я. Соня посередине. И это. А свет уже не стали выключать на кухне – что, если я проснусь, чтобы я могла соринтироваться.

Л: Да, ориентироваться, ну, ну, ну, ну.

Н: А мать вырубит ночью электроэнергию или он ночью в туалет встанет, там – забудет.

С: Да, (нрзб.).

Н: Ну и всё – ночью так просыпаюсь, голову так поворачиваю – Сонина голова лежит – и вот у неё вместо рук змеиные там лапы, всё вот такое вот.

С: Ой, кошмар какой!

Л: Жуть, жуть.

Н: Жу-уть, и это испытываешь по-настоящему – ты уже проснулся.

Л: Натур-рально, натурально.

Н: Вот так вот легла, отвернулась...

Л: (нрзб.) это всё.

Н: ... до того страшно! Аж невыносимо. Лежу – аж не дышу. Повернулась – Соня спит.

Л: От страха. (нрзб.). Я говорю – второй папа, слушай.

С: У меня такого не было.

Н: У меня вот такие вот глюки. А здесь выключаем свет, потоушто светло. От фонарей падает как бы – нормально. Тут давно такого не было. Там то одеяло скину – пауки кишат.

С: Но – нет, такого...

Н: Скину одеяло на пол – Лёша грит: «Ты чё, дура?» Я грю: «Там пауки едят!» (смех) «Ничё себе, – грит, – больная!» (смех)

Л: Меня будит потихонечку – ко мне подходит, говорит – я аж на диване подпрыгиваю.

Н: А этот – тогда я помню, в зале спала – у нас зал такой большой там.

Л: (нрзб.)?

Н: Фотограф – вспышки же эти стояли – провода от них. Вылетает ночью – все эти вспышки – бф-ф-ф! – всё пособрал. Я на маленьком диване, а тут большой – дв! – переставил одну сторону. Дв! – другую. Я лежу так – глаза закрыла – аж страшно.

Л: Прикидываешь?

Н: У него глаза бешеные! Вот такие вот глюки у нас.

С: Да-а-а! (смех)

Н: Семья глюков. А вот у Яшки нету, у мамы нету.

Л: Нету, но.

Н: Надо было мне уродиться.

Л: В батю, да?

Н: Тогда проснулась – чё-то это – Яшка грит: «(нрзб.) играл». Я встала, главное, воды вскипятила. Мамка спала. Подошла, маму бужу, грю: «Иди голову мыть». (смех) Спросонья ничё не поймёт. «Я, – грю, – воды подогрела – иди голову мыть». А таких же будить как бы нельзя. Она так потихоньку...

Л: М-гм, шок будет.

Н: «Щас, – грит, – пойду».

С: Ну лунатик.

Л: Нет, не лунатик.

Н: Я так поняла – я даже не знаю, как это объяснить. Это во сне происходит.

Л: Это происходит, понимаешь.

Н: Лунатики-то не помнят, что они лунатики.

Л: А мы-то помним всё.

Н: Всё помнишь.

Л: Мы переходим в другой мир – в другой мир переходим.

С: Я первый раз слышу. (смех)

Л: Вот Расскажи, как ты была у тёти Гали.

Н: Не у тёти Гали я была, а у тебя дома.

Л: Ну тётю Галю видела ты.

Н: Я всех видела.

Л: Тётя Галя – поко-ойница, она видела моего друга поко-ойника, мы (нрзб.) были.

С: Я тоже (нрзб.)

Н: Один – то, что я – если бы я знала там. А то я же была маленькая.

Л: Она ж никогда не знала его. Когда я фотки показываю – она его показывает – вот, у этого дяди Володи были – они покойники уже – она никогда их в жизни не видела!

С: Она их видела?

Н: Я не видела.

Л: Никогда в жизни! Та [в значении «да»] они живут там, в Азии.

С: Слушай, у тее это...

Н: Вот, короче, просыпаюсь – сон мне приснился, и рассказываю. Грю, так и так, грю. И дед же, главное, ко мне приходил два раза.

Л: Да-а, да, дед – покойник.

Н: ...умерший – я его тоже никогда не видела.

Л: Никогда не видела. А по фотке описала.

Н: Нет, почему – фотографии-то я его знала. А комнату описываю – так, как в комнате чё стояло, как чё, короче. Будто я сижу на этой – как щас помню – он ко мне захоит. Я сижу...

Л: Ты с кем связалась-то?

С: Да почему я – с кем я связалась? Глупости, слушай, говоришь.

Л: Слушай, слушай, слушай, слушай.

Н: И это – заходит, говорит: «Пойдём со мной!»

С: А-га.

Н: А я так сижу на кровати, с ним разговариваю – «Ну чё, как дела», там это. Поговорили, и он такой: «Пойдём со мной» – и главное – окошко – и яркий-яркий свет.

Л: Яркий-яркий – а это я видел, видел – я тее рассказывал, что я видел, ну!

Н: И он, главное, стоит такой, это – и так, руку тянет мне.

С: А-га.

Н: А говорят же – нельзя – если руку подал – всё.

С: Да.

Л: А у тея страх.

Н: Нет, я маленькая была – у меня страха не было.

Л: Не было страха?

Н: Я не пошла.

Л: Страху не было?

Н: Ни страха, ничё – вот кабудто – кабудто так и надо – кабудто я его знала, это. Он так: «Пойдём со мной!» – а я сижу, руку не подаю – это, он так поближе подошёл – «Ну айда!» – такой. «Айда!» – типа – руку дал – «Пойдём со мной!». Близо не подхоит прям ко мне. Так, на это...

Л: На расстоянии.

Н: Да, на расстоянии протягивает – так вот я с ним и не пошла. Говорят, нельзя уходить. Гыт, если токо пойдёшь...

Л: А нас с Яшкой – нас с Яшкой он выгнал, слушай...

Н: ... с умершим...

Л: Вот нас с Яшкой тоже выгнал.

Н: Выгнал – это хорошо-о!

Л: Нас выгнал, нас выгнал.

Н: Это хорошо, значит, жить долго будешь. А если покойник зовёт – говорят, надо вот – даже если это сон – можно себя в руки взять и отказать типа.

С: Но-но-но-но.

Л: Но у тебя это был не сон кабудто бы.

Н: Нет, у меня сон был.

Л: Сон был?

Н: Да-а. Но я всё равно, главное, сижу вот так вот это – прямо руки (нрзб.) сижу на этой кровати, так это – голос такой у него: «Подём!»

Л: Ну, такой, ну, ну. Такой (нрзб.).

Н: Сижу – и «нет» не говорю, а просто сижу молчу. Он со мной разговаривает, а я (нрзб.). И по дому ходила там – всё описала.

Л: Всё, всё, вс...

Н: Друг его умерший – он мне фотографию показывает – там человек двадцать их на фотографии.

Л: Володя. Там группа такая, слышь – и она ... Он один там.

Н: (нрзб.).

Л: Да-а, мы с ней были у друга. У сестры, которая покойница – тоже показала.

С: Не, у меня такого не было. Мне даже покойники один раз токо приснились.

Л: Это (нрзб.)?

С: А-га, токо один раз...

Н: Я грю – здесь уже – одна ночевала – а у меня привычка такая – если диван собранный – я обязательно закидываю на спинку ногу. Ну лежу, утром такая просыпаюсь, голову поднимаю – стоит парень. Молодой такой, в форме такой...

Л: Ну ты рассказывала, военный.

Н: В военной форме – не в современной, а в старой такой, как в фильмах показывают – желтоватая.

Л: Воротничок такой – стоящий.

Н: Но. (нрзб.) держит – стрижка такая. Я на него так посмотрела – одеяло – бац! – дёрнула – что лежу, ноги задрала, ну, там одёрнула, лежу. И в голове прокручиваю: кто такой?

С: М-гм.

Л: Почему зесь появился, да?

Н: Думаю: хозяйкин сын, что ли?

Л: А как попал сюда, да?

Н: И тут же вспоминаю, что хозяйка говорила, что два ключа только – больше нет. Потом подняла – и нету. Я прям видела его – чётко.

Л: Слышь – сижу зесь курю, да? Вот полочка там стояла, да? Вон, полочка. Ты знаешь – вот кто-то по ней не ударил, слышь, а просто кто-то её взял ск-кинул её оттуда – такой удар по полке!

С: Но. Может, домовой? Какой-то.

Л: Посу-уда вся разбилася. А я сижу – Настя – Настя забегает – то да сё, я говорю: так и так. Главное, что полка лежит целая, всё, и стекло разбилось. (смех)

Н: А я уже привыкла к этим...

Л: Да это, слушай – я с детства с этим, слышь? Я с этим с детства!

Н: И это, Лёнька как переехал – то форточки у нас открыты, то окна нарастапашку. То балкон раскрыт – а зима-а!

Л: Я пришёл домой, зимой...

Н: Я говорю: ко мне барабашка, что ли, ревнует?

С: (нрзб.) не называй!

Л: Не, нельзя, ты чё, (нрзб.). Надо с ним как-то познакомиться.

Н: У меня уже такие мысли были – то, что это, думаю, мож, кто до этого жил – думаю, мож, кто на войну ушёл там, не вернулся – какой-нибудь пропавший без вести. Потому что в форме – форма такая ста-арая.

Л: Ну может быть, зесь какая-то бабушка умерла, которой сын зесь жил – такое, да, да, да. Такое может быть.

Н: Какой-нибудь без вести пропавший там...

Л: Да-а, да – и он просто не может войти в свой мир. Чё, для тебя это дико, что ли?

С: Нет, я слушаю.

Л: Для нас это обычно, слушай!

С: Нет. Я не то что дико – там – я не боюсь там и...

Л: Да мы тее не (нрзб.)!

С: Да при чём тут это?!

Н: Мы тогда вот, в Чистоозёрке в новый дом когда переехали – там же вообще страсти творились.

Л: А, в этом?

Н: Ну. Мне сначала бывший не верил. Грит: «Ну не может быть». Я то стуки какие-нибудь слышу, то ещё чё-нибудь. Долго уснуть не могу. А тут как-то лежим – он тоже не спал, тоже темно-о, свет выключенный. Игрушка – Сонькина утка такая...

Л: Утка – ну, которую в ванну кладут.

Н: Да. И она, короче, сломанная. Там аж микро... – она крякала – она её чё-то там разодрала, короче, аж микрофон этот весь разломанный – и я её взяла на гвоздик повешала на кухне, так, для красоты. Мы лежим – тишина такая. И утка эта: «Кря-я – кря – кря – кря».

Л: Сломанная утка (смех).

Н: Сломанная, уже вообще прям. Я лежу – уже более-менее – Лёша...

Л: (смех)

Н: Первый раз он ещё как-то это, более-менее такой, не врубился. «Чё там за игрушка крякает?» – я говорю: «Ну утка Сонькина». «Так она же, говорит,

сломана». Я говорю: «Ну так вот именно». И лежим. А диван сломанный – лежим прямо так от, рядышком. Опять какой-то проходит, замолчали чё-то...

(телефонный звонок)

С: Пошла я в туалет схожу.

Н: Алё! Алё. Дома. А? Чё делаю? Пиво пью. С отцом и со Светой. Ну. Чё?! Лёнь, не тупи! Ну с какой – с обычной. У тебя уже память отшибло. Ну, ты где?

Л: Возле подъезда, наверно.

Н: (смех) Пойдёшь, скинешь, я спущусь. А чё у тебя там – чё у тебя там за шум? Где стоишь? А чё ты в окне стоишь? А чё ты там вообще делаешь?

Л: (нрзб.) (смех)

Н: Ну ладно, позвонишь.

Л: Так он уже домой едет, да?

С: Пиво.

Л: Пиво выливается, да?

С: Но! (смех)

Л: А, ничё страшного.

Н: Начнёт выливаться – мы-то молодёжью соберёмся – мы не (нрзб.) пьём. Литрами.

С: Вот третьего мая у нас тоже, короче, скандал с матерью получился – я, короче, ушла из дома. Ну, знаешь – короче, неважно. Третьего мая я запила. Начала с водки. Знаешь – псих начался – ты знаешь – начала я с водки. Потом – вино. И знаешь – я семь тысяч пропила. Семь тысяч пропила! И потом я закончила тем – думаю, надо домой. А ночевала я чёрт знает где. Знаешь, как (нрзб.). Сколько лет я живу – никогда такого не было. Вообще я – ни...

Н: У меня максимум, сколько я выпиваю – это два дня. Грю, максимум – сколько вот – два дня.

Л: Да кого ты там (нрзб.)

Н: Да и то – так.

С: Я и сама...

Л: Она вообще водку не пьёт.

Л: Кто?

С: А я наоборот – водки лучше стакан...

Н: Я лучше водки выпью...

Л: А чё я бы тогда водки взял, чем пива!

Н: Не знаю – ты же сказал, бутылочку возьмишь.

Л: Ну возьму схожу, если надо.

Н: Кого возьмишь?

Л: Бутылочку.

Н: Ты чё, прикалываешься (нрзб.) водку. Нет, в другой раз...

Л: Мне сказали пива – я пива...

Н: Мне лучше, если есть закуска – я лучше водки, чем пива.

С: Я тоже, я лучше...

Л: Ну, всё, всё, сговорились – ну, ё* твою...

Н: Почему – мы просто рассуждаем.

Л: Давайте – я схожу чекушку возьму маленькую.

С: Ааа!

Н: Зачем?

С: Зачем?

Л: А давайте я пива возьму!

Н: Зачем?! Ну посидели, выпили – и всё. Всем на работу.

С: Да.

Н: У всех дела. Это когда выходной – другое дело. Мне вставать в четыре.

С: Он меня спрашивает: «Ты где?» – я говорю: «Дома». Я могла бы наговорить, что я на даче. Я не могу врать – вот в чём дело – не могу врать. Еси я дома – значит, дома.

Н: А я – смотря кому. Кому-то соврать не могу. Допустим, Саша вот. Ой! – с три короба. Вот сижу прям, смотрю на него – он мне ве-ерит! И чем больше он верит, тем больше я вру. (смех)

Л: Тее эти приколы (нрзб.), да?

Н: Приколы начну, ржу над ним. (нрзб.), с мальчиком встречалась. И он это: «Ну чё, грит, ты чайником-то пользуешься?» – уже разошлись когда. Я это – «Ну да, конечно, пользуюсь. Я грю, как чай наливаю – так сразу тебя вспоминаю».

Л: (нрзб.) по ушам ездить!

Н: Да ну на фиг – серьёзно. Я грю, «Вот утром встаю...» (смех)

Л: По ушам ездит.

Н: Слушает – уши развешивает. Или бывает такое – допустим, Лёнька. В пять утра припёрлась туда, он меня спрашивает, где чё была – я ему начинаю правду рассказывать.

Л: Он не верит.

Н: Ещё выпившая, как бы меня вообще на правду тянет, да и насрать там. Рассказываю (нрзб.) – он мне не верит! Так и так – с тем-то с тем-то была. «Да ну на фиг!» – Я начинаю тогда сочинять (смех).

С: (нрзб.) (смех)

Н: Так же и с Сашей с этим.

Л: С каким?

Н: Ну вот с этим. С чайником.

Л: Ну и чё?

Н: Он, короче там шашлыка-а-а, всего понабрал...

Л: Да ты чё-ё! (нрзб.) отказал, да?

Н: А как бы парень он неплохой...

С: (нрзб.) вообще, да?

Н: Ну посидели, пивка попили. Я грю: «Саш, уже поздновато». А вначале как зашло – (смех). Парень, короче, знакомый – ну прошёл, виду не подал – видит, что я с ним сижу.

Л: Ну. Ну ясно дело.

Н: Виду не подал там, туда-сюда,

Л: Никто не подаст виду, ну.

Н: Один знакомый – там тоже сидит второй знакомый. Там девчонки. Ну, как бы я с ними не знакома – домой-то идти неохота, выходной следующий день. Ну и сижу, говорю, это: «Ну ты не против, если я того паренька танцевать приглашу?»

Л: (смех)

Н: А он такой сидит, как лошара вообще. «Нет, не против». И тут же этот пацан подходит меня приглашает. Потанцевали, естественно договорились, как там чё.

Л: (смех)

Н: «Всё, – говорю, – Саш, уже поздно. Как ты, – говорю, – домой-то уедешь?» – «Я на такси поеду». Ну маленько посидел, короче. «Всё, – грит, – я пошёл. Ты, – грит, – остаёшься с этим?» – ну, типа, видит, что пацаны там (смех). Я говорю: «Да. Поежжай домой». Он, короче, типа уходит. Все ко мне при-это, с девками, короче, познакомилась там, всё. Потом сидим – наверно, минут двадцать прошло. Саша этот возвращается «А я, говорит, за тобой наблюдал, как ты, чё. Ну, что вот, какая неприятность – мо-мо-мо-мо-мо. Я говорю: «Да нормально у меня всё! Поежжай домой». Туда-сюда, короче – он сваливает. Уехал домой, наверно, в первом часу ночи. Ну всё – и до полпятого я там... отдыхала.

Л: Пробалдела, да?

Н: Мы и танцевали там с девками, и... и вот так я отдохнула хорошо – вот от души прям.

Л: Ну вот видишь.

Н: И главное, что я итогом и пить-то (нрзб.) – ну, как-то норму набрала такую – для веселья.

Л: Для веселья, но.

Н: Мы и танцевали там, и чё вот – так было хорошо, весело вообще. Ну прихожу – уже светлынь такая – Лёня спит. А звонила-то я с Сашка' телефона – у меня зарядка села.

Л: М-гм.

Н: Он сначала не врубился. Я пришла его разбудила.

Л: Спал бы и спал.

Н: Сидим на кухне, курим – а он на рыбалку собирался, будильник на пять часов утра завёл. Сидим на кухне, курим – будильник звенит. До него тогда только дошло. «А ты во сколько, – говорит, – пришла?» (смех) Так и так, где была рассказываю: там-то, там-то там.

Л: Ну – отдыхала в кафе-е, с молодёжью, ну.

Н: Не верит. Я говорю: «Пошла с Сашей – ну, он Сашу этого видел, когда приходил – он мне не верит.

Л: Ну значит любит тебя, слушай. Чё тебе – чё тебе ещё надо?

Н: Ладно. Начинаю врать. Он говорит: «Ну скажи правду». Я говорю: «Пошла с другом, с его подругой. Просидели, проболтали, потанцевали, туда-сюда. Спокойненько – собрался, пошёл на рыбалку. Позвонил Са-аше. Узнал.

Л: Ага

Н: «Ты же, – говорит, – телефончик мне оставила». А я-то сначала не врубилась, что я-то с Сашка' телефона звонила.

С: А-а (смех)

Н: Он грит: «Ты же мне оставила – вот (нрзб.) позвонил». Я говорю: «Чё он тебе сказал?» А Саша молодец, он сказал, что он был с подругой. Но тут как бы подыграл – всё равно молодец.

Л: Молодец, молодец.

Н: Сообразил, чё. Он гыт: «С кем были, туда-сюда там».

Л: Ну молодец, ну, базару нет.

Н: Он грит: «Настя, я и подруга моя».

Л: Молодец! А ты его, слушай, обсираешь, да?

Н: Имя только это – «Как тебя зовут?» – «Серёга» (смех). А я-то сказала – Саша! «Серёга» (смех). Меня-то потом спрашивает – «Серёга или Саша – кто там?» (смех) Ну так он и забыл.

Л: Забыл, конечно.

С: А я взяла шоколадку, это, Соньке.

Л: Всё в порядке?

С: В порядке. Я бы не пришла бы. Говорю, с дачи приехала – думала, отдохну. Я знаю, что это, на даче должна быть (смех).

Л: Да-а, интересный ты человек.

С: Нет, просто дома сделала бы, туда-сюда, знаешь. Вот. Ну так и короче, и слушай меня.

Л: А зачем ты пришла?

С: Да я уйду всё равно.

Л: Ты уйдёшь всё равно?

С: Это, в понедельник с комиссии зайду и мы сходим на Левобережку, какие документы надо или чё там – короче, посмотрим, как и чё – я возьму паспорт там – ну, паспорт у меня будет...

Л: (шёпотом): ...у тебя глаза красивые...

С: Ой! Ну вот, и это...

Л: (шёпот)

С: (смех)

Н: Всё, короче, я есть буду.

С: Давай.

Л: Пойдём в зал – пускай она (нрзб.).

Н: А я могу и в зале поесть.

Л: Нет, нет, нет. Нет, мы пойдём в зал.

Н: Я не хочу зесь сидеть!

Л: Пошли, пойдём.

С: Потуши. Потуши-и – что за манера.

Н: Вы бы посидели зесь, а я бы в зал ушла.

С: Да, вот именно.

Л: Нет, нет, нет, нет.

С: Не хочу я в зал.

Л: Ты, (нрзб.).

Н: Пап, ну я одна буду зесь сидеть, как дура. Там хоть телевизор есть – вы-то всё равно разговаривать буετε – а я буду одна сидеть.

С: Давай поговорим. Давай. Чё, первый день, что ли встречаемся?. Давай, садись рядом. (смех) Что-о ты... Что?

Н: Психанул.

С: Да ну! Пускай психует.

Н: Да сидите, щас Лёнька придёт, поесть ему...
Л: А! – Согласен!
С: Нет, нет, нет.
Н: (нрзб.) на кухню сесть – ты чё прикалываешься?
С: Я всё равно уйду щас – я могла бы не прийти бы.
Н: Куда мы уйдём?
Л: Да подожди! Они пойдут погуляют, мы с тобой...
Н: Сиди! А куда тее?
Л: Чё ты, ну! Ты чё?
С: А-ха
Л: (стук по столу)
Н: Мама не умрёт.
Л: Чё ты в самом деле, ну?
С: О-о-ой!
Л: Ты чё, стесняешься или чё?
С: Да не стесняюсь я.
Л: Да мы с тобой уже...
С: Что?
Л: Скоко... скоко лет встречаемся, ты чё!
С: Да, особенно лет!
Н: (нрзб.) – годы прошли.
С: Да, не говори.
Л: Ничё сее – (нрзб.).
С: (смех)
Л: Да я чё – я же пошёл, я же купил этого.
С: (нрзб.)
Л: Кого?
С: Сотовый.
Л: А, да. Вдруг Лёха позвонит, да?
Н: Но.
Л: Ну понятно. Пошёл же в магазин купил, приготовил (нрзб.) пошёл, и думаю – тебе сразу позвоню: выйдешь ты, не выйдешь. С тобой созвониться.
С: Пошла.
Л: Ну а что ты, ну а что случилось? Чё ты переживаешь-то? Ну что случилось? Что, мир перевернулся или что?
С: Могла бы и соврать, что я на даче.
Л: Ну что не соврала?
С: Я не соврала. Я не соврала.
Л: Так надо было соврать.
С: Могла бы и соврать.
Л: Надо было соврать.
С: А я не могу врать.
Л: Я подождал бы.
С: Что бы подождал?
Л: Пока ты с дачи приедешь.

С: (смех) А если бы я не приехала бы?

Л: Что, там жить будешь, что ли?

С: Не-ет.

Л: Ну, вот видишь. Всё равно назад приехала бы, правильно же?

С: Ой! Ну.

Л: Слушай, у нас с тобой глаза одинаковые, правильно?

С: Когда?

Л: Всегда. Цвет глаз одинаковый.

С: У тебя?

Л: У тебя и у меня.

С: Не знаю.

Л: Твои глаза – теперь смотри в мои глаза.

С: (нрзб.).

Л: Да не лицо – ты глаза смотри! Глаза смотри – причёску (смех)! (смех)

С: Вся в родинках. Зесь родинка. Глаз, если – тоже родинки. Зесь родинка.

Везде родинки.

Л: Ничё страшного.

С: Должны быть чистые.

Л: Я тебя быстрее в морге опознаю. (смех)

С: (смех) Спасибо!

Л: Я шучу-у!

С: Спасибо.

Л: Есть такие приколы, слушай.

С: Да нет! Я первый раз слышала такое.

Л: Нет, нет – мы не врём. Такие у нас казусы. Мы проваливаемся, куда-то, слышь, куда-то. Мы натур-рально, натурально. И так вот всю жизнь. (нрзб.). Как я её взял первый раз – так (нрзб.) до сих пор – эти жути все.

С: Да.

Л: Я тебе говорил, что я боялся, вообще я боялся сна. Ты говоришь, что я псих – тут психом станешь. Я боялся сна, я боялся спать – потому что я всегда куда-то уходил – (шёпотом) я всегда куда-то уходил. То в меня стреляют, то ещё чё-нибудь – понимаешь? Эти ж-жути, кошмары – представляешь?

С: Нет, такого не было.

Л: А-ай, лялька. Засыпаешь – видя себя, да – ну, то, что я и говорил – там, себя издавека-а, там свечение... Видеть себя – как тебя расстреливают. Стреляют в тебя – натур-рально, слышь?

С: Ну и как ты себя чувствовал?

Л: Как чувствовал – проснулся – как!

С: Понятно.

Л: Ну ты представляешь, как такой всё – стресс перенести – натурально.

С: У меня...

Л: Жуть, жуть – как вспомнишь.

С: ...такого не было.

Л: Это не новость, это всю жизнь так. Последнее время немножко это. Как кому эту прошёл, я немножко успокоился. И то – и то не проходит. Тебе же Настя рассказывала, как она меня будит – я аж подпрыгиваю.

С: А-а-а.

Л: (шёпотом) Скажи: с кем я связалась, да?

С: Опять начинается. Опять начинается.

Л: Я не знаю. Был у психолога – грит, психически ты нормальный человек.

С: Ты?

Л: Да. Я же в армии служил.

С: О-ой! Да.

Л: Что? Что-что-что-что-что? Что «да»?

С: Я первый раз слушаю.

Л: Слушай...

С: Ну, видишь...

Л: Не, ну у него же машина имеется же, да?

С: (нрзб.)? – Да-а. Сидела там в этом костюме.

Л: Тихо, тихо, тихо.

С: Да ничё. Всё пройдёт.

Л: Вообще – вообще – как ты ко мне относишься? Вот щас ты много обо мне узна-ала.

С: Ещё не много узнала.

Л: (нрзб.)

С: Всё ясно с тобой. Я тее скажу...

Л: (шёпот)

С: (смех) Такое ощущение, вот, к себе вот. Я тее сама скажу.

Л: Тих, тих.

С: Не надо говорить. Потом я тее скажу.

Л: Как будто я тебя тяну к себе, да?

С: Знаешь, не надо.

Л: Тихо, тихо, тихо.

С: Мне не нравится, что ты говоришь. Конечно, я тее сказать.

Л: Тихо, тихо.

С: Что?

Л: (смех)

С: Записывает. Пойдём погуляем.

Л: (нрзб.)

С: Нет, уже полвосьмого уже.

Л: Щас Лёха придёт – они уйдут сразу.

С: Нет. Конечно. Я сказала, я щас приду. Надо было соврать. Надо было всё-таки соврать мне.

Л: (нрзб.) потому что ты сама хотела со мной увидеться.

С: М-гм.

Л: Ну чё ты врёшь?

С: Не знаю.

Л: Ты не хотела со мной увидеться?

- С: Нет, что врать не умею. Что правда.
- Л: Ну ты же хотела со мной увидаться?
- С: Если бы не захотела бы – не пришла бы. (смех) О-ой!
- Л: А ты у меня молодчина, серьёзно.
- С: Молодчина. Кода я сплю.
- Л: Да не на-адо – спишь ты. Ты меня всё равно будешь редко видеть.
- С: А если я в больницу лягу? Вообще тебя не увижу?
- Л: Слушай, Облбольница же это, слушай – ...
- С: Вот, двенадцать-шестьдесят, ой, двенадцать... – от, с Винапа – двенадцать... двенадцать-шестьдесят.
- Л: С Винапа... с Винапа – Облбольница – там она как ещё называется?
- С: А здесь, на конечке – двенадцать-ноль-четыре.
- Л: Я ж там же сегодня был. Там улица такая – Геодезистов.
- С: Нет, ты на Студенческой был.
- Л: На Студенческой, да.
- С: А она – нет.
- Л: Я был в конце, в (нрзб.) домах.
- С: Через мост переезжаешь.
- Л: Да, через мост, да, через мост, да, да, да, да, да. На двести третьем я ехал оттудова. А, нет – автовокзал я не проезжал, слушай.
- С: Ну вот – это, ты был на студенческой.
- Л: На Сту... – да-а. Геодезистов.
- С: Да. Так что... – а здесь – двенадцать-ноль-четыре.
- Л: Если, слушай, знаешь – утром выехать – там яблок купить или ещё чё-нибудь – к тебе в гости приехать – ну в гости-то можно приехать?
- С: Я сказала матери: я грю: «Если я лягу в больницу...»
- Л: Не, ну я как – ну...
- С: ...чтобы никто ко мне не приезжал».
- Л: Не, ну я-то приеду к тебе. Чё, Лёха идёт, да?
- Н: Да, идёт.
- Л: Я говорю: мне-то можно приехать.
- С: Заработаешь.
- Л: Нич-чё себе! В куртке приеду, переоденусь – я же могу и в форме приехать.
- С: Не надо в форме. А кстати, стирать когда буешь?
- Л: Щас – постираем.
- С: (смех)
- Л: Да ну – она уже такая вся се-ерая. Ладно. (нрзб.) thee неприятно самой.
- С: Ладно.
- Л: Как хорошо, что ты пришла. Я даже (нрзб.). Честное слово.
- С: Когда (нрзб.)? В понедельник?
- Л: Ну конечно, как мы с тобой договорились. Ну чё, Светка. Ну как тебе наше общество с Настей? Нормально? Не пугаешься, ничё – нашего – таких этих, знаешь – потусторонних этих?
- С: Короче: вот такое «Я» показываешь себя – честное слово. Я thee скажу. Если что-то мне не нравится, я thee скажу. Я молчу – значит, всё нормально.

- Л: Ну откуда я знаю – может, ты в себе чё-то держишь.
- С: Да прям – я такой человек – я знаешь – вот, или говорю, или я сама ухожу, или как-то.
- Л: А ещё как? А ещё как – ну скажи, чтобы я знал.
- С: Скажу. Человеку.
- Л: Какому человеку?
- С: Если мне не нравится что-то.
- Л: Да?
- С: Конечно. Своё «Я» не надо показывать.
- Л: Да не-ет...
- С: «Я такой, такой!» – чё по чём – ой, не-ет...
- Л: Да го-осподи – может ты... может ты бои-ишься...
- С: Да прям я – я ничё не боюсь. Я вообще ничё не боюсь.
- Л: (нрзб.)
- С: Да? Не надо мне. Я (нрзб.), всё. И до свиданья.
- Л: (нрзб.). ...потолок держал руками.
- С: (смех)
- Л: Да-а. Ноги подкосились – и упал. Чокнутые.
- С: Ты ё*нутый?
- Л: На полную голову.
- С: (смех) Всё я-ясно с тобой. С тобой всё ясно.
- Л: Ерунда всё это. То, что мы вчера (нрзб.). Просто воспоминания.
- С: О-о-о!
- Л: Что?
- С: У Соньки (нрзб.)?
- Л: Косметика.
- С: Да? Она красится?
- Л: Красится.
- С: Да ты чё! (смех)
- Л: Мы с Настей не запрещаем – пускай красится. И ногти подкрасит...
- С: В одном классе – Наташка Чернышова была.
- Л: Как фамилия?
- С: Чернышова. Ну вот. Глаза – чёрные, ты знаешь – ресницы – чёрные...
- Л: Красивые, да?
- С: Ага. И тут, короче, иду а выпускной – а нас как – запрещали красить. Ей гыт: «Иди помой глаза». Она мыла-мыла (смех)...
- Л: Если они некрашенные – кого там мыть-то, но?
- С: Там воше – учительница. (выходит, пауза)
- Л: А чё ты ничё не сказала? От бл-лин! Щас я тебя сделаю!
- С: Начинается. Ну что случилось? Ну что случилось-то?
- Л: Ну сказала бы: «Папа, я (нрзб.)», ну!
- С: Ну и что? Ну и что?
- Л: Так, ну чё – слушай, мы весь разговор записываем – ну ладно, пускай записывается дальше. Да я просто узнаю, долго она будет гулять или не-ет – чё ты думаешь – чё я, такой дурак, что ли?

С: Ну зачем кричишь? Ой – звонишь? Если – мож, она вышла – и чё-то ей надо. Мы с тобой разговариваем...

Л: ...скоро она придёт или нет.

С: Что – ну и что? Ну и что? Ну и что?

Л: Она пошла за Лёхой, всё.

С: О-ой, блин! Знаешь – не нравится мне это – вот это – начинается... твоя глупость.

Л: Вот такой я понтовитый, да? Так, всё, я выключаю.